

Основные цѣли библейскаго общества, взятыя сами по себѣ въ ихъ чистомъ видѣ, были очень почтенны: онѣ состояли въ изданіи книгъ священнаго писанія, безъ всякихъ комментариевъ, на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, на которыхъ говорили разнообразныя народы, населявшіе Россію и не исповѣдавшіе даже христіанской вѣры, а также въ возможно широкомъ распространеніи ихъ путемъ продажи и даровой раздачи; особенное сочувствіе вызываетъ переводъ библіи на разные языки и нарѣчія. Чтобы судить объ усѣбности результатовъ дѣятельности библейскаго общества въ Россіи, достаточно замѣтить, что до открытія его дѣйствій въ Россіи вышло въ свѣтъ, со времени введенія книгопечатанія, всего 22 изданія библіи, иначе говоря, никакъ не больше 60000 экземпляровъ ¹⁾; съ 1813-го же года по 1823-й, въ теченіе 10 лѣтъ, библейскимъ обществомъ напечатано и приобретено было 704831 экземпляръ, изъ коихъ разошлось 427704 экземпляра на сумму 1833207 руб.; обществомъ собранъ былъ капиталъ въ 2816293 р., въ томъ числѣ пожертвованій 1993168 руб. и 821124 р. за вырученные экземпляры ²⁾. Но, къ сожалѣнію, къ этимъ чистымъ цѣлямъ примѣшались другія, постороннія, и на основаніи ихъ библейскія общества превратились въ орудіе для проведенія системы народнаго образованія въ духѣ извѣстныхъ намъ воззрѣній кн. А. Н. Голицына. Въ школы такимъ образомъ, вмѣстѣ съ библейскими обществами, вторглась политика, которая выступила довольно рѣшительно противъ ихъ научныхъ задачъ; вѣра объявила войну разуму, который всячески дискредитировался въ мистическихъ сочиненіяхъ, вдохновлявшихъ кн. А. Н. Голицына, З. И. Каряева и другихъ видныхъ дѣятелей библейскаго общества. Не довольствуясь лицами, которыя могли свободно и сознательно отнестись къ проповѣди библейскаго общества — а въ этомъ свободномъ и сознательномъ отношеніи былъ единственный залогъ его *прочнаго* успѣха, — кн. А. Н. Голицынъ и подчиненные ему дѣятели учебнаго вѣдомства перенесли свою пропаганду въ школу — и при томъ не только высшую, но и среднюю, гдѣ уже никакъ нельзя было рассчитывать на пониманіе высшихъ запросовъ челоѣческаго духа въ сферѣ религіи. Образовалось особое библейское сотоварищество среди воспитанниковъ Харьковской гимназіи. Въ 1823 году вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей Склабовскаго сборникъ прозаическихъ и стихотворныхъ упражненій въ словесности питомцевъ благороднаго пан-

¹⁾ Отчетъ комитета Моск. отдѣл. библ. общ. за 1814-й годъ, М. 1815 г., стр. 32, со ссылкой на „Опытъ рос. библиографіи“.

²⁾ Извѣстія о дѣйствіяхъ и успѣхахъ библ. общества въ Россіи. 1824 г., Спб. 1824, стр. 15—22.

сіона Коваленкова въ Харьковѣ, носящій на себѣ яркую печать „духа времени“: въ немъ преобладаютъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія—о вѣчности, о смерти христіанина, о добродѣтели, о характерѣ истиннаго просвѣщенія, основаннаго на непорочности нравовъ, о превосходствѣ библіи надъ поэмами Гомера, о божественныхъ гимнахъ, о надеждѣ на Бога, о вліяніи христіанства на музыку; таковы и стихотворные сюжеты: вечерняя молитва, Богъ въ веснѣ, Богъ въ бурѣ, хвала Всевышнему, храмъ. Среди стихотвореній два написаны по случаю открытія сотоварищества російско-библейскаго общества въ слободско-украинской гимназіи. Вотъ первое изъ нихъ, принадлежащее перу Аполлона Чернозубова.

„О коль великъ и мудръ есть Богъ!
Создать однимъ онъ словомъ могъ
Изъ мрачна хаоса нѣмого
Прекрасный міръ и совершенъ!
Въ природѣ Бога нѣтъ другого
И сей отъ вѣка не рожденъ!

Онъ дхнулъ—и вѣтры заревѣли,
Гремящи громы загремѣли,
И съ суши здвигнувшись моря
Въ предѣлахъ стали утверждены.

Все власть повѣдало царя,
Царя—создателя вселенны.

Онъ надъ землею сводъ небесъ
Простеръ прекрасно для очесъ.
На ней онъ населилъ творенья,
И воцаривъ въ ней тишину,
Дню солнце далъ для освѣщенья,
А ночи кроткую луну.

Все мудро! Умъ не постигаетъ!
Одна пылинка изумляетъ!...
Никто не объяснить во вѣкъ
Чудесъ причины сокровенны!
И чтожъ нашъ умъ? Что человѣкъ,
Тобою въ міръ сей сотворенный?

Онъ—прахъ ничтожный предъ Тобой;
Но Ты бессмертною душой,
Неоцѣненными дарами—
Его, Всесильный, наградишь;

Для управленія страстями
Въ немъ разумъ, совѣсть поселилъ.

Царемъ онъ сдѣлался вселенной;
Черты въ немъ мудрости священной
Сіяютъ неземнымъ огнемъ:
Онъ-чистый образъ Твой, Создатель,
Печать безсмертія на немъ,
Печать Твоя, всѣхъ благъ податель!

Его ты словомъ одарилъ
И садъ прелестный насадилъ
Вокругъ него во услажденье;
И онъ, едва на міръ воззрѣвъ,
Уже въ священномъ изумленьѣ
Тебя прославить захотѣлъ!

Далѣе сообщается о томъ, какъ Моисей, Давидъ и другіе бого-
вдохновенные мужи воспѣли Бога въ библіи. И за тѣмъ въ заключе-
ніе говорится:

О, вы, питомцы музъ, поэты!
Чтобы высокіе предметы
Умѣть достойно воспѣвать,
Читайте библію святую;
Она научитъ, какъ снискать
Себѣ награду неземную.

И нынѣ, юные друзья!
Восторгомъ душу упоя
Начальству за благія мѣры—
Которыя мы ясно зримъ
Въ распространеніи книгъ Вѣры—
Всю благодарность воздадимъ“.

Другой пѣта Ст. Гельфрейхъ началъ свое стихотвореніе также
съ указанія на библію, которая заключаетъ въ себѣ славословіе Бога,
и затѣмъ продолжаетъ его такъ:

Читайте вы ее (Библію), о юные поэты!
Внимайте золотымъ струнамъ
Давидовой псалтыри; тамъ
Откроете вы дивное искусство!
Творца природы воспѣвать
И пѣнемъ душу увлекать,
И сильно трогать сердца чувство!

Но чтожь? Ужель поэтъ сей вдохновенья сынъ
Симъ можетъ утолить къ высокому стремленье?
Ахъ, нѣтъ: кто наслаждается одинъ,
Тотъ не вполнѣ вкушаетъ наслажденье.
Законъ божественный—источникъ благъ;
Одни-ли изъ него мы почерпать ихъ будемъ?
Кто помнитъ лишь себя, тотъ Богу, людямъ врагъ;
Сей истины мы, други, не забудемъ!

Мы слышимъ мудраго начальства кроткій гласъ!
Оно, писаніе вездѣ распространяя,
Участвовать въ томъ приглашаетъ насъ;
И тожь любовь къ добру внушаетъ намъ святая.
Откажемся ль хотя по *лептъ* прибавлять
На тѣ священныя лампы,
Которыхъ свѣтъ прольетъ вездѣ отрады,
Въ отчаянныхъ надежду поселить,
Покажетъ страждущимъ неложныя награды,
И самыхъ дикихъ просвѣтитъ,
Смягчивши ихъ сердца суровы?
О вѣтъ! Мы всѣ участвовать готовы.
Полезными готовы ближнимъ быть
Въ прекрасномъ дѣлѣ просвѣщенія!
Готовы все употребить,
Что можно намъ, и тѣмъ начальству изъяснить
Долгъ благодарности за нѣжно попеченье
О *нашемъ благѣ и спасеньѣ*“.

Стихотворенія эти, какъ видимъ, не блещутъ художественными достоинствами, они не вылились у авторовъ подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства—это пиитическія упражненія по заранее составленному и предложенному учителемъ плану; очевидно, наставникомъ внушенъ былъ и конецъ стихотвореній, гдѣ выражается признательность начальству за устройство библейскаго сотоварищества въ гимназіи.

Библейскія общества и сотоварищества имѣли вѣшній успѣхъ и въ самомъ Харьковѣ, и въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, но этотъ успѣхъ не сопровождался ихъ внутреннимъ органическимъ ростомъ: они не сумѣли достичь своей главной цѣли, отъ которой зависѣло ихъ будущее—привлечь къ себѣ искреннія и глубокія симпатіи общества; а причина коренилась въ томъ, что данное движеніе, по существу своему общественное, шло сверху, изъ правительственныхъ сферъ и принималось представителями общества формально, какъ нѣчто

виѣшнее для нихъ, постороннее и подѣ часть навязываемое. Разъ же въ правящихъ сферахъ началась противъ него реакція, сейчасъ же оказалось, что у него было мало почвы въ той общественной средѣ, гдѣ оно распространялось. Прекраснымъ доказательствомъ этой мысли является фактъ, приводимый въ письмѣ Шишкова къ Аракчееву. Шишковъ выступилъ съ самыми тяжкими обвиненіями противъ библейскихъ обществъ передъ Государемъ Александромъ I-мъ, говорилъ, что явная цѣль ихъ заключается въ истребленіи православія, возмущеніи отечества и производствѣ въ немъ междоусобій и бунтовъ. Конечно, эти обвиненія характеризуютъ только личность самого Шишкова, а не обвиняемыя имъ общества; но можно представить себѣ, въ какое смущеніе должны были прійти члены ихъ (въ особенности тѣ, кои занимали высокія мѣста въ духовной и свѣтской іерархіи), когда имъ сдѣлалось извѣстно, что ихъ теперь тяжело порицаютъ за то, къ чему прежде всячески привлекали во имя высшихъ интересовъ религіи. Объ этомъ колебаніи умовъ свидѣтельствуетъ обращеніе, написанное слободскоукраинскимъ епископомъ Павломъ къ митрополиту Серафиму, приводимое Шишковымъ въ его письмѣ къ Аракчееву. „Изъ письма слободско-украинскаго епископа Павла можно видѣть, читаемъ мы тамъ, какое колебаніе умовъ *происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться.* Онъ спрашиваетъ разрѣшенія: *какъ поступать и дѣйствовать ли по прежнему?* Повидимому, зараженный самъ, не знаю — ложными ли понятіями или инымъ какимъ побужденіемъ, выхваляя сіи общества, признается однакожь, что *всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпятъ ихъ не могутъ и что сборъ денегъ и продажа книгъ производится во всей епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства, и то по принужденію.* Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приносятъ такъ называемое ими *распространеніе слова Божія!* благое названіе, данное злему дѣянію, потому и водворяющее, вмѣсто согласія и страха Господня, раздоры и суетумудріе... Насильственною продажей книгъ собираютъ деньги и, производя въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, безстыднымъ образомъ друтъ въ газетахъ, что всякій у нихъ съ радостію покупаетъ“. Здѣсь въ высшей степени важно откровенное сознаніе лица (еп. Павла), стоявшаго во главѣ мѣстнаго Харьковскаго библейскаго общества и относившагося къ нему съ полнымъ сочувствіемъ, что распространеніе книгъ носило принудительный характеръ и что среди свѣтскихъ лицъ противъ него была всеобщая оппозиція. Закрыто было библейское общество, по распоряженію правительства, 15 іюля 1826 г., а имущество его, оцѣненное въ 2000000 рублей, передано св. синоду.

Характерно, что при всѣхъ своихъ заботахъ о христіанскомъ просвѣщеніи З. Я. Карѣевъ упустилъ изъ виду то, что дѣйствительно представляло странную аномалію — отсутствіе преподаванія богословія. По уставу 1804 года богословіе было приурочено къ этикополитическому факультету, и для него предполагалось повидимому даже два преподавателя: одинъ долженъ былъ читать догматическое и нравоучительное богословіе, а другой — толкованіе священнаго писанія и церковную исторію. Въ дѣйствительности же въ Харьковскомъ университетѣ эта кафедра не была вовсе занята до 1819 года — и позаботилось о замѣщеніи ея уже само министерство народнаго просвѣщенія. Въ февралѣ 1819 года оно обратилось къ З. Я. Карѣеву съ такимъ предложеніемъ. „По незамѣщенію еще доселѣ вакансій положенныхъ въ уставѣ Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ кафедръ богословія, главное правленіе училищъ разсуждало, что хотя образованіе богослововъ для духовнаго званія имѣетъ свой надлежащій ходъ и дѣйствіе по учрежденнымъ именно для сего духовнымъ училищамъ и академіямъ, но симъ не отнимается ни право, ни обязанность учебной части гражданской всѣмъ и каждому изъ воспитанниковъ своихъ, къ какому званію и состоянію ни приготовляли бы они себя, открывать путь къ приобрѣтенію достаточныхъ свѣдѣній въ богопознаніи и христіанскомъ ученіи, толико существенныхъ и необходимо нужныхъ для каждаго человѣка вообще. Свѣдѣнія сіи конечно не должны быть въ такой обширной подробности и полнотѣ предметовъ, какія приобрѣтаются посвящающими себя въ званіе богослововъ и въ духовный санъ, но со всѣмъ тѣмъ нѣтъ никакого другого званія въ обществѣ, ни случая жизни, въ которыхъ христіанину не слѣдовало бы учреждать свой поступокъ сообразно ученію Божію откровенія. Сія наука потому есть общая для каждаго воспитывающагося и конечно не менѣе, но болѣе нужная всѣхъ общихъ вспомоgetельныхъ наукъ, которыя, какъ напримѣръ, философія и другія подобныя, приобрѣтаются не для того, чтобы быть профессорами или учителями по нимъ, но для полезнаго употребленія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. А какъ въ высшихъ училищахъ, каковы суть университеты, не преподается вовсе ничего по предмету христіанскаго ученія, то и малыя свѣдѣнія по оному, въ низшихъ училищахъ приобрѣтаемыя, должны необходимо изглаживаться въ умахъ учащихся по университетамъ, тогда какъ при зрѣломъ возрастѣ и разсудкѣ ихъ они способны были бы и должныствовали усовершенствовать себя въ богопознаніи и христіанскомъ ученіи, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ въ наукахъ по тѣмъ частямъ, для коихъ ихъ готовятъ на службу. По всѣмъ симъ соображеніямъ правленіе представило мо-

ему распоряженію привести въ исполненіе предположеніе о введеніи по всѣмъ университетамъ лекцій о богопознаніи и христіанскомъ ученіи. Вслѣдствіе сего покорно прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ предварительно ваше мнѣніе, на какомъ основаніи и правилахъ можно учредить при Харьковскомъ университетѣ каѳедру по части богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія для преподаванія по ней лекцій всѣмъ студентамъ разныхъ факультетовъ, такъ что бы и по расположенію во времени слушанія сихъ лекцій было для того всѣмъ удобство. Что же касается до назначенія способнаго къ тому профессора, то это будетъ зависѣть отъ духовнаго начальства по моему утвержденію“. Получивъ это предписаніе, попечитель въ свою очередь обратился къ ректору университета Т. О. Осиповскому съ такимъ письмомъ. „Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи предписанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія относительно учрежденія въ университетахъ каѳедры богопознанія и христіанскаго ученія увидите вы, какія верховное начальство приѣмлетъ благодѣтельныя мѣры къ прочному и надлежащему образованію юношества. Его сіятельство требуетъ моего мнѣнія, на какомъ основаніи и правилахъ можно учредить при Харьковскомъ университетѣ помянутую каѳедру для преподаванія по ней лекцій всѣмъ студентамъ разныхъ факультетовъ. Прежде нежели приступлю къ изложенію такового мнѣнія, поручаю вашему высокородію, пригласивъ къ себѣ непремѣннаго засѣдателя и еще одного или двухъ, по усмотрѣнію вашему, русскихъ профессоровъ, взять на разсужденіе: 1) такъ какъ всѣмъ студентамъ вмѣстѣ невозможно слушать по сей каѳедрѣ лекцій, то какимъ бы образомъ удобнѣе доставить имъ способы оказывать требуемыя по сей важнѣйшей части успѣхи; 2) сколько можно назначить для этой каѳедры въ недѣлю часовъ, предположивъ, что она можетъ быть раздѣлена на два курса; но такое отдѣленіе часовъ не должно служить препятствіемъ къ занятіямъ студентовъ и по другимъ предметамъ. По надлежащемъ разсмотрѣніи послѣшите доставить мнѣ это свѣдѣніе, дабы и я могъ удовлетворить требованію его сіятельства безъ промедленія. Я не нахожу нужнымъ, чтобы вы вносили предложеніе это въ совѣтъ, такъ какъ предметъ этотъ не подлежитъ общему сужденію“ (22 марта 1819 г.). Ректоръ Осиповскій далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Я пригласилъ въ особенное для этого засѣданіе гг. профессоровъ Джунковскаго, Книгина и Успенскаго и по достаточномъ разсужденіи я и гг. профессора Книгинъ и Успенскій признали за лучшее, чтобы предполагаемое ученіе богопознанія и христіанскаго ученія присоединить къ числу общихъ наукъ, коихъ курсъ по положеніямъ университета оканчивается въ 2

года, назначивъ для него 8 часовъ въ недѣлю, такъ чтобы 4 часа оно было преподаваемо студентамъ перваго, а остальные четыре студентамъ 2-го курса; назначеніе же дней для преподаванія имѣть быть учинено при общемъ раздѣленіи учебныхъ часовъ по университету. Но такъ какъ при этомъ распредѣленіи студенты третьяго года въ теченіе учебнаго курса отъ 1819 до 1820 года остались бы безъ слушанія божественнаго ученія, то дабы и ихъ не лишить этого спасительнаго ученія, признали нужнымъ въ теченіе настоящаго года учредить три курса: 1-й для студентовъ 1-го года, 2-й для студентовъ 2-го года, а 3-й для студентовъ 3-го года по 3 часа на каждый курсъ и чтеніе это устроить такъ, чтобы студентамъ 2-го и 3-го года прочесть сокращенно полный курсъ богопознанія въ теченіе одного года, а студентамъ 1-го года было бы читано оно пространнѣе и окончена была бы только половина цѣлаго курса божественнаго ученія, какое назначено будетъ для составленія полнаго курса. Господинъ же профессоръ Джунковскій мнѣніемъ полагалъ, что для большаго вкорененія въ учащихся нравственности, преподаваніе богопознанія и христіанскаго ученія расположить должно на 3 года и назначить для этого по 3 часа въ недѣлю во всѣхъ трехъ курсахъ; при чемъ прочіе гг. профессора замѣтили, что таковое распредѣленіе соединено будетъ съ ущербомъ учебныхъ часовъ по предметамъ факультетовъ, которымъ студенты, по роду предполагаемой ими системы, послѣдній годъ себя посвящаютъ и которые они въ теченіе сего времени необходимо должны окончить (курсъ былъ тогда трехлѣтній). Съ своей стороны Джунковскій вошелъ къ попечителю еще съ частнымъ, конфиденціальнымъ, такъ сказать, заявленіемъ такого содержанія. „Университетъ, получивъ извѣстіе объ учрежденіи въ немъ кафедръ Богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія, долженъ во всей силѣ чувствовать благотворныя намѣренія пекушагося о немъ верховнаго начальства и не меньше быть обязану благодарностію и вашему превосходительству, конечно, не мало участвовавшему въ доставленіи ему сего недостававашаго и толико существеннаго блага. *Се есть животь вѣчный да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и его же послалъ еси Иисусъ Христа.* Вслѣдствіе приказанія вашего превосходительства, по сему случаю былъ составленъ особый комитетъ изъ русскихъ профессоровъ, въ которомъ разсуждали, на какомъ основаніи должно учредить эту кафедру и сколько для нея положить часовъ безъ помѣхи для упражненія въ другихъ наукахъ. Три обстоятельства предложены на сужденіе объ этомъ предметѣ: основаніе, время, удобность. Я подъ основаніемъ не иное что разумѣю, какъ силу какого либо положенія, прочную надежную, всегда, вездѣ всѣмъ

полезную. Прочія два обстоятельства разумѣются сами собою. Симъ то руководствуясь, я и защищалъ свое мнѣніе, что это душевнасительное ученіе, по его превосходству, не должно полагать въ числѣ общихъ или приготовительныхъ наукъ, которыя, сколько мною замѣчено, не весьма уважаются молодыми людьми и въ которыхъ даже, по новому положенію объ экзаменахъ, не столь строгое испытаніе требуется. Я полагаю, что кафедра эта должна составлять существенную, самостоятельную, по важности своей, высшую науку и, слѣдовательно, причисленную къ прочимъ высшимъ факультетскимъ наукамъ, которыя по сему и должны преподаваться быть и въ высшемъ, т. е. 3-мъ курсѣ наукъ или въ послѣднемъ для наукъ годѣ. Въ комитетѣ при назначеніи времени не принимали въ разсужденіе, какія по этой части должно преподавать науки, думая, что духовное начальство назначитъ ихъ: но слова въ министерскомъ предписаніи—*по незамышленію вакансій и пр.*, кажется мнѣ, относятся именно къ богословскимъ наукамъ, въ уставѣ означеннымъ, ибо безъ этого нельзя былобъ назначить времени, не зная обширности предмета. И такъ, вникая въ силу предписанія, въ благодѣтельное намѣреніе правительства и въ сущность самой науки, я полагалъ въ планѣ своемъ, чтобы преподаваніе ея продолжаемо было во все время, для окончанія наукъ въ университетахъ назначенное, на слѣдующемъ основаніи:

1-й годъ.	Исторія церковная	} Богословіе право- учительное.
2-й "	Богословіе догматическое	
3-й "	Толкованіе священнаго писанія	

Слѣдовательно, богословіе правоучительное будетъ неразлучно съ каждою изъ этихъ наукъ и въ каждомъ курсѣ преподаваться, и профессоръ, не составляя для нея особой системы, при изъясненіи этихъ наукъ, всегда будетъ имѣть случай, неисчерпаемые способы и пособія для ея внушенія. Такимъ образомъ, богословіе нравственное, входя въ естественную связь съ каждою изъ богословскихъ наукъ, не меньше также можетъ и должно само по себѣ составлять существенную часть ихъ. *Тако да простѣтисѣ савѣтъ вашъ предъ челоуѣкомъ, яко ѡнъ видѣтъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.* Касательно времени, сообразуясь съ тѣмъ, что эти науки не во всей обширности должны быть преподаваемы и не для очищенія духа, но для напоенія младыхъ сердець елеємъ благодатнаго ученія, довольно было бы назначить и по 9 часовъ въ недѣлю, безъ обремененія учащихся и учащихся и, слѣдовательно, по сей части достаточно будетъ имѣть и одного профессора. Мнѣніе это имѣю честь представить на благоумотрѣніе вашего превосходительства".

Это письмо, какъ мы видимъ, довольно характерно: оно написано совершенно въ духѣ З. Я. Карнѣева, проникнуто уваженіемъ къ религіозно-нравственному просвѣщенію, пересыпано текстами изъ священнаго писанія и заключаетъ похвалу по адресу попечителя, этимъ послѣднимъ, какъ мы видѣли выше, незаслуженную (мысль о замѣщеніи каѳедры богословія принадлежала не ему, а министерству). Но еще характернѣе конецъ письма, который мы приведемъ впоследствии: въ немъ Джунковскій проситъ о предоставленіи ему, кромѣ занимаемой имъ каѳедры греческаго языка, еще и каѳедры сельскаго хозяйства, ссылаясь между прочимъ на то, что этотъ предметъ не можетъ преподаваться иностранцемъ, а требуетъ непременно русскаго патріота.

Попечитель представилъ министру заключенія Осиповскаго и Джунковскаго, а отъ себя сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. „1) Съ половины текущаго 1819 до экзамена будущаго 1820 г. оставить общее ихъ мнѣніе въ своей силѣ, предоставивъ впрочемъ преподаваніе лекцій Богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія по наставленію, какое дано будетъ профессору сей каѳедры отъ главнаго правленія училищъ, которое безъ сомнѣнія основано будетъ не на правилахъ, приготовляющихъ студентовъ быть профессорами сей науки, каковымъ предметомъ занимаются одни только духовныя академіи, но для усовершенствованія ихъ въ Богопознаніи и христіанскомъ ученіи, чему уже и хорошее начало положено со времени вступленія моего въ должность попечителя чрезъ чтеніе студентамъ Евангелія и объясненіе его протоіереемъ Могилевскимъ вкупѣ съ краткимъ обученіемъ и Богопознанію. 2) Полагаю согласить разныя мнѣнія гг. профессоровъ на предбудущее время слѣдующимъ образомъ: чтобы первые 2 года обученіе Богопознанія и христіанскаго ученія присоединить къ числу общихъ наукъ, коихъ курсъ по положеніямъ университета оканчивается въ 2 года, назначивъ для этого 8 часовъ въ недѣлю, съ тѣмъ чтобы 4 часа преподаваемо оно было студентамъ 1-го, а остальные 4 часа студентамъ 2-го курса; назначеніе же дней послѣдуетъ при общемъ распредѣленіи учебныхъ часовъ по университету. Но такъ какъ г. проф. Джунковскій весьма основательно разсуждаетъ, что и послѣдній годъ для науки сей необходимъ, ибо безъ того прервавши нить этого наиважнѣйшаго для каждаго изъ студентовъ ученія, которое для всякаго христіанина никогда не должно прерываемо быть, дабы ходя въ безпрестанномъ присутствіи Божіемъ чаще и безпристрастнѣе каждому свое званіе проходить, то и считаю я нужнымъ и въ 3-мъ послѣднемъ году ученіе это продолжать съ убавкою часовъ, полагая въ недѣлю только 2 часа, что не нанесетъ ущерба учебнымъ часамъ и по прочимъ факультетамъ. Это тѣмъ болѣе необхо-

димо, что при послѣднемъ экзаменѣ предъ выпускомъ изъ университета студентовъ, нужно паче всего испытывать ихъ въ Богопознаніи и христіанскомъ ученіи, равно и въ соображеніи поведенія ихъ съ этимъ ученіемъ и означать въ аттестатахъ и наблюдать тоже при производствѣ въ кандидаты. А какъ нынѣ въ университетѣ по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ съ слушающими приготовительныя науки считается 159 студентовъ, то и трудно будетъ духовному профессору всѣхъ ихъ обучать одному, слѣдовательно, нуженъ адъюнктъ, сколько для помощи ему, столько въ случаѣ болѣзненныхъ припадковъ для занятія его мѣста, дабы богоугодное сіе ученіе никогда не прерывалось и адъюнкты бы во всякое время имѣли надзоръ за ходженіемъ студентовъ въ этотъ классъ и прилежностью ихъ. Основаніе впрочемъ духовнаго профессора должно быть общее съ ординарными профессорами какъ въ разсужденіи жалованья, такъ и квартирныхъ денегъ, если не можетъ помѣщенъ быть въ университетѣ; онъ также долженъ по учебной части и при выборахъ присутствовать въ совѣтѣ, кромѣ судныхъ дѣлъ, и при всѣхъ экзаменахъ, наблюдая чтобы по части его ученія всѣ студенты прилежно были испытываемы. Адъюнктъ его относительно жалованья и квартирныхъ денегъ долженъ пользоваться общимъ положеніемъ съ прочими адъюнктами. Что принадлежитъ до внутренняго основанія сего преважнаго ученія о Богопознаніи и откровенномъ христіанскомъ ученіи, на какихъ правилахъ должно оно постепенно быть расположено, дабы юношей ввести въ истинную вѣру и благочестіе, то о семъ должно ожидать изложенія подлежащей методы собственно отъ того самаго профессора, который будетъ къ сему званію назначенъ. Таковая метода предварительно верховнымъ начальствомъ можетъ быть разсмотрѣна. Все это предаю въ начальническое благоразсмотрѣніе вашего сіятельства⁴. Изъ министерства на это представленіе пришелъ слѣдующій отвѣтъ. „Согласно общепринятому по отношенію ко всѣмъ университетамъ положенію, уроки Богопознанія должны быть продолжаемы во весь курсъ ученія, такъ чтобы всѣ студенты, доколѣ пребываютъ въ университетѣ, участвовали всегда въ этихъ урокахъ; для тѣхъ-же, кои остаются теперь для окончанія только курса своего, ученіе это должно быть распредѣлено равнымъ образомъ на все время пребыванія ихъ въ университетѣ, смотря по удобству и приличію, какія найдетъ избранный въ профессора по сей части. Объ избраніи такового изъ духовныхъ особъ предоставлено вамъ снестись съ мѣстнымъ преосвященнымъ архіереемъ и потомъ объ утвержденіи его представить мнѣ. Число часовъ означенныхъ уроковъ и время ихъ зависѣть будетъ совершенно отъ Васъ, какъ и вообще росписаніе времени на преподаваніе дру-

гихъ учебныхъ предметовъ дѣлается съ утвержденія Вашего. Когда-же избранъ и опредѣленъ будетъ профессоръ для уроковъ Богопознанія, тогда по общему съ нимъ соглашенію опредѣлится можетъ въ послѣдствіи, нуженъ ли ему адъюнктъ и на какомъ жалованьи. Жалованье же сему профессору должно быть производимо изъ положеннаго на богословскія кафедръ оклада¹⁾.

Профессоромъ богословія былъ назначенъ соборный протоіерей А. Ѳ. Могилевскій, но объ избраніи его мы скажемъ ниже.

Въ бытность попечителемъ округа З. Я. Карнѣва кромѣ кафедръ богословія была учреждена еще лектура польскаго языка и словесности, не предусмотрѣнная уставомъ. Мотивы для ея учрежденія были выставлены слѣдующіе: 1) Харьковскій учебный округъ смеженъ съ Виленскимъ, гдѣ господствуетъ польскій языкъ, 2) изъ присоединенныхъ отъ Польши губерній пріѣзжаютъ учиться въ Харьковскій университетъ молодые люди, которымъ необходимо совершенствоваться въ своемъ языкѣ; 3) природныя россияне поступаютъ нерѣдко, по окончаніи университета, на службу въ губерніи, отъ Польши присоединенныя, гдѣ знаніе польскаго языка имъ необходимо; 4) часто поступаютъ изъ присутственныхъ мѣстъ и отъ частныхъ лицъ въ университетъ бумаги на польскомъ языкѣ съ просьбами о переводѣ ихъ на русскій языкъ—и университету неприлично отказываться отъ него въ виду отсутствія подходящаго чиновника. Главное правленіе училищъ согласилось съ этими доводами и предоставило въ 1818 году попечителю право открыть эту лектуру въ качествѣ необязательнаго предмета²⁾. Въ томъ же году къ Харьковскому учебному округу были присоединены школы Кіевской губерніи, доселѣ находившіяся въ вѣдомствѣ Виленскаго университета, вслѣдствіе отдаленности отъ послѣдняго и происходящихъ въ силу этого неудобствъ въ ихъ управленіи³⁾.

Представленные нами факты достаточно обрисовываютъ характеръ дѣятельности попечителя округа З. Я. Карнѣва въ отношеніи къ университету: онъ стремился привить къ нему новый духъ и новое направленіе, какого здѣсь не было. Но университетъ продолжалъ жить и дѣйствовать по прежнему не отмѣненному уставу, предоставлявшему ему значительную свободу и независимость; дѣятели его, въ особенности

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло Попеч. № 598/31; два помѣщенія здѣсь предложевія министерства напечатаны также въ „Сборн. распор. по М. Н. Пр.“, т. I стр. 347 и 384. ср. также А. С. Лебедева „Кафедра богословія въ Харьковскомъ университетѣ“ (въ Зап. Харьковскаго Университета).

²⁾ Сборникъ распоряженій по Мин. Нар. Просв., т. 1-й, стр. 320—321.

³⁾ Сборн. постановленій по М. Н. Пр., т. 1-й, изд. 2-е, стр. 1198.

старые, успѣли уже привыкнуть къ строю и распорядкамъ своего учрежденія; несмотря на то, что университетъ вступилъ только во второе десятилѣтіе своего существованія, явилась уже нѣкоторая академическая традиція, въ созданіи которой участвовали лучшіе элементы профессорской корпораціи—какъ иностранцы, такъ и русскіе. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей среди послѣднихъ былъ профессоръ и ректоръ Тимофей Ѳеодоровичъ Осиповскій, представлявшій изъ себя крупную научную и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно общественную силу; это былъ человѣкъ свободнаго и независимаго характера, съ рѣзко-очерченною индивидуальностію; его точный, математическій умъ не выносилъ даже, какъ мы знаемъ, метафизики нѣмецкихъ философовъ и ихъ послѣдователей Шлаера; даже философію Шеллинга онъ называлъ чистой фантазіей. ¹⁾ Можно представить себѣ послѣ этого, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ такому піатисту, какъ З. Я. Карнѣевъ, и проводимому имъ туманно-мистическому направленію, якобы на чисто христіанской почвѣ! Въ лицѣ ректора попечитель разсчитывалъ и желалъ найти ближайшаго помощника и сотрудника для проведенія въ университетскую среду новаго направленія—между тѣмъ ректоръ этотъ не раздѣлялъ его воззрѣній, имѣлъ свои собственные противоположные взгляды на науку и разумъ, и не желалъ, да по свойству своей натуры и не могъ измѣнить имъ и приспособиться къ совершенно противоположнымъ тенденціямъ новаго начальника университета. Прежній попечитель округа гр. С. О. Потоцкій и самъ высоко ставилъ науку, и относился съ глубокимъ уваженіемъ къ такимъ носителямъ ея, какъ Рижскій или Осиповскій. З. Я. Карнѣевъ наоборотъ выступилъ съ проповѣдью о вредѣ разума и чистой науки. На этой принципиальной почвѣ и произошло столкновение З. Я. Карнѣева съ Т. Ѳ. Осиповскимъ, окончившееся насильственнымъ удаленіемъ послѣдняго отъ ректорской должности.

О причинахъ и поводахъ этого удаленія разные изслѣдователи говорятъ различно. М. И. Сухомлиновъ объясняетъ его такъ: „дорогая для университета дѣятельность Осиповскаго прервана была вмѣшательствомъ попечителя, человѣка съ мистическимъ направленіемъ, не взлюбившаго Осиповскаго за замѣчаніе, сдѣланное имъ на экзаменѣ сту-

¹⁾ По поводу письменныхъ отвѣтовъ Дудровича, представленныхъ имъ для полученія должности ординарнаго профессора, Осиповскій высказался такъ: въ нихъ изложено только состояніе новой германской философіи, которая со времени Канта отнявъ у духа естественное основаніе пониманія, не оставила разуму ничего кромѣ произведенія однихъ фантазій; что же касается предлагаемой имъ въ особенности Шеллинговой философіи, то она является фантазіей по преимуществу“. Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 208—209.

денту и состоящее въ томъ, что, говоря о Богѣ, умѣстиѣ употребить выраженіе *существуетъ*, нежели *живетъ* ¹⁾. Н. А. Лавровскій не согласенъ съ этимъ и говоритъ: „что же касается до внезапнаго увольненія Осиповскаго отъ всѣхъ должностей при Харьковскомъ университетѣ, то оно, по нашему мнѣнію, произошло не столько отъ того частнаго случая, который разсказанъ г. Сухомлиновымъ на основаніи статьи Рославскаго Петровскаго, сколько было вообще естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ новыхъ порядковъ, которые въ это время стали входить во всѣ университеты и которые внесли въ нихъ столько смутъ и замѣшательствъ. Представителемъ этихъ порядковъ въ Петербургскомъ университетѣ былъ Руничъ, въ Казанскомъ—Магницкій, а въ Харьковскомъ З. Я. Карнѣевъ, вице-президентъ Петербургскаго Библейскаго Общества, проникнутый дѣйствительно мистическимъ направленіемъ. Руничъ и Магницкій достаточно разоблачены въ послѣднее время, между тѣмъ какъ Карнѣевъ вовсе незаслуженно до сихъ норъ остается въ тѣни, хотя онъ съ такимъ же усердіемъ и, можетъ быть, лишь съ большею искренностью, не обладая правда талантами своихъ сослуживцевъ, дѣйствовалъ въ одномъ съ ними направленіи“. Приведа выдержку изъ циркуляра Карнѣева, адресованнаго совѣту университета и пронагандировавшаго вмѣсто здоровой философіи творенія просвѣщенныхъ отъ Бога людей прошлаго вѣка (Дютуа), Н. А. Лавровскій продолжаетъ: „всѣ эти порядки Карнѣевъ и Магницкій силились водворить въ университетахъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ длиннымъ рядомъ официальныхъ предписаній и внѣшнихъ мѣръ. Мѣры эти вели, какъ извѣстно, къ подрыву самыхъ нравственныхъ убѣжденій. Т. О. Осиповскій, съ его свѣтлымъ и точнымъ умомъ, съ его твердымъ, прямымъ и рѣшительнымъ характеромъ, очевидно, не могъ ужиться съ заводимыми Карнѣевымъ новыми порядками, будучи при томъ ректоромъ университета, и мы легко можемъ себѣ представить тѣ отношенія, какія не замедлили возникнуть между нимъ и попечителемъ округа... Онъ не любилъ мистиковъ, которые брали на себя (задачу) объяснить необъяснимое, постигать непостижимое, чѣмъ раздражалъ бывшаго въ то время попечителя-старика мистика Захара Яковлевича Карнѣева. 14-го ноября 1820 г. происками Джунковскаго, съ содѣйствіемъ попечительскаго секретаря Подвысоцкаго, по предложенію попечителя З. Я. Карнѣева, совѣтомъ университета избранъ на мѣсто его ректоромъ Джунковскій. Этотъ совѣтъ былъ собранъ поздно вечеромъ, какъ-бы секретно, куда Осиповскаго, какъ ректора, не пригласили. Но Джунковскій—далеко не Осиповскій,

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Исслѣд. и статьи, т. 1-й, стр. 86.

былъ посредственный профессоръ и слабый ректоръ“ ¹⁾ Г. С. Чириковъ подробно излагаетъ дѣло объ отставкѣ Осиповскаго по матеріаламъ университетскаго архива и приводитъ при этомъ любопытную жалобу на Осиповскаго проф. Дудровича, которая, если и не имѣла прямого вліянія на исходъ дѣла, ибо въ это время состоялось постановленіе министерства объ увольненіи Осиповскаго, согласно представленію З. Я. Карнѣева, но все-таки бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннія пружины этого увольненія, ясно доказывая, что ректоръ безъ стѣсненія высказывался противъ мистиковъ и вообще по своему образу мыслей совершенно не подходилъ къ попечителю; въ жалобѣ этой также приводятся любопытныя свѣдѣнія о лишеніи кандидатскаго диплома студента Михаила Остроградскаго (впослѣдствіи знаменитаго математика—академика). Вотъ отрывки изъ этой жалобы. „Явная ко мнѣ ненависть г. ректора Харьковскаго университета Осиповскаго, питаемая имъ единственно потому, что я всѣми силами стараюсь защищать благія намѣренія верховнаго начальства, доходить уже до крайности“. Затѣмъ Дудровичъ рассказываетъ, что по его предложенію было рѣшено въ свѣтъ не допускать къ экзамену тѣхъ студентовъ, кои не слушали въ университетѣ относящихся къ ихъ факультету предметовъ; между тѣмъ правленіе выдало аттестаты двумъ такимъ студентамъ математическаго факультета, хотя они не слушали механики, естественной исторіи, философіи и даже богопознанія и христіанскаго ученія, которое по предписанію министра съ прошлаго 1819 года обязаны были слушать студенты всѣхъ факультетовъ. Узнавъ случайно о такомъ „неосмотрительномъ“ поступкѣ правленія, Дудровичъ счелъ своимъ долгомъ предварить о томъ словесно ректора, „который отвѣчалъ, что онъ спрашивалъ упомянутыхъ двухъ студентовъ, почему не слушали они философіи и они будто изъяснились: „потому что не понимаютъ изъ оной ничего, а выучивать слова наизусть они не расположены“. Вотъ что начальникъ университета представляетъ въ извиненіе студентовъ въ неисполненіи ими законной обязанности своей! Какіе изъ сего могутъ произойти безпорядки, само собою явствуетъ“. 18-го октября, рассказываетъ далѣе Дудровичъ, я былъ приглашенъ въ засѣданіе математическаго факультета экзаменоватъ изъ философіи студента Остроградскаго—но отказался это сдѣлать, такъ какъ этотъ послѣдній никогда не бывалъ на моихъ лекціяхъ. На это учтливое заявленіе „г. ректоръ вдругъ разгнѣвавшись въ присутствіи гг. профессоровъ Джунковскаго, Кронеберга, Архангельскаго и адъюнкта Куницкаго самымъ грубымъ образомъ и

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 210—211.

весь въ ярости мнѣ отвѣтствовалъ: „что моя обязанность есть экзаменовать всѣхъ, ктобы ни пожелалъ и что такое сужденіе мое есть сербское“. Дабы избѣгнуть дальнѣйшихъ со стороны г. ректора грубостей, я немедленно удалился изъ залы. Но узналъ потомъ на слѣдующій день отъ г. профессора Архангельскаго, что г. ректоръ и въ отсутствіи моемъ еще продолжалъ самымъ непристойнымъ образомъ изливать на меня свою досаду, крича громко и въ ярости въ присутствіи г.г. профессоровъ Джунковскаго, Могилевскаго, Кронеберга и его, Архангельскаго, и въ виду всей почти канцеляріи, что „я сумасшедшій, записался въ мистики, которые сдѣлали заговоръ противъ государя и правительства, противъ религіи и разсудка, на которомъ должна утверждаться религія“. Я увѣренъ, что ваше превосходительство изволите совершенно понимать, какихъ разумѣть г. ректоръ мистиковъ, въ которые я, по его мнѣнію, записался. Это Вы, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, котораго онъ считаетъ верхомъ сумасшедшихъ мистиковъ и котораго милостію и начальническимъ благорасположеніемъ я пользоваться имѣю счастье. Это, безъ сомнѣнія, также и его сіятельство, г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, котораго онъ публично, въ засѣданіи училищнаго комитета 9-го сего октября, чему очевиднымъ свидѣтелемъ проф. Пауловичъ, называлъ невѣждою, не читавшимъ ничего другого кромѣ библіи, и противъ предписаній котораго, относящихся особливо къ водворенію при воспитаніи юношества благочестія, онъ всегда вооружается съ величайшею пылкостью. Я увѣренъ въ семь тѣмъ болѣе, что ваше превосходительство изволите знать образъ мыслей г. ректора совершенно противнымъ началамъ вѣры и Св. писанія, образъ мыслей, говорю, по которому онъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, при публичномъ испытаніи студентовъ изъ философіи, бывшемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1820 г., въ присутствіи профессора протоіерея Аѳанасія Могилевскаго, адъюнктовъ Куницкаго и Робуша и многихъ постороннихъ посѣтителей, изъ злобы противъ внушаемаго мною юношеству благочестія, не устыдился громко утверждать, что Богъ не живетъ (въ насъ, прибавлено въ рукописи карандашомъ), что благочестивѣйшій сочинитель „Божественной и христіанской философіи“ Дютуа и таковой же разныхъ назидательныхъ книгъ Эккартсгаузенъ суть люди сумасшедшіе. Вотъ разсудокъ г. ректора, на которомъ утверждается, по его мнѣнію, религія и противъ котораго возстали сумасшедшіе мистики. Отъ подобнаго разсудка и отъ утвержденной на ономъ религіи, признаюсь, ваше превосходительство, что я всегда отвращался и отвращать своихъ слушателей поставлялъ священнѣйшимъ долгомъ званія моего. Сей то разсудокъ г. ректора при-

чиною, что ни одинъ почти изъ обучающихся въ Харьковскомъ университетѣ по части математики студентовъ, коихъ онъ глава, почитающій явно все за вздоръ и сумасшествіе, что не подлежитъ математическимъ его выкладкамъ, не ходитъ ни на богопознаніе и христіанское ученіе, ни на лекціи мои по части философіи... Между тѣмъ, доводя все это до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше прошу потребовать отъ г. ректора объясненія, какихъ онъ разумѣетъ мистиковъ, въ которые я будто записался и которые сдѣлали заговоръ противъ государя, правительства, религіи и разсудка и потомъ, съ показаніемъ по сему предмету свидѣтелей, представить его сіятельству г. министру о принятіи надлежащихъ мѣръ. Въ противномъ случаѣ, сей злобный поступокъ ректора, сдѣланный имъ въ публичномъ мѣстѣ и начинающій уже дѣлаться извѣстнымъ и виѣ университета, можетъ лишитъ меня не только должнаго со стороны обучающагося въ университетѣ юношества уваженія, каковымъ я по сіе время всегда пользовался, но и подвергнуть меня величайшей опасности, ранѣе или позже впасть въ подозрѣніе у самого благонамѣреннаго нашего правительства. Ваше превосходительство изволите звать и способъ публичнаго моего въ университетѣ ученія, и домашній образъ жизни моей, почему и смѣю надѣяться, что не позволите злобѣ безпрепятственно издѣваться надо мною невиннымъ. Въ каковой надеждѣ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною начальническому вашему благорасположенію преданностію пребыть честь имѣю вашего превосходительства, мил. гос., покорнѣйшимъ слугою Андрей Дудрэвичъ, г. Харьковъ, 24 октября 1820 г.“¹⁾ „Настоящія причины этого увольненія, говоритъ Чириковъ, заключаются не въ небрежномъ исправленіи званія ректора, чего нельзя безъ сомнѣнія принимать въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ интригѣ противъ Осиповскаго со стороны его недруговъ, которые воспользовались нелюбовью ректора, реалиста и честнаго здравомыслящаго человѣка къ мистикамъ, угождавшимъ высшему университетскому начальству. Паденіе Осиповскаго было только результатомъ тайныхъ усилій этихъ мистиковъ“²⁾.

И. П. Щелковъ, приведя объясненія М. И. Сухомлинова и Чирикова, прибавляетъ: „нѣтъ сомнѣній, что эти объясненія являются отголоскомъ мнѣній современниковъ; однако, знакомясь ближе съ условіями, въ какихъ находился тогда Харьковскій университетъ, легко убѣдиться, что причиною, вызвавшей увольненіе Осиповскаго отъ службы въ уни-

¹⁾ Рус. Старина, 1876 г. ноябрь, стр. 482—487.

²⁾ Рус. Стар. 1876 г., ноябрь, стр. 481.

верситетъ, былъ не какой-либо отдѣльный случай, не отвѣтъ того или другого лица, а коренное различіе во взглядахъ и во всемъ умственномъ складѣ, оказавшееся между Осиповскимъ, стоявшимъ въ качествѣ ректора во главѣ университета, и назначеннымъ въ 1817 г. попечителемъ Харьковскаго университета З. Я. Карвѣевымъ... Ихъ убѣжденія, весь складъ умственной дѣятельности ихъ представляли такія непримиримыя противорѣчія, что ихъ взаимныя отношенія не могли не повести къ катастрофѣ... Этотъ представитель точнаго знанія и объективнаго направленія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ многосторонне образованнымъ и безупречно честнымъ. Такъ отзываются о немъ и свидѣлствуютъ его современники... О томъ же свидѣлствуетъ и фактъ его непрерывнаго ректорства съ 1813 по 1820 годъ. Однако для полной характеристики Осиповскаго необходимо не ограничиваться одними только его достоинствами; надо указать и на его недостатки, тѣмъ болѣе что они сыграли несомнѣнно не послѣднюю роль въ установленіи тѣхъ отношеній между нимъ и попечителемъ университета, которые окончились удаленіемъ Осиповскаго изъ университета⁴. Приведа свидѣтельство Селиванова, что Осиповскій въ обращеніи былъ ровень и никогда не выходилъ изъ себя, И. П. Щелковъ по этому поводу замѣчаетъ: „не знаемъ, къ какому періоду дѣятельности относится эта характеристика, но къ послѣднимъ годамъ его пребыванія въ университетѣ она не приложима. При пересмотрѣ университетскихъ дѣлъ того времени намъ пришлось встрѣтить не мало фактовъ, выставляющихъ личность Осиповскаго въ иномъ свѣтѣ. Они представляютъ его какъ человѣка самолюбиваго, сознававшаго преимущества своего положенія, какъ ректора университета, и не всегда деликатно пользовавшагося ими въ отношеніи къ сослуживцамъ. Будучи человѣкомъ честнымъ и прямымъ, онъ высказывалъ свои мнѣнія и сужденія въ формѣ нерѣдко весьма рѣзкой, затрогивавшей самолюбіе его товарищей, а иногда и прямо оскорбительной“. Въ подтвержденіе этого И. П. Щелковъ приводитъ слѣдующіе факты: столкновение его съ проф. Нельдеховомъ, столкновение съ проф. Дудровичемъ по поводу экзамена студента Остроградскаго, сатирическую замѣтку его въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и прошеніе его въ совѣтъ университета послѣ выхода въ отставку. Нельдехенъ спросилъ Осиповскаго, почему онъ не представленъ къ чину. Осиповскій отвѣтилъ, что не помнитъ, представленъ ли къ чину или нѣтъ, но кого слѣдовало, всѣ представлены. Нельдехенъ сталъ допрашивать все-таки Осиповскаго—и получилъ отвѣтъ, что, можетъ быть, потому не представленъ, что лѣта не вышли. На новый вопросъ Нельдехена онъ сказалъ: „можетъ быть, потому что онъ, Нельдехенъ, подѣ

судомъ. Разказавъ объ этомъ, И. П. Щелковъ прибавляетъ: „относясь къ дѣлу безпристрастно, едва ли можно оправдать поведеніе Осиповскаго въ этомъ случаѣ, онъ точно смѣялся надъ Нельдехеномъ и желалъ вывести его изъ себя. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить только личность самого Нельдехена; это былъ, повидимому, довольно ограниченный человѣкъ, не отличавшійся своими свѣдѣніями и вдобавокъ пьяница, за нерадѣніе и пьянство онъ былъ уволенъ въ 1819 г. и вскорѣ умеръ“. У Чирикова этотъ эпизодъ разсказанъ подробно на основаніи подлиннаго дѣла о происшествіи—и изъ него видно, что Нельдехенъ позволилъ себѣ большое неприличіе по адресу ректора. По объясненію Осиповскаго, когда онъ сказалъ, что, быть можетъ, Нельдехену не вышли лѣта службы для производства въ чинъ,—тотъ началъ кричать, бѣгая и произнося, что 6 лѣтъ службы его вышли еще въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года; бѣгая такимъ образомъ, взадъ и впередъ, по залѣ совѣта и канцеляріи правленія и крича, подбѣжалъ опять ко мнѣ и сказалъ съ крикомъ: мои лѣта вышли; такъ почему я не представленъ? Я сказалъ, что можетъ быть, потому, что вы—подъ судомъ. Тутъ онъ началъ бѣгать и кричать больше прежняго, произнося: „я не подѣ судомъ, я не былъ никогда и не буду подѣ судомъ“ и пр. Изъ сего можно усмотрѣть, я ли обидѣлъ Нельдехена, перечисляя ему причины, по коимъ законы не повелѣваютъ представлять къ чинамъ или г. Нельдехенъ меня, крича при перечисленіи сихъ причинъ на меня и бѣгая предо мною. Впрочемъ, я тогда дѣйствительно позабылъ, представленъ ли онъ къ чину или нѣтъ“. Правленіе дало Нельдехену копію этого объясненія и потребовало отъ него доказательства его обвиненія, а когда онъ таковаго не представилъ, то оставило его жалобу безъ послѣдствій и постановило взыскать съ него 24 рубля въ пользу Харьковской гимназіи ¹⁾. Не отрицая того, что Осиповскій отнесся къ Нельдехену съ ироніей, подѣ которой таилось пренебреженіе и презрѣніе, мы должны при этомъ имѣть въ виду, что Осиповскій и не могъ питать къ нему иныхъ чувствъ, такъ какъ это былъ человѣкъ, совершенно опустившійся, горькій пьяница, котораго вскорѣ долженъ былъ удалить отъ должности самъ попечитель округа за то, что онъ пропускалъ лекціи или являлся на нихъ въ невмѣняемомъ состояніи; въ данномъ же случаѣ Нельдехенъ проявилъ излишнюю настойчивость, чтобы не сказать сильнѣе, добиваясь во что бы то ни стало отъ ректора отвѣта, котораго тотъ не могъ или не хотѣлъ дать; не могъ, въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно, какъ самъ заявляетъ, забылъ объ

¹⁾ Рус. Старина, 1876, ноябрь, стр. 471—473.

этомъ; а что онъ могъ забыть объ этомъ, видно изъ того, что представленіе о чинѣ было въ дѣйствительности сдѣлано—и Нельдехенъ напрасно надобдалъ своимъ вопросомъ, почему оно не сдѣлано; при этомъ, ректоръ и не обязанъ былъ удовлетворить его любопытству. Во всякомъ случаѣ, Осиповскій проявилъ больше сдержанности, чѣмъ Нельдехенъ, который сталъ бѣгать по залѣ и выкрикивать по адресу ректора свое неудовольствіе. Въ столкновеніи съ проф. Дудровичемъ, отказавшимся экзаменовать студента Остроградскаго, Осиповскій, по словамъ И. П. Щелкова, употребилъ оскорбительное выраженіе, назвавъ его сужденіе *сербскимъ* и проявивъ здѣсь запальчивость, доходившую до неприличія. Но такъ излагаетъ дѣло самъ Дудровичъ; объясненія же Осиповскаго мы не знаемъ. Можно думать, что его вывелъ изъ себя отказъ Дудровича экзаменовать Остроградскаго, отказъ, который Осиповскій считалъ незаконнымъ. Кромѣ того здѣсь, конечно, имѣло значеніе то обстоятельство, что Дудровичъ одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ попечителю и записался въ мистики. Сатирическая замѣтка въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ была составлена въ формѣ вопроса и отвѣта. „*Вопросъ.* Что значитъ шапка съ шестью или пятью рогами, которую многіе молодые люди здѣсь носятъ? Не скрывается ли подъ оною какой тайны? *Отвѣтъ.* Никакой! А шапка сія не что иное есть, какъ вывѣска дурака, гоняющагося больше за модою, чѣмъ за ученіемъ, и выпущена, кажется, кѣмъ-нибудь такимъ же дуракомъ“. Замѣтка эта была безъ подписи автора, но обратила своею рѣзкостью вниманіе министра. Отъ Осиповскаго попечитель потребовалъ объясненія—и тотъ заявилъ, что замѣтка эта напечатана была имъ въ виду распространенія среди студентовъ новомодныхъ шапокъ, вызвавшихъ подозрѣніе въ публикѣ и администраціи, не составляютъ ли онѣ принадлежности тайныхъ студенческихъ обществъ. Характерное прошеніе Осиповскаго въ совѣтъ, поданное имъ по случаю увольненія отъ службы, мы приведемъ ниже; здѣсь же только замѣтимъ, что оно дѣйствительно проникнуто было желчью и сарказмомъ. Эти факты относятся къ самому послѣднему періоду дѣятельности Осиповскаго въ Харьковѣ, а прошеніе его въ совѣтъ написано было послѣ увольненія отъ должности, и всѣ они свидѣлствуютъ не столько о *характерѣ* Осиповскаго, сколько о его тогдашнемъ *настроеніи*—о его *возбужденномъ состояніи духа*. Впрочемъ, можетъ быть, это возбужденное состояніе сдѣлалось у него въ это время, подъ вліяніемъ новыхъ условій университетской жизни, *хроническимъ*. Ему трудно было сдерживаться—и онъ проявлялъ свой протестъ противъ новыхъ теченій преимущественно въ формѣ сарказма, который вполне соответствовалъ складу его ума. Противники же

пускали противъ него совершенно недостойное орудіе — доносъ. Резюмируя свое мнѣніе, И. П. Щелковъ говоритъ: „Каріѣвъ былъ дряхлый старикъ, не получившій въ молодости основательнаго образованія и не имѣвшій въ сущности никакихъ твердыхъ убѣжденій; они измѣнялись у него, смотря по тому, какое настроеніе господствовало въ данное время въ правительственныхъ кругахъ...> Какъ человѣкъ слабохарактерный и къ тому же старчески дряхлый, Каріѣвъ не переносилъ возраженій въ отношеніи къ его мѣрамъ; при его душевномъ настроеніи, не соглашающійся съ нимъ долженъ былъ въ его глазахъ явиться не только противникомъ его мнѣній, но лицомъ прямо вреднымъ, оскорбляющимъ религію и не уважающимъ требованій евангельскаго ученія. Если принять во вниманіе все сказанное выше объ Осиповскомъ, то не трудно понять, что именно въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ представляться Каріѣву... Въ особенностяхъ умственного склада и характера Каріѣва и Осиповскаго лежитъ, по нашему мнѣнію, главная причина той непріязни, которая заставила Каріѣва выставить Осиповскаго какъ лицо, не способное быть ректоромъ и даже не достойное занимать мѣсто профессора. Возможно, что развитію непріязненнаго отношенія къ Осиповскому способствовали навѣты его непріятелей, образецъ которыхъ сохранился въ письмѣ Дудровича къ Каріѣву, напечатанномъ Чириковымъ, но существенной роли они, надо думать, не играли. Каріѣвъ, на сколько можно судить о немъ по имѣющимся у насъ даннымъ, не былъ лицомъ, способнымъ погубить челоѣка ради личныхъ непріятностей или на основаніи однихъ только сплетенъ или извѣстовъ. Н. А. Лавровскій приравниваетъ З. Я. Каріѣва къ его извѣстнымъ современникамъ, прославившимся своею печальною дѣятельностью — Магницкому и Руничу. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ Н. А. Лавровскій не правъ: З. Я. Каріѣвъ былъ челоѣкомъ безъ основательнаго образованія, безъ твердыхъ убѣжденій; онъ мѣнялъ ихъ, смотря по настроенію, господствовавшему въ данную минуту, но это не былъ, подобно Магницкому, холодный интриганъ, ради своей выгоды способный на всякую ложь и клевету; онъ не былъ челоѣкомъ, съ языка котораго не сходили обличенія противъ враговъ вѣры и отечества и который вмѣстѣ съ тѣмъ не затруднялся присваивать деньги, отпускаяшіяся ему на потребности университета. Каріѣвъ могъ ошибаться и ошибался, но и въ своихъ ошибкахъ онъ дѣйствовалъ искренно“ ¹⁾.

По поводу высказанныхъ здѣсь мнѣній можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

¹⁾ Журн. Минист. Народн. Просв. 1890, октябрь.

Основною причиною удаленія Т. Θ. Осиповскаго отъ должности ректора нужно признать полное несоотвѣтствіе его умственнаго склада, убѣждений и характера съ таковыми же попечителя З. Я. Каріѣва; при такихъ условіяхъ попечитель искалъ только повода, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго ему человѣка, который исполнялъ, правда, его начальническія приказанія, но не сочувствовалъ имъ и даже считалъ ихъ крайне вредными для университета, которому онъ былъ преданъ и которому посвятилъ лучшіе годы своей жизни, свои способности и свою изъ ряда вонъ выдающуюся энергію и трудолюбіе. Будучи однимъ изъ наиболѣе видныхъ устроителей Харьковскаго университета въ духѣ либеральныхъ идей первыхъ годовъ царствованія имп. Александра I-го, Т. Θ. Осиповскій съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что теперь старались разрушить то, что прежде тщательно и бережно культивировали—а именно научное направленіе съ присущей ему свободой изслѣдованія. Въ новой системѣ заключалась огромная опасность для университета, ибо она, объявивъ войну разуму, подкапывалась подъ самыя основы академической жизни. А Т. Θ. Осиповскій долженъ былъ оказаться еще чувствительнѣе другихъ къ „новому курсу“, въ качествѣ главы и представителя реальнаго направленія въ университетской наукѣ: если онъ считалъ чистой фантазіей научно-метафизическія построенія Канта, Фихте, Шеллинга, то можно себя представить, какъ онъ относился къ такимъ авторитетамъ Каріѣва и Голицына, какъ Дютуа и Эккартегаузенъ съ ихъ мистическими бреднями, сумбуромъ и туманомъ! Мы признаемъ по этому достовѣрнымъ сообщеніе Дудровича (въ его доносѣ на Осиповскаго) о рѣзкихъ отзывахъ его по поводу мистиковъ. До 1817 г., т. е. до назначенія на постъ попечителя З. Я. Каріѣва, хотя и замѣчалось уже новое вѣяніе, проявившееся довольно реально и въ дѣлѣ Шада, и въ запросѣ министерства по поводу студенческихъ спектаклей, но оно сдерживалось еще до извѣстной степени, благодаря попечителю округа гр. С. О. Потоцкому, воспитанному въ старыхъ традиціяхъ и не желавшему примѣнять къ своему „дѣтищу“ новыхъ педагогическихъ пріемовъ. Новый же попечитель и назначенъ былъ въ Харьковъ именно для того, чтобы перевоспитать въ своемъ духѣ и профессоровъ, и студентовъ. Для Осиповскаго назначеніе Каріѣва было тѣмъ чувствительнѣе и непріятнѣе, что при С. О. Потоцкомъ, благодаря его извѣстной системѣ управленія университетомъ (изъ Петербурга), ректору принадлежала огромная власть, а Осиповскій—что также имѣетъ значеніе—имѣлъ вкусъ къ этой власти и пользовался ею. Это доказывается и извѣстными намъ данными изъ его ректорства, и отзывами современниковъ. Онъ ревниво оберегалъ свое ректорское достоинство и

въ отношеніи ко вновь назначенному попечителю: въ 1817 году этотъ послѣдній не согласился на передѣлки въ ректорской квартирѣ—и онъ подалъ въ отставку, предложивъ избрать на его мѣсто другое лицо. Однако совѣтъ рѣшилъ не дѣлать выбора до возвращенія въ Харьковъ З. Я. Карнѣева; а этотъ послѣдній поспѣшилъ уладить дѣло съ Осиповскимъ, такъ что онъ взялъ свое прошеніе объ отставкѣ назадъ ¹⁾. Мы не хотимъ сказать, чтобы онъ злоупотреблялъ своею властью, чтобы онъ не былъ коллегіальнымъ ректоромъ, а какимъ-то автократомъ—нѣтъ: коллегія сама его постоянно избирала, и онъ при дѣйствіи выборнаго начала былъ безсмѣннымъ ректоромъ въ теченіе 7-ми лѣтъ—но его умственный и общественно-нравственный авторитетъ былъ столь великъ, что онъ невольно импонировалъ имъ на окружающихъ и такъ какъ при этомъ былъ человекомъ прямымъ и откровеннымъ, то подѣ часть его обхожденіе могло показаться обиднымъ. Въ ректорство Стойковича онъ былъ лидеромъ русской партіи въ совѣтѣ и велъ упорную борьбу какъ съ самимъ Стойковичемъ, такъ и съ нѣкоторыми иностранными профессорами, его поддерживавшими; а борьба, какъ извѣстно, не располагаетъ къ мягкости. Быть можетъ, раньше Осиповскій и отличался тою ровностью и спокойствіемъ, о которыхъ говоритъ Селивановъ; но подѣ вліяніемъ ожесточенной борьбы, имѣвшей мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ послѣ 1812 года, они должны были замѣниться нервнымъ напряженіемъ и подѣ часъ раздраженіемъ. Со своими противниками—выдающимися профессорами иностраннаго происхожденія—Осиповскій держалъ себя съ достоинствомъ, авторитетно, но корректно; Н. А. Лавровскій говоритъ, что Осиповскій весьма самостоятельно держалъ себя относительно иностранныхъ профессоровъ: когда велѣно было сжечь сочиненіе Шада „De viris illustribus urbis Romae“, то онъ выступилъ съ официальнымъ предложеніемъ не уничтожать его, а только выбросить неудобныя мѣста ²⁾; но на это не согласился кн. А. Н. Голицынъ. Проф. Венедиктовъ оставилъ намъ любопытное свидѣтельство объ Осиповскомъ слѣдующаго содержанія: „графъ Потоцкій, сухенькій полякъ, наѣзжалъ изрѣдка въ Харьковъ и университетомъ почти не занимался, но и вреда университету не дѣлалъ. *Что ректоръ Осиповскій и совѣтъ хотѣли, то и дѣлали*“ ³⁾. Первая часть его извѣстія, какъ мы видѣли, не точна, но вторая весьма правдоподобна. Переходъ отъ такой почти полной свободы при попечителѣ Потоцкомъ къ новому

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 444/22.

²⁾ Мое „Удаленіе И. Е. Шада“, стр. 35.

³⁾ Рукописныя замѣтки Чирикова въ библіотекѣ Харьк. Историко-Фил. Общества; записъ о Потоцкомъ со словъ проф. Венедиктова.

режиму З. Я. Карнѣва былъ, конечно, для Осиповскаго очень рѣзокъ. Правда, новый попечитель самъ по себѣ былъ дряхль, старъ и слабъ, но онъ напрягалъ свои послѣднія старческія силы, чтобы ввести новую систему воспитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, явились лица, пожелавшія приспособиться къ новому режиму, съ тѣмъ чтобы извлечь изъ него для себя возможные выгоды: такую роль стали играть при З. Я. Карнѣвѣ Джунковскій и Дудровичъ, изъ коихъ первый стремился занять должность ректора. Они, конечно, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выставить Осиповскаго врагомъ распоряженій попечителя и побудить нерѣшительнаго Карнѣва къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Осиповскаго. Жалоба Дудровича имѣла именно такую цѣль; и если бы кн. Голицынъ раньше не уволилъ Осиповскаго, то этотъ послѣдній могъ бы подвергнуться суду по обвиненію въ злобныхъ выходкахъ противъ министра, попечителя, мистиковъ въ родѣ „благочестиваго“ Дютуа, его истинно христіанскихъ, по ихъ мнѣнію, сочиненій; и кто знаетъ: не пришлось ли бы ему оставить своихъ должностей ректора и профессора, по распоряженію министерства, и, подобно Шаду, безъ всякой пенсіи! Во всякомъ случаѣ обвиненіе Дудровича было серьезное: Осиповскій изобличался въ явной оппозиціи министерству и его „благимъ“ начинаніямъ, а съ такими лицами не перемонились... З. Я. Карнѣвъ хотѣлъ дѣлать представленія министру о тѣхъ профессорахъ, которые не соотвѣтствовали своему назначенію—да и сдѣлалъ таковое объ Осиповскомъ еще до подачи на него доноса Дудровичемъ; а если бы его представленія не уважили, то онъ бы, по всей вѣроятности, далъ законный ходъ жалобѣ преслѣдуемаго ректоромъ Дудровича. И. П. Щелковъ не считаетъ возможнымъ сопоставлять З. Я. Карнѣва съ Магницкимъ и Руничемъ. Конечно, между ними нѣтъ сходства въ ихъ характерѣ; но ихъ можно сопоставлять по ихъ дѣятельности: эта послѣдняя была сходна у нихъ и по своему духу, и по внѣшнимъ приемамъ; и З. Я. Карнѣва съ этой точки зрѣнія можно называть Харьковскимъ Магницкимъ или Руничемъ, хотя онъ, конечно, далеко уступалъ своимъ знаменитымъ современникамъ въ энергіи, выдержкѣ, суровости и безпощадности въ проведеніи ихъ общей разрушительной системы; разница здѣсь, однако, количественная, а не качественная; основные принципы у всѣхъ трехъ одинаковы, только Магницкій и Руничъ шли дальше Карнѣва по пути разрушенія, а этотъ послѣдній, по старости и дряхлости, дѣйствовалъ гораздо менѣе энергично, и за это получалъ выговоры отъ своего друга, соратника и единомышленника по мистической дѣятельности, извѣстнаго издателя „Сіонскаго Вѣстника“ Лабзина. Осиповскій долженъ былъ

уйти, какъ человѣкъ, мѣшавшій насажденію въ Харьковскомъ университетѣ того самаго направленія, какое прививали въ Петербургѣ—Руничѣ, въ Казани—Магницкій, въ Харьковѣ—Карибевъ.

Переходимъ теперь къ подробностямъ этого удаленія. Т. О. Осиповскій вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ объ увольненіи его за выслугою лѣтъ, съ полнымъ пансіономъ отъ должности профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ чистой математики, съ тѣмъ чтобы поручить ее Павловскому и Байкову,—а ему предоставить чтеніе лекцій по оптикѣ и астрономіи съ окладомъ въ 2000 рублей. Совѣтъ представилъ прошеніе Осиповскаго попечителю. Трудно было ожидать отказа въ этомъ дѣлѣ: Осиповскій выслужилъ пенсію и желалъ пользоваться ею; но при этомъ онъ еще чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для продолженія преподавательской и научной дѣятельности и потому ходатайствовалъ о порученіи ему вакантной каѳедры оптики и астрономіи. Дальнѣйшія событія показали, что онъ не только не потерялъ въ это время своей работоспособности, а наоборотъ она достигла у него высшаго своего развитія. Съ другой стороны, его познанія въ области прикладной математики, каковою являлась оптика и астрономія, были столь значительны, что онъ могъ бы быть вполне достойнымъ представителемъ этой каѳедры, а не только ея временнымъ замѣстителемъ. Наконецъ, онъ имѣлъ не только формальное, но и нравственное право оставить свою каѳедру, потому что поручалъ ее своему любимому ученику, выдающемуся математику и достойнѣйшему преподавателю, которому пора было получить профессуру и вѣтупить на путь вполне самостоятельнаго преподаванія. Но попечитель рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы совершенно освободиться отъ непріятнаго ему человѣка: онъ сдѣлалъ министру представленіе въ томъ смыслѣ, что Осиповскаго слѣдуетъ уволить не только отъ должности профессора, *но и ректора* (чего конечно Осиповскій вовсе не имѣлъ въ виду). Вотъ что писалъ онъ министру. „Изъ подносимаго при этомъ въ копіи представленія университетскаго совѣта ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что ректоръ Харьковскаго университета ст. сов. Осиповскій, отказываясь отъ занятія собственной своей каѳедры чистой математики, желаетъ быть уволеннымъ отъ должности ординарнаго профессора, съ тѣмъ чтобы получаемое имъ жалованье обращено было въ полную пенсію, какъ заслуженному профессору и съ тѣмъ чтобы поручены были ему двѣ постороннія каѳедры—оптики и астрономіи съ жалованьемъ 2000 р. въ годъ, тогда какъ при каѳедрѣ оптики имѣется особый экстраординарный профессоръ, которому и можетъ она поручена быть, а каѳедра астрономіи съ давняго времени праздна и до опредѣленія совершенно

опытнаго астронома нѣтъ надобности поручать ее Осиповскому, тѣмъ болѣе что изъ предложенія его, противнаго содержанію 18-й статьи утвердительной грамоты университета, весьма ясно открывается, что онъ желаетъ пріобрѣсти тѣ же 2000 рублей, отъ которыхъ, слагая съ себя званіе ординарнаго профессора, повидимому отказывается. Хотя совѣтъ университета и согласился сдѣлать представленіе по такому предложенію Осиповскаго, но я не нахожу никакой пользы отъ предложеній его и, замѣтивъ, что Осиповскій съ нѣкотораго времени послѣ многихъ моихъ напоминаній весьма небрежно исправляетъ званіе ректора ко вреду этого важнаго заведенія, мнѣніемъ полагаю—согласно желанію его, уволить отъ должности ординарнаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ званія ректора университета съ обращеніемъ ему, какъ заслуженному профессору, въ пенсію получаемаго имъ жалованья по 2000 р. въ годъ. Такое мое мнѣніе предавъ въ начальниче вашего сѣятельства благоразсмотрѣніе, покорнѣйше прошу снабдить меня предписаніемъ, до полученія котораго предложилъ университету, чтобы расположеніе преподаванія лекцій по кафедрамъ физико-математическаго отдѣленія оставалось въ прежнемъ порядкѣ. На это послѣдовало слѣдующее опредѣленіе министра. „Объ увольненіи ректора Осиповскаго отъ должности этой и вовсе отъ службы съ положеннымъ пенсіономъ по званію заслуженнаго профессора поднести докладъ къ Высочайшему утвержденію. А такъ какъ онъ не можетъ отправлять далѣе ректорской должности, то предоставить университету избрать заступающаго его мѣсто къ исправленію ея до опредѣленія другого ректора. Что же касается до изъявляемаго Осиповскимъ желанія занимать другія кафедры, оставя свою, то какъ предположенія его противны общепоставленному порядку, потому ихъ и исполнить невозможно“. Нельзя не отмѣтить въ представленіи попечителя одной странности: онъ подтверждаетъ, что кафедра астрономіи давно вакантна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хочетъ предоставить ее Осиповскому. Между тѣмъ изъ справокъ о преподаваніи на физико-математическомъ факультетѣ оказывается, что Осиповскій много лѣтъ передъ тѣмъ преподавалъ и оптику, и астрономію, по порученію совѣта, утвержденному министерствомъ. Ссылка на 18-ю статью утвердительной грамоты сдѣлана, очевидно, только pro forma, потому что предложеніе Осиповскаго не стояло съ ней въ противорѣчій, какъ утверждалъ попечитель: она не запрещала заслуженному профессору вести преподаваніе по вакантной кафедрѣ, а практика допускала даже совмѣстительство въ этомъ отношеніи—и вновь избранный ректоръ Джунковскій, занимая кафедру греческаго языка на словесномъ факультетѣ, въ то же время велъ преподаваніе по сельскому

хозяйству на математическомъ отдѣленіи. Такое совѣстительство вызывалось недостаткомъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, необходимыя для занятія кафедръ. Такимъ образомъ, неправо было и министерство, ссылаясь на то, что будто-бы просьба Осиповскаго противорѣчила установленному порядку: она этого порядка не нарушала, а наоборотъ, упорядочивала дѣло преподаванія на физико-математическомъ факультетѣ, на которомъ въ это время было только съ Осиповскимъ и адъюнктами *шесть* преподавателей и который только что лишился профессора астрономіи Литрова. Спрашивается: можно ли было и вообще, и при такой скудости преподавательскихъ силъ въ частности, удалять „звѣзду“ математическихъ наукъ Осиповскаго? Это былъ глубоко несправедливый поступокъ попечителя, нанесшій чувствительнѣйшую рану Харьковскому университету, который въ лицѣ Осиповскаго одновременно лишился и самой крупной научно-преподавательской силы, и самого честнаго безкорыстнаго труженика, отдавашаго ему всѣ свои силы, и самого достойнаго и авторитетнаго ректора, о коемъ съ полнымъ основаніемъ можно было сказать, что это былъ *rector magnificus*. Естественно, что и на Осиповскаго извѣстіе о его подневольномъ удаленіи произвело самое тягостное впечатлѣніе: онъ былъ возмущенъ оказанной ему несправедливостью и выразилъ свои чувства въ обращеніи къ совѣту, „Въ прошломъ мѣсяцѣ подавалъ я, писалъ ояъ, прошеніе въ правленіе университета слѣдующаго содержанія: „покорнѣйше прошу правленіе университета выдать мнѣ паспортъ для свободнаго прожитія съ семействомъ моимъ, гдѣ пожелаю. Нужно мнѣ также получить послужной списокъ, но не встрѣтитъ ли правленіе затрудненія, какъ показать въ немъ объ изгнаніи моемъ изъ университета? Ибо надобно показать и причину сего изгнанія, которая, можетъ быть, правленію не совсѣмъ извѣстна. Заключая изъ нѣкоторыхъ бумагъ, мною изъ университета и отъ министра полученныхъ, надлежитъ, кажется, написать вообще: по представленіямъ г. попечителя и послѣдовавшему на нихъ предписанію г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія выгнанъ я изъ университета безъ всякаго вида, какъ невѣжда и негодяй, который не могъ быть терпимъ въ немъ, 1-го ноября 1820 г., а потомъ чрезъ 1½ года, а именно 16 апрѣля 1822 года, по вынужденному докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Высочайше уволенъ отъ университета съ названіемъ заслуженнаго профессора и съ полнымъ пенсіономъ. Впрочемъ, можетъ быть, университетское начальство желало бы помѣстить подробно причины, побудившія его къ изгнанію моему, а потому прошу правленіе войти съ представленіемъ къ начальству и, какія будутъ указаны причины, прописать ихъ въ моемъ послужномъ

спискѣ". Это мое прошеніе, яко-бы по причинѣ укорительныхъ словъ на счетъ начальства, возвращено мнѣ съ надписью; я перечитывалъ его, чтобы увидѣть, не написалъ ли я дѣйствительно чего-нибудь укорительнаго для начальства, но не нашелъ ни одного такого слова; слова—невѣжда, негодяй, нетерпимый ни мало не относятся къ начальству, а принадлежать единственно ко мнѣ; кромѣ же этихъ словъ, ко мнѣ только относящихся, я въ прошеніи своемъ не сказалъ ничего такого, что бы показывало мою жалобу на начальство, да и не идетъ жаловаться на начальство правленію. Можетъ быть, не понравилось правленію мое выраженіе—по вынужденному докладу, то хотя оно и справедливо, но можно было бы написать просто: по докладу. А что и я этими словами—невѣжда, негодяй, нетерпимый, ни мало не оскорбляюсь, тому служить залогомъ, что я въ послѣдніе годы моего пребыванія въ университетѣ привыкъ къ такимъ обо мнѣ сужденіямъ: напримѣръ, профессоръ Дудровичъ при студенческихъ экзаменахъ—по случаю отзыва моего объ эккартсгаузенскихъ таинствахъ чиселъ, что „я не знаю никакихъ таинствъ въ числахъ“, сказалъ мнѣ: „еще математикомъ себя считаешь, а и чиселъ не знаешь!“ А проф. Пауловичъ, въ засѣданіи совѣта, при разсужденіи о выдачѣ студентамъ аттестатовъ, назвалъ меня мошенникомъ, но я не обидѣлся ими и не обижаюсь, зная, что такъ говорено было обо мнѣ по мнѣнію другихъ, коимъ предоставлено безусловное право судить о прочихъ. Впрочемъ, я въ этомъ прошеніи не настоялъ, чтобы въ послужномъ моемъ спискѣ такъ было написано, какъ я прописалъ въ прошеніи, но просилъ, буде правленіе усомнится, представить о томъ, какъ написать начальству; но я не знаю, для чего правленіе не вошло объ этомъ съ представленіемъ. Чего не сдѣлало правленіе, о томъ прошу я совѣтъ университета; но покорнѣйше прошу не замедлить выдачею мнѣ паспорта и послужного списка, ибо они мнѣ очень нужны“. Прошеніе это было доложено въ засѣданіи совѣта 11-го апрѣля 1823 года ¹⁾. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе одно указаніе Осиповскаго, что онъ былъ удаленъ властію министра и что только 1½ года спустя въ 1822 году этотъ послѣдній вынужденъ былъ испросить Высочайшее повелѣніе на его удаленіе. Въ 1824 году, какъ мы знаемъ, князя А. Н. Голицына смѣнилъ Шишковъ—и Осиповскій обратился къ новому министру съ прошеніемъ, въ которомъ разясняется это обстоятельство: „я, нижеподписавшійся, 18 лѣтъ служилъ въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ, въ томъ числѣ въ теченіе 7½ лѣтъ былъ ректоромъ университета, наконецъ, 1-го ноября 1820 г. не знаю

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., октябрь, стр. 382—383.

за что былъ выгнанъ изъ университета безъ всякаго вида и безъ давно заслуженной пенсіи, но въ апрѣлѣ 1822 года по всеноданѣйшей моей просьбѣ къ Государю Императору былъ уволенъ отъ университета съ пенсією по 2000 руб., которую и получалъ въ Харьковѣ. Теперь переѣхалъ я на житье въ Москву и всекорѣйше прошу ваше превосходительство о распоряженіи, чтобы пенсія моя производилась мнѣ здѣсь, въ Москвѣ, изъ кассы университета или другого какого казначейства“ (10 августа 1824 г.)¹⁾. И такъ, Осиповскій, оказывается, долженъ былъ войти со всеноданѣйшимъ ходатайствомъ о предоставленіи ему давнозаслуженной пенсіи. Но этого мало: министръ отстранилъ его своею властью отъ должности ректора и профессора въ 1820 году—а между тѣмъ *законное* увольненіе его по Высочайшему повелѣнію состоялось только въ 1822 г., и съ этого времени ему и назначена была пенсія; за полтора же года, протекшіе между двумя увольненіями, ему не выдавали ни жалованья, ни пенсіона, и только въ 1822 году попечитель, въ видѣ особой милости, предложилъ министерству выдать ему за это время подѣ видомъ жалованья заслуженную пенсію. Сказанное подтверждается слѣдующими документальными данными. 1-го ноября 1820 года непремѣнный засѣдатель правленія проф. Джунковскій, по предписанію попечителя, созвалъ экстренное засѣданіе совѣта въ 5 часовъ пополудни (а не утромъ, какъ это дѣлалось обыкновенно), на которомъ присутствовали, кромѣ него, проф. Делявинъ, Книгинъ, Рейтъ, протоіерей проф. богословія Могилевскій, Пауловичъ и Дудровичъ, т. е. всего 7 человекъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ предложенія попечителя слѣдующаго содержания: „съ полученія сего поручаю вашему высокородію созвать членовъ совѣта и въ засѣданіи ихъ предложить къ точному исполненію прилагаемое при семъ предложеніе мое университету объ избраніи кого либо на мѣсто *увольняемаго* вовсе отъ службы ректора Осиповскаго къ исправленію ректорской должности; *по окончаніи засѣданія* объявивъ отъ совѣта Осиповскому и о всемъ послѣдующемъ въ немъ мнѣ донести“. Въ самомъ же предложеніи сказано было слѣдующее: „представленіе университетскаго совѣта отъ 3-го іюня, въ которомъ говорилось, что ректоръ Осиповскій слагаетъ съ себя должность по кафедрѣ чистой математики и пр., какъ извѣстно уже совѣту, вноситъ и на разсмотрѣніе министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Его сіятельство, въ разрѣшеніе его, предписаніемъ отъ 6 октября увѣдомилъ меня, что объ увольненіи *вовсе* отъ службы ректора Харьковскаго университета Осиповскаго съ обращеніемъ ему въ пенсіонъ полнаго жалованья

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 717, об., стр. 76, 136; Арх. Мин. Нар. Просв.

сдѣлано отъ него, куда слѣдуетъ представленіе; а между тѣмъ предоставилъ мнѣ предложить университету объ избраніи на его мѣсто кого-либо къ исправленію ректорской должности до опредѣленія другого ректора; что же касается до изъявляемаго г. Осиповскимъ желанія занимать другую каѳедру, оставя свою, то какъ предположенія его противны общеустановленному порядку, то потому ихъ и исполнить невозможно“. И такъ, Осиповскій былъ отстраненъ совсѣмъ отъ службы и долженъ былъ ждать назначенія пенсіи; и ему не оставалось ничего иного, какъ выѣхать изъ Харькова, гдѣ положеніе его было весьма щекотливое. Между тѣмъ попочитель вполнѣдствіи представилъ министру дѣло такимъ образомъ, что Осиповскій *самовольно* оставилъ профессуру и уѣхалъ въ Москву. Вотъ его представленіе министру. „По предписанію вашего сіятельства отъ прошлаго 20 апрѣля, при коемъ приложенъ въ коніи Высочайше утвержденный въ 16 день того-же апрѣля всеподаннѣйшій вашъ докладъ объ увольненіи заслуженнаго профессора Харьковскаго университета статскаго совѣтника Осиповскаго вовсе отъ службы съ пенсіономъ полнаго профессорскаго жалованья по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ суммы, въ штатѣ Харьковскаго университета назначенной, предложилъ я университету сдѣлать надлежащее исполненіе. Нынѣ университетскій совѣтъ въ донесеніи своемъ ко мнѣ изъясняетъ, что, положивъ означенному профессору Осиповскому производить пенсіонъ съ 16-го числа апрѣля въ 1822 году, встрѣчаетъ затрудненіе въ производствѣ ему жалованья за прежнее время, съ котораго пересталъ онъ преподавать при университетѣ лекціи. По справкѣ съ дѣлами совѣта, открывается: 1) Осиповскій утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора чистой математики 1803 г. февраля 7 дня съ жалованьемъ по двѣ тысячи рублей. 2) Поручена ему временно каѳедра прикладной математики въ 1811 году 23 ноября съ половиннымъ за особый трудъ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ. 3) По званію ректора получалъ онъ жалованья по 600 рублей въ годъ. 4) Утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора въ 1819 году марта 15 дня съ тѣмъ, что пенсіономъ по этому званію воспользуется по увольненіи отъ должности ординарнаго профессора. 5) Отказался онъ, Осиповскій, отъ должности ординарнаго профессора чистой математики 3 іюля 1820 года и съ этого времени по данной каѳедрѣ лекцій не читалъ. 6) Продолжалъ преподаваніе лекцій по временно порученной ему каѳедрѣ прикладной математики по 1 число ноября 1820 года, по которое и удовлетворенъ жалованьемъ за обѣ вышеизъясненныя каѳедры и за должность ректора. 7) По объясненіи ему, Осиповскому,

того-же 1-го числа ноября 1820 года увольненія отъ должности ректора, онъ вовсе оставилъ преподаваніе лекцій и изъ университета былъ. 8) Уволенъ онъ вовсе отъ службы 16 апрѣля настоящаго 1822 г. съ пенсіономъ полнаго профессорскаго жалованья по двѣ тысячи рублей въ годъ. По сему, хотя заслуженному профессору Осиповскому, *оставившему преподаваніе лекцій съ 1-го ноября 1820 года и отлучившемуся изъ университета прежде увольненія отъ службы безъ вѣдома начальства*, не слѣдовало бы выдать за все то время жалованья, но единственно во уваженіе долговременнаго служенія сего чиновника по учебной части я покорнѣйше прошу ваше сіятельство позволить удовлетворить его съ 1-го ноября 1820 года по 16 апрѣля этого года жалованьемъ только за должность ординарнаго профессора въ родѣ назначеннаго ему нынѣ пенсіона и въ разрѣшеніе снабдить меня предписаніемъ⁴.

На мѣсто Осиповскаго временнымъ ректоромъ или проректоромъ избранъ былъ, какъ того слѣдовало ожидать. Джунковскій; подъ его предсѣдательствомъ происходило и то экстренное засѣданіе совѣта 1-го ноября 1820 г., на которомъ онъ получилъ большинство избирательныхъ шаровъ (5 противъ одного); впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что всѣ остальные кандидаты заранѣе отказались отъ избранія и должны были баллотироваться только въ силу устава; слѣдующее за нимъ большинство голосовъ (четыре противъ двухъ) получилъ Пауловичъ—также преданный попечителю человѣкъ. Донося объ избраніи Джунковскаго министру и ходатайствуя о Высочайшемъ утвержденіи его въ должности ректора, попечитель прибавилъ, что онъ можетъ быть примѣромъ благочестивой жизни и твердыхъ правилъ христіанской нравственности. Но Харьковскій университетъ не только ничего не выигралъ отъ замѣны Осиповскаго Джунковскимъ, а наоборотъ много потерялъ, лишившись въ лицѣ перваго энергичнаго, стойкаго, опытнаго, преданнаго своему дѣлу представителя коллегіи, и пріобрѣлъ въ лицѣ втораго слабаго и малоопытнаго въ дѣлахъ администратора. Такимъ именно рисуется Джунковскаго, какъ увидимъ далѣе, самъ попечитель округа въ откровенномъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, передъ самымъ выходомъ своимъ въ отставку.

Въ 1820 г. З. Я. Карѣевъ получилъ орденъ Александра Невскаго при Высочайшемъ рескриптѣ, одобрявшемъ его усердную дѣятельность¹⁾. Но силы З. Я. Карѣева замѣтно слабѣли, и онъ мечталъ

¹⁾ Вотъ его подлинный текстъ: „Божією Милостію Мы, Александръ I, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая и прочая. Нашему тайному

объ отставкѣ. Любопытныя данныя объ этомъ періодѣ его управленія заключаетъ въ себѣ письмо къ З. Я. Карпѣеву Лабзина отъ 20 января 1821 г. „Признаюсь, писалъ этотъ послѣдній, я удивляюсь, какъ вы не соскучитесь имѣть дѣло съ людьми безмозглыми. Отказавшись отъ мѣста, гдѣ хотя какіе-нибудь законы служили основаніемъ, довольствуетесь такимъ мѣстомъ, гдѣ однимъ правиломъ служить—*sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*. Противопологаемый вами законъ, *чтобъ не слѣдовать своей волѣ*, едва-ли не есть нѣчто утрированное. Въ духовномъ мірѣ не сонливость и недвижимость, а именно дѣятельность является жизнью; тамъ все движется непрестанно и не машинально, а само о себѣ; у разумныхъ духовъ пружиною сей подвижности именно является смыслъ и воля. Отрицательныя добродѣтели не суть еще добродѣтели; запертый воръ, конечно, не крадетъ, но что это? Надобно, чтобъ онъ не кралъ на волѣ, и я не знаю, прилично ли подлинно тому, кто назначенъ быть образомъ и подобіемъ Божіимъ, быть только пассивнымъ. Есть-ли это подобіе Божества? На что же Творецъ далъ намъ волю, коли я не долженъ имѣть ея? На что разумъ, коли его не употреблять? Если бы Господь не такъ былъ милосердъ и. усмотря, какъ люди худо цѣнятъ дары его, отнялъ ихъ, напримѣръ, отнялъ-бы разумъ, я думаю, самые ревностные Гіонисты (послѣдователи г-жи Гюйонъ, выступавшей противъ разума) не обрадовались бы этому и познали бы несчастное состояніе сумасшедшихъ, узнали бы, что всѣ откровенія божественныя и проповѣдь слова Его именно предоставлены разумнымъ

совѣтнику и попечителю Харьковскаго учебнаго округа Карпѣеву. Долговременная и усердная служба ваша, и похвальныя дѣянія въ управленіи вѣрнымъ вамъ учебнымъ округомъ оказываемыя, личный осмотръ его во всѣхъ частяхъ, и попечительность, съ каковою вы тщитесь вводить въ учебныя заведенія, подъ надзоромъ вашимъ состоящія, порядокъ, благоустройство и ученіе, на благочестіи основанное, по засвидѣтельствованію Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія обратили на насъ Наше вниманіе. Во изъявленіе вамъ оного всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ ордена Святаго Александра Невскаго, знаки коего, при семъ препровождаемъ, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Мы удостоверены, что сіе Мошаршее благоволеніе Наше послужитъ вамъ ободреніемъ къ ишшимъ подвигамъ на приведеніе всѣхъ частей подвѣдомственнаго вамъ округа въ желаемое благосостояніе, наипаче же на укорененіе правилъ Христова ученія и Духа его въ учебномъ образованіи юношества, которое въ сихъ правилахъ токмо и познанияхъ найдетъ истинное для себя просвѣщеніе и благополучіе существенное и постоянное. Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Дано въ Санктпетербургѣ генваря 11 дня 1820 года. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано Александръ.

его тварямъ, а не умалишеннымъ. На что-же такъ отвергать дары Божіи—разумъ и волю—какъ будто Творецъ напрасно мнѣ ихъ даровалъ, вмѣсто того, чтобы сообразовать ихъ порядочно съ премудростію и благостію Божіими. Позвольте васъ спросить: избѣгая удовлетворенія своей воли, неужто для васъ пріятнѣе было бы, чтобы вамъ на старости сказали прямо—поди вонъ! Теперь Е(горъ) В(асильевичъ) Карнѣевъ (племянникъ Захарія Яковлевича)—здѣсь. Онъ хотѣлъ поразвѣдать прямо; и такъ ему предоставляю я и увѣдомить васъ искренно, что, кажется, уже хотить того, чтобы вы попросились прочь. Вы пишете: пока Богъ подкрѣпитъ изнемогающія ваши силы. Но чтожь, до упаду чтоль вамъ ждать? Силы ваши явно уже изнемогли, что и тамъ, и здѣсь примѣчаютъ. Да и какъ Е(гору) В(асильевичу) съ Ел.—й—Е.—ой сдѣлаться для васъ полезными иначе, какъ не такъ, чтобы вы къ нимъ, или они къ вамъ переселиться должны. Какъ не имѣть воли существу, назначенному даже быть причастникомъ Божіа естества, когда первый движитель къ тому есть воля. Спаситель не иначе дѣйствовалъ на недужныхъ, какъ по вопросу: хочещи-ли, вѣруещи-ли? Хотѣть существо безъ воли и вѣровать существо неразумное не можетъ. Я очень согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей, что много вреда христіанству причинили придуманныя людьми строгости и суровости. дѣлающія христіанство ужаснымъ и отвратительнымъ вмѣсто того, чтобы показать его съ пріятной стороны и облегчить путь его, превратить строготная въ гладкая. Гдѣжь повѣрка слову сему: иго мое благо и бремя легко есть?¹⁾ Лабзинъ, очевидно, не раздѣлялъ мнѣнія мистиковъ о вредѣ чловѣческаго разума и воли и далъ З. Я. Карнѣеву остроумную критику его теоріи „пассивной жизни“, которая не соответствовала, по мнѣнію Лабзина, духу христіанства. Заслуживаетъ также вниманія взглядъ Лабзина на христіанство, какъ на религію кротости и любви, взглядъ, котораго къ сожалѣнію не хотѣли признавать такіе дѣятели, какъ Магницкій, Руничъ и имъ подобные. Пассивность З. Я. Карнѣева вытекала, впрочемъ, не столько изъ мистической теоріи, сколько изъ его старческой дряхлости. Любопытное свидѣтельство объ этой послѣдней сообщаетъ намъ другой племянникъ его Степанъ Васильевичъ Карнѣевъ, помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ. Въ своей жалобѣ министру (1819 г.) на учителя французскаго языка Коваленкова, (того самаго, воспитанника котораго воспѣвали въ стихахъ Библейское общество), содержавшаго пансіонъ, въ которомъ умеръ отъ худого содержанія одинъ изъ его сыновей, онъ пишетъ: „воспитывалъ я ихъ (дѣтей)

¹⁾ Рус. Архивъ. 1892 г., № 12, стр. 363—364.

прежде при Харьковской гимназіи, нанимая достойныхъ инспекторовъ и содержа дѣтей при инспекторахъ на квартирѣ и по задачѣ уроковъ отъ гимназическихъ учителей, дѣти мои всегда учились съ усердіемъ и были здоровы. Но къ величайшему моему несчастію и вѣчной моей печали, дядя мой родной, тайный совѣтникъ и кавалеръ Захаръ Яковлевичъ Кариѣвъ опредѣленъ Высочайше Харьковского университета попечителемъ и по его собственному желанію я согласился отдать ихъ въ пансіонъ: увѣрилъ меня дядя мой въ содержаніи и присмотрѣ, что и должно мнѣ безъ сѣмѣнія полагаться, и даже не позволилъ мнѣ не брать ни къ какому празднику дѣтей домой“. Сказавъ о смерти сына отъ сырости въ подвальномъ помѣщеніи, племянникъ продолжаетъ: „я же полагался на дядю своего Кариѣва, но дядя мой въ Харьковѣ бывалъ рѣдко, старъ, слабъ, и повидимому его не уважаютъ, что внуковъ его заперли на цѣлую зиму и даже старшій до сего времени находится въ погребу... И конечно дядюшка Захаръ Яковлевичъ, по старости своихъ лѣтъ и по забывчивости, не вздумалъ посмотрѣть житье дѣтей моихъ, и все это было отъ дяди пропущено“... З. Я. Кариѣвъ przeprowadилъ конію этой жалобы въ университетъ для производства слѣдствія“. ¹⁾ Такимъ образомъ, хотя З. Я. Кариѣвъ и выхлопоталъ себѣ квартиру въ Харьковѣ, но проживалъ по большей части въ своей деревнѣ Захарьевскомъ. Любопытныя свѣдѣнія о жизни его тамъ сообщаетъ современникъ. „Отъ 1815 до 1818 г., говоритъ онъ, я съ семействомъ своимъ прожилъ въ Харьковѣ, славившемся своимъ университетомъ; по лѣтамъ своимъ я правда не могъ еще быть студентомъ, но при средствахъ, какія представлялъ университетскій городъ, могъ очень легко къ тому готовиться. Намѣреніе моихъ родителей было остаться въ Харьковѣ и долѣе, во время всего будущаго моего студенческаго курса, въ концѣ котораго имъ видѣлось уже и докторское званіе; тогда еще такъ скоро достававшееся; но по совѣту одного приватнаго и опытнаго въ этомъ дѣлѣ судьи, они рѣшились въ 1818 году перемѣнить для меня Харьковский университетъ на только что открывшійся тогда въ Петербургѣ пансіонъ при педагогическомъ институтѣ, переименовавшійся впоследствии въ университетскій пансіонъ. Этотъ въ глазахъ моихъ родителей призванный и опытный судья въ дѣлѣ воспитанія былъ *Захаръ Яковлевичъ Кариѣвъ*, назначенный, при князѣ А. Н. Голицынѣ, попечителемъ Харьковского учебнаго округа, старинный другъ нашего дома. Онъ самъ былъ писателемъ и въ моей библіотекѣ хранится до сихъ поръ нѣсколько подаренныхъ имъ брошюръ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр 210—211.

своего сочиненія, какъ то: „Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры“, „О пользѣ чтенія священнаго писанія“ и проч. ¹⁾ Онъ былъ холостъ, пожилыхъ лѣтъ и всего себя посвятилъ благочестію. Это благочестіе старался онъ возбудить во всѣхъ ему близкихъ и особенно вкоренять въ юнѣшествахъ, вѣренномъ его начальству. Паче всего требовалъ онъ отъ студентовъ, чтобъ они прилежно ходили въ церковь, чтили праздники, соблюдали посты и непремѣнно говѣли хоть разъ въ годъ. Упомянутыя выше книжки раздавалъ онъ, гдѣ и кому могъ. Я живо помню этого почтеннаго старца, котораго, не смотря на лѣта, можно было еще назвать красавцемъ, высокаго, прямого, стройнаго съ прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ. По наружности онъ имѣлъ большое сходство съ покойнымъ И. И. Дмитріевымъ. Особенно не забуду лѣтней поѣздки нашей въ его деревню, лежавшую верстахъ во ста на югъ отъ Харькова. Эта поѣздка составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моего дѣтства. Захаръ Яковлевичъ выстроилъ себѣ въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ великолѣпный домъ и окружилъ его огромнымъ англійскимъ садомъ. Такого сада и особенно такихъ чертоговъ я до того времени еще не видывалъ. За исключеніемъ немногихъ казенныхъ зданій въ тогдашнемъ Харьковѣ, почти единственнымъ видѣннымъ мною городѣ, не было ни одного частнаго дома, который могъ бы хоть сколько нибудь сравниться какъ по величинѣ и архитектурѣ, такъ и по внутреннему убранству съ „сельской хижинѣю“ Захара Яковлевича; еще нигдѣ не встрѣчалъ я столько самыхъ затѣйливыхъ столовыхъ часовъ, столько бронзы, картинъ и статуй. О величинѣ дома и говорить нечего; было гдѣ мнѣ побѣгать въ дурную погоду. Впрочемъ на мое счастье погода стояла чудесная почти во все время пребыванія у гостепріимнаго хозяина, мы ею и пользовались. По утру послѣ сытнаго завтрака отправлялись ходить по саду, расположенному по пригоркамъ и содержавшемуся въ отличномъ порядкѣ. Въ одномъ мѣстѣ, въ затишьи, на южномъ склонѣ холма, росъ даже виноградъ. Помню, какъ удивилъ меня видъ рѣдющаго винограда на открытомъ воздухѣ. Рѣдко, но ходили мы и по полямъ, и по деревнѣ. Тутъ также въ первый разъ въ жизни поразилъ меня страннымъ образомъ рѣзкій контрастъ между крестьянскими хатами и великолѣпными хорами помѣщика. Эти представлялись мнѣ словно тучнымъ быкомъ посреди стада смиренныхъ овецъ. Отдохнувъ послѣ обильнаго и тов-

¹⁾ Ему приписываются также помѣченныя инициалами К. З. сочиненія: — 1) Мысли излившіяся при чтеніи молитвы Господней: Отче нашъ, С.-Пб. 1814 г. и 2) Мои понятія о символѣ вѣры. С.-Пб. 1814 г. (Энциклопед. словарь, Брокгауза и Ефрона, 28-й полутомъ, стр. 569).

каго обѣда, мы опять отправлялись въ садъ, пока смеркалось. Тогда сходились мы, и хозяинъ и гости, то въ его богатый кабинетъ, то въ одну изъ гостинныхъ, гдѣ, за чашкой чая или за вечернимъ десертомъ, благочестивый мудрецъ посвящалъ взрослыхъ въ таинства слова Божія, объяснялъ апокалипсисъ или рассказывалъ про попа Іоанна, будто до сихъ поръ странствующаго по Азіи. Перваго я не понималъ, но рассказы о попѣ Іоаннѣ, о чудесахъ магнетизма и тому подобномъ сильно волновали мое дѣтское воображеніе и глубоко врѣзались въ моей памяти¹⁾. И такъ „благочестивый мудрецъ“ устроился въ своей „сельской хижинѣ“ очень комфортабельно: создалъ себѣ въ огромномъ домѣ пышную роскошную обстановку, любилъ поѣсть и хорошо угостить другихъ, жилъ открыто, раздавалъ свои душеспасительныя брошюры и проповѣдывалъ таинства апокалипсиса и магнетизма; крѣпостные же крестьяне сельца Захарьевскаго изображали скромныхъ овечекъ, у которыхъ постоянно подстригали шерсть... Создавъ себѣ такую уютную жизненную обстановку и не будучи внутренне связанъ съ тѣмъ дѣломъ, за которое ему пришлось взяться на склонѣ своихъ дней, З. Я. Кариѣвъ, естественно, рѣшилъ отдохнуть и выйти въ отставку. Но и на этотъ разъ, подобно тому какъ и прежде, когда ему предложень былъ постъ попечителя, онъ рѣшился предварительно обставить возможно лучше въ матеріальномъ отношеніи какъ себя, такъ и своего вѣрнаго слугу секретаря Подвысоцкаго: для этого послѣдній онъ хотѣлъ ввести въ Харьковскѣмъ университетѣ должность *директора*, и преобразовать университетъ по инструкціи Магницкаго. Къ счастью, эта мѣра не была одобрена высшимъ начальствомъ, и З. Я. Кариѣвъ, по обстоятельствамъ отъ него независимымъ, не могъ оказать этой послѣдней „услуги“ Харьковскому университету, оставить духовное наслѣдіе послѣ себя въ образѣ любимаго секретаря; но за то онъ самъ выбралъ себѣ преемника и продолжателя въ лицѣ родного племянника Егора Васильевича Кариѣва, переводчика знаменитой „книги Дютуа“. Спрашивается: можно ли послѣ этого, говоря о З. Я. Кариѣвѣ, не вспоминать о Магницкомъ? Вотъ послѣднее письмо З. Я. Кариѣва къ министру, заключающее его собственное сознаніе, что университетскія дѣла не были приведены имъ въ блестящее состояніе и что для нихъ нуженъ былъ харьковскій Магницкій.

„Часть отъ часу съ приближеніемъ глубокой старости чувствуя умноженіе слабости душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, а именно: частое

¹⁾ Иванъ Филипповичъ Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій писатель. Изъ воспоминаній обыкновеннаго человѣка. Л. (Соврем. 1847 г. т. I, ч. 1-я).

круженіе головы, боль въ груди и совершенное притупленіе зрѣнія, никакъ не въ состояніи съ соотвѣтственною званію моему дѣятельностью управлять обширнымъ округомъ Харьковскаго университета и прочими особливо вѣренными мнѣ частями и потому, ссылаясь на Всемилостивѣйшее Государя Императора позволеніе, сообщенное вами мнѣ въ письмѣ отъ 9 ноября прошедшаго года, осмѣливаюсь приложить у сего на имя Его Величества всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи меня отъ сей должности и покорнѣйше прошу поднести его Государю Императору. При исходатайствованіи этого увольненія усерднѣйше просилъ бы я, ваше сіятельство, ходатайствовать и объ опредѣленіи на мое мѣсто племянника моего Егора Васильевича Карнѣева, такъ какъ въ томъ-же письмѣ отъ 9 ноября мнѣ и ему вы то обѣщать изволили. Въ разсужденіи разстроеннаго моего состоянія отъ продолжающагося здѣсь трехлѣтняго неурожаа, такъ какъ малую мою деревню, состоящую въ 200 душахъ, долженъ былъ я кормить отъ своего пенсіона, нужно мнѣ на старости подкрѣпленіе, почему и осмѣливался бы просить ваше сіятельство объ исходатайствованіи у Государя Императора, чтобы столовые 3600 руб. оставлены были мнѣ по смерти въ прибавку къ прежнему пенсіону 6000 руб. Не могу при этомъ случаѣ не отдать справедливости сотруднику моему старшему письмоводителю вад. сов. Подвысоцкому, котораго честность, духъ истиннаго христіанства и неунынности по дѣламъ службы облегчали во все время тяжкіе труды моего званія и который по бѣдности своей, не имѣя ничего кромѣ жалованья, заслуживаетъ вниманіе начальства. Почему и просилъ бы я всепокорнѣйше ваше сіятельство исходатайствовать ему въ пенсіонъ нынѣ получаемое имъ жалованье изъ канцелярской суммы 1500 р., которыми могъ бы онъ пользоваться и впредь сверхъ получаемаго по мѣсту жалованья, сколько въ награду понесенныхъ имъ при мнѣ трудовъ, столько и въ поощреніе къ свободнѣйшему продолженію впередъ службы, къ которой онъ, особливо по ученой части, великую имѣетъ способность и обширное знаніе. Сверхъ того, сколько изъ опыта я узналъ и вашему сіятельству изъ представленій моихъ извѣстно, весьма запутана по университету часть хозяйственная и слаба часть правительственная, ибо хотя г. ректоръ Джунковскій самыхъ христіанскихъ и честныхъ правилъ и неуныненъ, но и преподавая лекціи, и присутствуя въ совѣтѣ, правленіи, училищномъ и строительномъ комитетахъ, не имѣетъ времени входить поглубже въ хозяйственную и правительственную часть, да и всѣ гг. профессора, присутствующіе съ нимъ, хотя и весьма честные и христіанскихъ правилъ, но, занимаясь прилежно своими частями, не сдѣлали

привычки къ дѣламъ по правленію и потому попадаютъ безъ намѣренія въ ошибки. Почему обязанностью нахожу въ откровенности доложить вашему сіятельству, что для введенія совершеннаго порядка и наблюденія точности по всѣмъ частямъ нужно Харьковскому университету дать директора и преобразить все по инструкціямъ Казанскаго университета, на что, если угодно будетъ вашему сіятельству рѣшиться, то въ званіе сіе нахожу я весьма способнымъ над. сов. Подвысоцкаго, сколько по совершенной извѣстности ему университета и всего учебнаго его обруга, столько и по способности его къ дѣламъ и обработыванію ихъ, въ какомъ случаѣ прошу покорнѣйше ваше сіятельство обратить на него милостивое ваше вниманіе. Все это предавая благоусмотрѣнію вашего сіятельства и благодарѣтельному вашему по просьбамъ моимъ ходатайству, ожидать буду успокоенія, въ которомъ я могъ бы всею душою предаться вожденію Духа Божія и внутренне непрестанно молиться объ отцѣ отчества и о васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Захаръ Карѣевъ. Харьковъ, 1822 мая 31⁴ 1). Всѣ желанія З. Я. Карѣева были исполнены, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма къ нему кн. А. Н. Голицына 2).

Представивъ богатый фактическій матеріалъ о попечительствѣ З. Я. Карѣева, мы можемъ на основаніи его высказать заключеніе, что оно не принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ страницъ въ исторіи Харьковскаго университета: если даже допустить, что онъ дѣйствовалъ искренно, все-же придется сознаться, что результаты его дѣятельности были болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя: все свое

1) Архивъ Мин. Нар. Просв. № 22436/196.

2) Вотъ содержаніе его: „согласно съ желаніемъ вашего превосходительства объ увольненіи васъ по слабости здоровья вашего и преклоннымъ лѣтамъ вовсе отъ службы, докладывалъ я Государю Императору. Его Величество, снисходя на просьбу вашу, всемилостивѣе соизволилъ на таковое увольненіе ваше съ обращеніемъ вамъ въ пенсію столовыхъ денегъ по званію попечителя 3600 руб. въ годъ сверхъ получаемой уже вами пенсіи по 6000 въ годъ. На мѣсто ваше благоугодно было Его Величеству опредѣлить племянника вашего Егора Васильевича Карѣева... Сколько съ одной стороны прискорбно для меня лишиться пріятныхъ сношеній съ вами по службѣ, столько съ другой радуюсь, что снѣ исполнилось желаніе ваше, тѣмъ паче, что и на мѣсто ваше опредѣленъ такой чиновникъ, отъ котораго я ожидаю продолженія столь-же благонамѣреннаго усердія и христіанскихъ побужденій въ управленіи учебнымъ округомъ, таковыя мнѣ пріятно было видѣть и при васъ. Касательно рекомендованнаго вами писемоводителя вашего надворнаго совѣтника Подвысоцкаго, то и о немъ, согласно представленію вашему, послѣдовалъ Высочайшій указъ, съ коего прилагаю также копію для вашего свѣдѣнія. 28 іюля 1822 г. (Рус. архивъ, 1893 г., № 5, стр. 134).

вниманіе и весь остатокъ своихъ слабыхъ силъ онъ посвятилъ религіозно - нравственному перевоспитанію учащихся и учащихся, но такъ какъ рассчитывалъ достигъ этого внѣшними мѣрами и начальственными распоряженіями, то въ результатѣ явилось не искреннее благочестіе, а лицемеріе и ханжество; прикрываясь ими, у власти стали теперь худшіе элементы профессорской коллегіи; умственный и нравственный уровень этой послѣдней не только не повысился, а наоборотъ понизился. Особенно печальныя послѣдствія должно было имѣть изгнаніе Т. Ѳ. Осиповскаго, приче́мъ вина этого изгнанія падаетъ исключительно на попечителя, который не любилъ независимыхъ людей и оказывалъ явное покровительство такимъ лицамъ, которые его не заслуживали, но заискивали въ немъ самомъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить эпизодъ съ адъюнктомъ хирургіи Колумной-Вигурой. Ему покровительствовалъ З. Я. Карвѣевъ и выхлопоталъ должность экстраординарнаго профессора, несмотря на явное противодѣйствіе медицинскаго факультета и совѣта, считавшихъ его недостойнымъ профессуры. Еще въ 1815 г. этотъ адъюнктъ отправился въ отпускъ въ г. Бердичевъ и оставался тамъ долгое время безъ уважительныхъ причинъ, не давая даже себѣ труда сообщить университету о причинахъ своей неявки на службу, такъ что правленіе должно было запрашивать объ этомъ городскую полицію и просить ее представить свидѣтельство о состояніи его здоровья. Самъ министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій вынужденъ былъ въ концѣ концовъ обратиться къ управляющему министерствомъ полиціи съ просьбою, чтобы тотъ приказалъ мѣстной Бердической полиціи побудить Вигуру къ немедленному выѣзду въ Харьковъ, такъ какъ онъ былъ изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ и потому обязанъ былъ прослужить известное число лѣтъ на казенной службѣ. Съ него взята была подписка, что нигдѣ по пути изъ Бердичева въ Харьковъ не будетъ останавливаться. Но выѣхавъ изъ Бердичева 21-го мая, Колумна-Вигура умудрился попасть въ Харьковъ только 5-го октября. Между прочимъ, въ силу сдѣланныхъ полицейскихъ распоряженій, его *открыли* въ Полтавѣ, гдѣ онъ устроилъ себѣ длинную остановку, и взяли новую подписку о немедленномъ выѣздѣ оттуда въ Харьковъ, куда, очевидно, ему очень не хотѣлось ѣхать; впрочемъ онъ представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни, постигшей его въ г. Миргородѣ Полтавской губерніи. Министръ народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынъ, основываясь на существующихъ узаконеніяхъ, отказалъ Вигурѣ въ выдачѣ жалованья за время его отсутствія изъ Харькова. Этотъ отъѣздъ Вигуры изъ Харькова, можетъ быть, находился въ связи съ неутвержденіемъ

его въ должности экстраординарнаго профессора: совѣтъ избралъ его на эту должность въ началѣ 1815 года, но министръ нашелъ, что онъ недавно только изъ студентовъ былъ произведенъ въ адъюнкты и въ этомъ послѣднемъ званіи долженъ еще оставаться нѣкоторое время. Въ 1817 году представитель каѳедры хирургіи проф. Шумлянскій вышелъ въ отставку—и попечитель округа З. Я. Карнѣевъ предложилъ ректору Осиповскому въ устной бесѣдѣ поручить преподаваніе по ней временно до назначенія профессора адъюнкту Вигурѣ. Ректоръ, однако, на это повидимому не согласился. Тогда З. Я. Карнѣевъ далъ ему въ такомъ смыслѣ 16 октября 1817 г. письменное приказаніе. Но еще раньше медицинскій факультетъ, разсмотрѣвъ вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры хирургіи, постановилъ поручить чтеніе по ней теоретическихъ лекцій проф. Ванноти, а веденіе клиники проф. Книгину, адъюнкта же Вигуру призвать неспособнымъ къ занятію этой каѳедры и рѣшилъ оставить его въ прежней должности и при прежнихъ обязанностяхъ; совѣтъ утвердилъ это постановленіе и представилъ его 19-го октября попечителю. Попечитель отвѣтилъ, что онъ „поставилъ въ обязанность совѣту“ поручить временно каѳедру хирургіи Вигурѣ, который еще въ 1815 г. былъ избранъ совѣтомъ въ экстраординарные профессора: здѣсь, писалъ попечитель, очевидное противорѣчіе, свидѣтельствующее о какомъ-нибудь злоупотребленіи. Въ виду этого попечитель предписывалъ совѣту въ первомъ же засѣданіи его, отнюдь не откладывая на второе, потребовать отъ членовъ медицинскаго факультета объясненія, на какомъ основаніи теперь они считают Колумну-Вигуру неспособнымъ къ отправленію вышеуказанной должности и немедленно донести ему, ибо ни одинъ факультетъ не имѣетъ права высказывать бездоказательныхъ сужденій на счетъ своихъ членовъ и его заключенія подлежатъ еще строгому разсмотрѣнію начальства, которое обязано за всѣмъ имѣть бдительный надзоръ. Медицинскій факультетъ, дабы не задерживать отвѣта попечителю, собрался по случаю болѣзни проф. Дрейсига на его частной квартирѣ и далъ слѣдующее заключеніе: деканъ факультета проф. Книгинъ и директоръ клиники проф. Дрейсигъ свидѣтельствовали о нерадѣніи Колумны-Вигуры въ посѣщеніи хирургической клиники; члены медицинскаго факультета объявили, что онъ небрежно исполнялъ свои обязанности секретаря факультета (рѣдко бывалъ въ засѣданіяхъ его), такъ что деканъ вынужденъ былъ исполнять его обязанности, чтобы не произошло задержки въ дѣлахъ—объ этомъ многократно сообщалось ректору; такую же неаккуратность и незнаніе онъ обнаружилъ въ порученномъ ему медицинскимъ факультетомъ лѣченіи

морского офицера Скарабелли, у котораго была констатирована каменная болѣзнь, а онъ не нашелъ камней, извлеченныхъ впослѣдствіи операторомъ Венедиктовымъ въ Тулѣ. Такимъ образомъ, онъ совершенно не годится для занятія кафедрой хирургіи, требующей лица, обладающаго глубокими познаніями, опытностью, трудолюбіемъ и извѣстностью. Въ отвѣтъ на это попечитель написалъ, что его не удовлетворилъ протоколъ медицинскаго факультета, ибо онъ преимущественно говоритъ о нерадивомъ исполненіи имъ должности секретаря, при чемъ неизвѣстно, обращалъ ли факультетъ на это обстоятельство вниманіе начальства. Во всякомъ случаѣ теперь онъ, попечитель, поручаетъ ректору наблюдать за преподаваніемъ Вигуры и доносить ему объ этомъ каждый мѣсяцъ; съ своей же стороны онъ надѣется, что Колумна-Вигура хорошимъ преподаваніемъ порученныхъ ему лекцій заслужитъ на дѣлѣ довѣріе и отъ членовъ медицинскаго факультета. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель вошелъ съ представленіемъ въ министерство объ утвержденіи Вигуры временнымъ преподавателемъ по хирургіи—и получилъ такое утвержденіе. Черезъ годъ, въ 1818 г., попечитель сдѣлалъ представленіе о назначеніи Колумны-Вигуры экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ хирургіи, при чемъ сослался на избраніе его въ эту должность совѣтомъ университета въ 1815 г. Министръ согласился съ этимъ представленіемъ, но и въ этой должности Колумна-Вигура оставался недолго—до начала 1821 года, когда самъ попросилъ увольненія отъ службы, ссылаясь на то, что, вслѣдствіе двукратнаго вывиха лѣвой руки, у него часто бываютъ сильныя боли, которыя заставляютъ его не выходить изъ дому и дѣлать упущенія по службѣ. Отставка была ему дана. Таковы официальные свидѣтельства документовъ. Изъ нихъ видно, что попечитель явно покровительствовалъ Колумнѣ-Вигурѣ и сдѣлалъ его, вопреки желанію медицинскаго факультета и совѣта, экстраординарнымъ профессоромъ. Въ основѣ же этого покровительства лежало личное знакомство его съ Колумной-Вигурой. Современникъ, извѣстія котораго мы приводили раньше, говоритъ слѣдующее. „Съ нами вмѣстѣ пріѣзжалъ въ деревню Захара Яковлевича герой другого романа. Это былъ одинъ молодой врачъ, нашъ домовый лекарь, незадолго передъ тѣмъ переведенный изъ Петербургской Академіи, гдѣ учился, адъюнктомъ медицины въ Харьковскій университетъ. Его португальская фамилія и прекрасное нѣжное лицо придавали ему что-то поэтическое. *Попечитель отличалъ его*, и онъ своими знаніями и *покровительствомъ начальника* легко могъ пріобрѣсти въ Харьковѣ большую практику и видное мѣсто. „Но онъ влюбился въ одну дѣвушку и, получивъ отказъ, „спился съ кругу и за дурное поведеніе переведенъ

былъ изъ университета, гдѣ ожидала его кафедра ординарнаго профессора, уѣзднымъ лекаремъ въ какой то отдаленный городишко“¹⁾.

Преемникомъ З. Я. Карѣева на попечительскомъ посту былъ его племянникъ *Егоръ Васильевичъ Карѣевъ*, управлявшій округомъ съ 26 іюля 1822 по 3-е мая 1825 года. „Егоръ Васильевичъ родился въ 1773 году, учился въ Харьковѣ (въ Коллегіумѣ) и въ Московскомъ университетѣ, служилъ въ военной службѣ подъ начальствомъ Реннива и Ласси, въ 1800 году перешелъ въ гражданскую службу и въ 1809 назначенъ управляющимъ главнымъ управленіемъ мануфактуръ, потомъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Въ 1816 году переведенъ въ Москву председателемъ комитета для снабженія войскъ сукнами. Съ 1822 по 1825 г. былъ онъ попечителемъ Харьковского университета, потомъ назначенъ членомъ совѣта министерства финансовъ и управляющимъ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и горнымъ кадетскимъ корпусомъ, а въ 1831 г. переведенъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ генералъ лейтенантомъ. Съ 1837 года присутствовалъ въ сенатѣ. Умеръ 17 января 1849 года. Ему принадлежатъ переводы слѣдующихъ трудовъ: 1) Приключенія Бониквеста, сына Целестинава, обитателя счастливыя страны Интры, М. 1800; 2) Духъ законовъ Монтескье, 3 части, С.-Пб. 1839 и 2-е изд. С.-Пб. 1862 г. 3) Творенія Тертуллиана. изд. 2-е, 2 части. С.-Пб. 1849—1850. 4) Творенія Лактанція. 2 части. С.-Пб. 1848. 5) Божественная философія (Дютуа) 6 частей. М. 1818—1819 г. 6) Священныя писанія древняго Сіона, переложенныя въ стихи. С.-Пб. 1846 г.“²⁾.

Изъ этихъ краткихъ данныхъ видно, что Е. В. Карѣевъ получилъ хорошее образованіе и зналъ основательно французскій и латинскій языки. Но вся его служба (военная и гражданская) до 1822 года мало подготовила его къ обязанностямъ попечителя—и онъ скоро оставилъ эту должность, чтобы снова вернуться къ прежней дѣятельности по министерству финансовъ. Онъ былъ мистикъ и состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія извѣстнымъ мистикомъ Поповымъ, а также Лабзинымъ и своимъ дядюшкой Захаріемъ Яковлевичемъ. Изданная имъ книга Дютуа достаточно характеризуетъ и его самого съ этой стороны; если же припомнимъ, что она была напечатана на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, тогда поймемъ, почему онъ получилъ назна-

¹⁾ Современникъ 1847 г., т. I, ч. 1-я.

²⁾ Генвади. Справочный Словарь, т. 2-й, стр. 118, со ссылкой на некрологъ его Эльбана въ 198—199 № „Петербург. Вѣд.“ 1849 г.

ченіе на постъ попечителя въ министерство кн. А. Н. Голицына и долженъ былъ оставить свою должность при Шишковѣ. Очень настойчиво рекомендовалъ его въ свои преемники З. Я. Каряевъ—и его просьба, наконецъ, была уважена министромъ. Предполагалось, конечно, что Е. В. Каряевъ будетъ дѣйствовать въ духѣ и направленіи З. Я. Каряева.

И Егоръ Васильевичъ, подобно Захарію Яковлевичу, старался, при назначеніи своемъ на постъ попечителя, обставить себя возможно лучше въ матеріальномъ отношеніи. Такъ, директору департамента Василю Михайловичу Попову онъ писалъ 13 іюля 1822 года. „На почтенное письмо вашего превосходительства отъ 16 сего іюня честь имѣю отвѣтствовать, что по мѣсту предсѣдателя комитета снабженія войскъ суммами получаю я одно только жалованье, положенное по штату—3000 р., да лично мнѣ производится изъ суммъ мануфактурнаго департамента столовыхъ тоже 3000 руб., итого—6000 руб. Сверхъ того по вновь состоявшимся для комитета правиламъ собирается съ неисправныхъ поставщиковъ извѣстная штрафная сумма, изъ коей часть велѣно выдавать въ награду чиновникамъ, на какомъ основаніи и выдано мнѣ въ прошломъ году 6000 руб.; вотъ все то, чѣмъ я по комитету пользуюсь; кромѣ же этого имѣю еще въ Москвѣ казенную квартиру“. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу онъ пишетъ. „Сейчасъ я видѣлся съ княземъ Александромъ Николаевичемъ и объяснялся на счетъ комитетскаго моего содержанія, о которомъ теперь же и пишу особо къ вашему превосходительству, причѣмъ просилъ и о выдачѣ какой-либо суммы на подъемъ. Его сіятельство объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ повелѣлъ перемѣстить меня съ назначеніемъ того оклада, какой я по нынѣшнему мѣсту получаю. Окладъ этотъ, конечно, состоитъ опредѣлительно изъ 6000 р., но по комитету, какъ изъ письма моего увидите, есть еще и неопредѣлительные нѣкоторые доходы изъ штрафной суммы. Безмѣрно бы меня обязать изволили, ежели бы исходатайствовали въ прибавку къ 6000 руб. положенные для попечителя столовые деньги 3500 руб. По истинѣ я нахожусь крайне въ стѣснительномъ положеніи. Я никогда не имѣлъ отъ казны никакого значущаго пособія: много прожилъ изъ женина имѣнія и для меня всякое подкрѣпленіе въ содержаніи весьма важно. Я не смѣлъ беспокоить на этотъ счетъ кн. Александра Николаевича, да признаться вамъ, какъ истинному моему другу, что въ подобныхъ случаяхъ всегда языкъ мой прилипаетъ къ гортани. Ежели можно, окажите мнѣ, почтеннѣйшій Василю Михайловичъ, благотѣльное ваше по сему предмету пособіе; а ежели нельзя, то да будетъ власть Божія, коей всегда безпрекословно я повинуюсь“.

Е. Кари́еву назначено было 3000 р. жалованья и 6000 р. столовыхъ. 30 августа 1822 года онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ просилъ его исхлопотать общанную награду отъ министра финансовъ. 2000 руб. онъ вскорѣ получилъ отъ своего министерства на поѣздку по округу. При назначеніи ему была дана министромъ инструкція слѣдующаго содержанія. „Препроводивъ къ вашему превосходительству указъ правительствующаго сената о бытіи вамъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и предложивъ о вступленіи въ дѣйствительное отправленіе должности по этому званію, нужнымъ считаю обратить прежде всего вниманіе ваше на слѣдующіе предметы.

Во-1-ю, нынѣшнее совершенно разстроенное состояніе Рижскаго лицея, по которому надлежало перемѣнить директора и, пересмотрѣвъ прежній уставъ, оказавшійся крайне недостаточнымъ, составить новый, требуетъ особаго и скорого изысканія способовъ вывести его изъ настоящаго бѣдственнаго неустройства. Я полагаю, что вамъ нужно будетъ прежде всего заняться ближайшимъ образомъ этимъ важнымъ учебнымъ заведеніемъ и для того посѣтить его лично, дабы на самомъ мѣстѣ узнать, какъ и чѣмъ поддержать на сей разъ отъ конечнаго упадка, по неимѣнію въ лицѣ суммъ къ содержанію его, а притомъ и разсмотрѣть всѣ обстоятельства и точныя причины разстройства его. Въ особенноти нужно будетъ счесть лицей въ употребленныхъ имъ доселѣ денежныхъ суммахъ и накопленныхъ долгахъ и для этого можно будетъ учредить особый комитетъ изъ чиновниковъ, довѣрія заслуживающихъ. Для оказанія вамъ въ томъ нужнаго по мѣрѣ надобности пособія, когда вы то сочтете нужнымъ, пишу я къ Одесскому градоначальнику.

Во-2-ю, такъ какъ для Рижскаго лицея, вслѣдствіе исходатайствованнаго мною Высочайшаго повелѣнія, составляется новый уставъ, то, препровождая при этомъ его проекты, поручаю вамъ войти въ подробное соображеніе по осмотрѣ самого лицея на мѣстѣ и узнать подробно все то, что для него потребно. При этомъ нужнымъ нахожу поручить въ особенное вниманіе ваше замѣчанія, какія можетъ вамъ представить нынѣшній директоръ лицея г. надворный совѣтникъ Гейнлетъ, который похвальными качествами своими заслуживаетъ всякаго довѣрія и можетъ преимущественно употребленъ быть вами для содѣйствія къ приведенію лицея въ лучшее состояніе. Когда же составится вами другой проектъ устава, то при немъ возвратите и прежній съ вашими на все замѣчаніями.

Въ 3-хъ, нужно будетъ вашему превосходительству войти ближайшимъ образомъ въ разсмотрѣніе производящейся постройки зданій для Харьковскаго университета, ибо на это опредѣлена по докладу моему вслѣдствіе представленія предмѣстника вашего весьма значительная сумма и учреждена особая строительная коммиссія для производства дѣла хозяйственнымъ образомъ. Надлежитъ поэтому наблюсти, чтобы не было употреблено издержекъ сверхъ опредѣленной Высочайшимъ повелѣніемъ суммы и чтобы все произведено было въ дѣйствіе съ выгодой для казны и съ надлежащею прочностію.

Въ 4-хъ, разсмотрѣть и удостовѣриться въ точной надобности разныхъ сверхштатныхъ издержекъ по университету, простирающихся въ годъ до 30000 р. и употребляемыхъ изъ остатковъ штатной отъ другихъ статей суммы и въ томъ числѣ на канцелярію университета по 12000 руб. въ годъ, о коихъ мнѣ представлялъ прежній попечитель. Извѣстно, что изъ государственнаго казначейства по нынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма затруднительно испрашивать новыхъ пополненій къ штатамъ, а хозяйственная сумма Харьковскаго университета истощена на постройку зданій для него. По этимъ причинамъ нужно будетъ въ силу необходимости умѣрить расходы по университету и для того, препровождая къ вамъ прежнее по этому предмету представленіе, буду ожидать другого по вашимъ соображеніямъ.

Въ 5-хъ, отъ бывшаго попечителя представленъ мнѣ также новый штатъ университету. Такъ какъ онъ не могъ еще быть разсмотрѣнъ, то поручаю вашему превосходительству равнымъ образомъ и по вышесказаннымъ причинамъ сообразить его съ точною во всемъ и неизбѣжною надобностію и потомъ представить мнѣ на усмотрѣніе.

Въ 6-хъ, такъ какъ при поѣздкѣ вашей въ Одессу для обозрѣнія Ришельевскаго лицея можете вы осмотрѣть и другія части ввѣреннаго вамъ округа, то надобно вамъ будетъ дѣлать мнѣ представленія всякій разъ, въ какія именно губерніи округа вашего вы вамѣрены ѣхать, дабы соотвѣтственно съ тѣмъ могъ я доставлять вамъ на проѣздъ потребную сумму, что и нынѣ предоставляю вамъ учинить.

По приѣздѣ вашемъ въ Харьковъ, предоставляю вамъ избрать для жительства вашего съ семействомъ въ университетскомъ домѣ приличные покои, какіе для этого сами по удобству выберете. Объ опредѣленіи васъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа дано мною знати также и директорамъ Ришельевскаго лицея и гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородка, какъ заведеній, университету не подвѣдомыхъ, но состоящихъ въ непосредственной зависимости отъ попечителя Харьковскаго округа. Я предписалъ имъ поэтому, чтобы они представленія свои

дѣлали отнынѣ къ вамъ, вслѣдствіе чего и зависѣть отъ васъ будетъ дать имъ нынѣ же съ своей стороны предписанія о томъ, куда адресовать къ вамъ представленія ихъ“ ¹⁾).

И такъ, главное вниманіе по части университетскихъ дѣлъ новый попечитель долженъ былъ обратить на хозяйственную часть—позаботиться о возможныхъ *сокращеніяхъ* издержекъ; едва-ли, однако, это обстоятельство могло благопріятно отразиться на развитіи дѣятельности университета. Е. В. Кариѣвъ осмотрѣлъ университетъ и рисуетъ его положеніе въ официальномъ отчетѣ министру въ мрачныхъ чертахъ. Учебно-вспомогательныя учрежденія его были бѣдны и находились въ безпорядкѣ; учебная часть сильно хромала и требовала многихъ реформъ; дисциплина среди студентовъ также пала. Е. В. Кариѣвъ предложилъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были исправить существующіе недостатки. Основная тенденція ихъ заключалась въ желаніи приблизить университетъ, по его строю и порядкамъ, къ типу гимназій: сами профессора должны были слѣдить за посѣщеніемъ студентами лекцій, а надъ ними въ свою очередь устанавливался строжайшій контроль; такой же надзоръ попечитель хотѣлъ установить и за самымъ содержаніемъ и направленіемъ ихъ чтеній. „Имѣю честь, писалъ онъ министру, представить Вашему Сіятельству отчетъ объ осмотрѣнныхъ мною въ теченіи нынѣшняго года разныхъ заведенійхъ ввѣреннаго мнѣ Харьковскаго учебнаго округа, съ присовокупленіемъ съ моей стороны мѣръ или сдѣланныхъ предположеній къ лучшему образованію ихъ. Я начну съ самого университета и съ учрежденныхъ въ Харьковѣ училищъ, а потомъ обращусь къ иногороднымъ гимназіямъ, какія въ объѣздъ мой по округу мною обревизованы.

1-ое. Въ какомъ положеніи при вступленіи моемъ въ должность найденъ мною университетъ, о томъ донесъ я Вашему сіятельству еще 4-го ноября прошлаго 1822 года. Съ тѣхъ поръ, обращая прилежнѣйшее вниманіе на благоустройство университета, я не упустилъ ни одного случая лично замѣчать и исправлять нѣкоторые недостатки его.

а) Первое и важнѣйшее дѣло состояло въ лучшемъ призорѣ и упроченіи содержанія казеннокоштныхъ студентовъ, между коими за извѣстную плату живутъ и нѣсколько своекоштныхъ. Особое представленіе объ этомъ сдѣлано было отъ меня Вашему сіятельству съ самаго начала; но представленіе это встрѣтило затрудненія и такимъ образомъ студенты—питомцы остаются до сихъ поръ почти въ одномъ и томъ же положеніи, исключая нѣкоторыхъ только исправленій, особенно со

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 22436/496.

стороны надзора за ними, къ усугубленію коего въ помощь инспектору приданы два адъюнкта, обязанные смотрѣть также и за вольноприходящими съ квартирѣ студентами.—Объ устройствѣ вообще студентовъ при университетѣ я имѣю теперь другія предположенія, кои и представляются при особомъ моемъ донесеніи.

б) Что касается до библіотеки и кабинетовъ университетскихъ, то за приведеніемъ ихъ въ надлежащій порядокъ имѣлъ я неослабное наблюденіе, и въ слѣдствіе того библіотека, принятая г. ректоромъ Джунковскимъ изъ единого усердія къ службѣ въ непосредственное его вѣдѣніе, разобрана систематически. вся по предметамъ описана и алфавитный каталогъ ея уже печатается. Изъ кабинетовъ физическій и математическій находится въ порядкѣ. Минцъ—кабинетъ стараніемъ г.г. профессоровъ Дудровича и Кронеберга, по крайвей мѣрѣ всѣмъ и счетомъ, приведены въ извѣстность, всѣ монеты и медали разобраны по металламъ и въ такомъ порядкѣ подробно описаны. О дальнѣйшемъ устройствѣ этого кабинета предложилъ я вновь университету съ тѣмъ, чтобы назначенъ былъ особый для того профессоръ или адъюнктъ, на рукахъ коего и останется уже онъ навсегда. Технологическій кабинетъ, хотя и не важный, но оставался безъ описи по причинѣ отсутствія еще нужнаго для него помѣщенія. Я предложилъ университету сдѣлать немедленно означенную опись. Объ анатомическомъ кабинетѣ почти и упоминать нечего. Маловажные нѣкоторые препараты, сдѣланные здѣсь, не заслуживаютъ вниманія. Крайне бы нужно было приобрести гдѣ-либо коллекцію препаратовъ для этого кабинета при Харьковскомъ университетѣ, о чемъ не премину я войти съ особымъ представленіемъ. Остаются еще два кабинета—зоологическій и минералогическій, которые, не взирая на всѣ мои настоянія, не приведены въ систематическій порядокъ, равно какъ и надлежащаго имъ описанія не сдѣлано. Недавно предлагалъ я университету, чтобы онъ возложилъ на кого либо изъ надежнѣйшихъ профессоровъ освидѣтельствовать всѣ кабинеты, дабы узнать, какой успѣхъ имѣло до сихъ поръ данное мною еще въ концѣ прошлаго года на счетъ устройства ихъ предложеніе. По освидѣтельствованію оказалось, что эти два кабинета находятся почти въ томъ же положеніи, въ какомъ и прежде были. Виновниками же этого являются, повидимому, сами профессора, въ вѣдѣніи коихъ кабинеты находятся, именно г.г. Делавинъ и Тауберъ, изъ которыхъ первый по старости, а послѣдній по болѣзненнымъ припадкамъ, вѣроятно, не могли порядочно заняться этимъ дѣломъ. Вслѣдствіе чего я предложилъ нынѣ университету зоологическій кабинетъ передать лекарю Черняеву, который отправленъ въ чужіе края для усовершенствованія

въ ботаникѣ и зоологіи и скоро оттуда долженъ возвратиться; а между тѣмъ подтвердить Делавиню и сверхъ того поручить приспѣшнику Питрѣ сколько можно стараться о лучшемъ устройствѣ этого кабинета; минералогическій же кабинетъ вмѣсто г. Таубера отдать въ вѣдѣніе профессора химіи и металлургіи г. Сухомлинова, на коего возложить и приведеніе его въ должный порядокъ. При университетѣ существуетъ еще одно довольно важное заведеніе, а именно ботаническій садъ, наполненный множествомъ иностранныхъ растений и находящійся въ хорошемъ положеніи и устройствѣ. При немъ учрежденъ также обширный англійскій садъ. О томъ и о другомъ по недостатку суммы, на содержаніе ихъ ассигнованной, я войду съ особымъ представленіемъ.

с) Одно изъ важнѣйшихъ моихъ занятій состояло въ исправленіи недостатковъ по учебной части въ университетѣ. Недостатки эти замѣчены мною особенно при публичныхъ испытаніяхъ, бывшихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года, при которыхъ всегда я присутствовалъ. Курсъ каждой науки былъ раздробленъ на три года, отъ чего студенты должны были всегда учиться вообще всѣмъ предметамъ, коихъ такое множество, что не доставало времени пользоваться лекціями. Начиная съ семи часовъ утра, каждый почти проходилъ по девяти классовъ въ день, и потому, переменяя только классъ на классъ, не успѣвалъ выслушать одно, какъ долженъ былъ слушать уже другое. Тутъ никакой памяти уже не доставало, и всякое понятіе притуплялось. Между тѣмъ нѣкоторые главнѣйшіе предметы упущены были изъ виду; особенно изученіе языковъ, въ особенности латинскаго и русскаго, за недостаткомъ времени, оставалось въ пренебреженіи. Сверхъ того всѣ студенты вообще затруднились перепискою обширныхъ лекціонныхъ записокъ. При томъ за исправнымъ ходеніемъ ихъ въ классы не было должнаго надзора и взысканія; да и сами нѣкоторые профессора позволяли себѣ иногда безъ всякихъ причинъ въ классы не ходить, въ каковое время учащіеся привыкали къ празднолюбію и проч. Всѣ таковыя и подобныя имъ недостатки по учебной части вмѣнилъ я себѣ въ обязанность по окончаніи экзаменовъ поставить на видъ совѣту университета и требовалъ отъ него принятія немедленно мѣръ къ должному ихъ исправленію. Въ слѣдствіе чего совѣтъ имѣлъ нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій и въ присутствіи моемъ положилъ привести въ дѣйствіе слѣдующія распоряженія. 1-е) Курсъ ученія по каждой каѳедрѣ расположить насколько возможно на одинъ годъ, исключая нѣкоторыхъ немногихъ предметовъ, требующихъ большаго времени, и въ слѣдствіе того по силѣ § 116 устава производить ежегодно испытанія, такъ что въ случаѣ если кто не окажетъ надлежащихъ въ

какой либо наукѣ успѣховъ, тотъ могъ бы оставляемъ быть и на другой годъ для слушанія того же наставленія. 2-е) Ученіе въ классахъ расположить слѣдующимъ образомъ: профессоръ прежде всего повторяетъ предыдущую лекцію, дѣлая иногда и вопросы на этотъ счетъ студентамъ; потомъ, объяснивъ имъ новую статью, останавливается и спрашиваетъ ихъ, поняли ли ее, и такимъ образомъ продолжаетъ до окончанія класса. 3-е) Введенную нынѣ переписку профессорскихъ тетрадей допустить только на нынѣшній курсъ, впредь кто не имѣетъ книгъ для руководства по своей части, тѣмъ составить краткое энциклопедическое обозрѣніе всей науки, ими преподаваемой, съ достаточнымъ однако жъ объясненіемъ существа всего ученія и техническихъ терминовъ, каковыя обозрѣнія напечатать на счетъ университета съ назначеніемъ умѣренной за экземпляръ платы, которую каждый студентъ при вступленіи въ классъ обязанъ вносить, на что испросить разрѣшеніе высшаго начальства, о чемъ и вхожу я съ особымъ представленіемъ.—4-е) Каждому профессору завести въ своемъ классѣ переключку студентовъ, которую иногда и самому повѣрять; за нехождение же строго взыскивать, представляя даже и къ исключенію изъ университета.—5-е) Профессорамъ и адъюнктамъ, лекціи преподающимъ, ходить въ классы не упустительно; а буде кто иногда не можетъ придти, да и то единственно по болѣзни, тотъ обязанъ предупредить о томъ ректора; иначе же обо всякомъ своевольномъ отсутствіи записывать и записки эти ежемѣсячно доставлять ко мнѣ.—6-е) Дабы въ случаѣ отсутствія профессора студенты не гуляли, постановить за правило, чтобы всегда на сей случай наряжаемъ былъ къ нимъ по выбору г. ректора одинъ изъ кандидатовъ, который бы занималъ ихъ приличными упражненіями, буде можно по тому же предмету, какому учить профессоръ; на сей конецъ, по обширности нынѣ университетскихъ зданій, отвести въ нихъ квартиры нѣкоторымъ таковымъ кандидатамъ, хотя бы и своекоштнымъ. — 7-е) Обратитъ самоважнѣйшее вниманіе на изученіе языковъ и особенно руссійскаго и латинскаго, для которыхъ учредить по три класса съ тѣмъ, чтобы въ нихъ во все трехлѣтіе непрерывно учились всѣ безъ исключенія студенты изъ всѣхъ факультетовъ.—Изъ этихъ классовъ первые для первогоднихъ студентовъ поручить лучшимъ по выбору кандидатамъ или магистрамъ, кои хотя и не будутъ получать особаго за этотъ трудъ жалованья, но могутъ надѣяться на вниманіе начальства, вторые классы для второгоднихъ студентовъ возложить на адъюнктовъ, а третьи для третьегоднихъ студентовъ на профессоровъ. Во всѣхъ этихъ классахъ занимать студентовъ болѣе всего практикою, и особенно сочиненіями, такъ чтобы каждый къ экзамену

могъ представить порядочное разсужденіе, писанное ежели можно безъ поправокъ. Что же касается до прочихъ языковъ и особенно новѣйшихъ, то предоставляя на волю студентовъ учиться какому либо изъ нихъ, стараться, чтобы со временемъ и для этихъ языковъ учреждено было при университетѣ по крайней мѣрѣ по два класса. 8-е) Поощрять и возбуждать всѣхъ студентовъ, на сколько позволитъ время, заниматься болѣе прежняго искусствами и преимущественно рисованіемъ, для чего учредить по два постоянныхъ класса, какъ для рисованья, такъ для музыки и танцованья. 9-е) Кромѣ языковъ и искусствъ, кои могутъ почитаться общими для всѣхъ студентовъ науками, во все трехъ годичное пребываніе ихъ въ университетѣ, вмѣнить въ обязанность каждому безъ исключенія, какой бы кто факультетъ для себя не избралъ, пройти непременно одинъ разъ курсъ философіи и ученіе о богопознаніи, какъ важнѣйшіе и въ жизни, и въ службѣ предметы. 10-е) Уравненіе и распредѣленіе предметовъ ученія на каждый годъ для каждого вступающаго въ университетъ студента производить факультетамъ, въ какой кто поступилъ, которые о таковомъ своемъ назначеніи обязаны сообщить всѣмъ профессорамъ и учителямъ, съ показаніемъ часовъ и классовъ, чему кто учиться будетъ, включая въ то число и языки, и искусства. 11-е) При приѣмѣ въ студенты дѣлать имъ испытанія, не смотря на аттестаты, отъ гимназій полученные, и кто не выдержитъ экзамена, то за выдачу аттестатовъ недостойнымъ дѣлать гимназіямъ выговоры.

d) Постройка университетскихъ зданій также занимала меня въ теченіе всего нынѣшняго года безпрерывно. Она производилась вообще весьма успѣшно и противъ прежняго дешевле. Всѣ почти зданія, исключая обсерваторіи, у которой, какъ извѣстно, обрушилась одна стѣнка, должны кончены быть вчернѣ. Между прочимъ въ первоначальномъ планѣ зданій замѣтилъ я нѣкоторые недостатки по внутреннему расположенію, которое по сему и старался я при отдѣлкѣ нѣкоторыхъ корпусовъ, кои еще кончены не были, исправить. Сверхъ того предполагалось клинику и медицинскій вообще институтъ выстроить въ послѣдствіи особо, для чего купленъ былъ въ полуверстѣ отъ университета деревянный небольшой домъ съ мѣстомъ. Находя съ своей стороны, что таковая особая постройка стоила бы казны по предварительному исчисленію нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а при томъ, по причинѣ отдѣленія отъ университета одного этого факультета, она крайне была бы неудобна, я изыскивалъ всѣ возможные средства, какиѣ бы образомъ помѣстить и этотъ факультетъ въ самомъ университетѣ. Изысканія мои остались не тщетны. Я нашелъ, что если мнѣ

уступить назначенную для попечителя съ канцелярією и со службами квартиру, а кромѣ того выстроенную вдоль по валу на 39 саженихъ галерею обратить въ жилые покои, то для всѣхъ вообще университетскихъ заведеній, не исключая и медицинскаго, помѣщеніе будетъ достаточное. Объ этомъ предложено мною на разсужденіе университету и въ слѣдствіе того составлено особое обо всемъ этомъ донесеніе для представленія вашему сіятельству, которое съ одной стороны сбережетъ значительныя отъ казны издержки, а съ другой, соединяя всѣ заведенія въ одно мѣсто, послужитъ къ сугубой вообще пользѣ.

е) Обращая вниманіе на самый составъ университета въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, я замѣтилъ, что управленіе и самое благосостояніе его подвержены премногимъ затрудненіямъ и, такъ сказать не тверды въ самомъ основаніи своемъ. Важнѣйшіе начальники, каковы ректоръ, названный главою университета, и инспекторъ надъ студентами, избираясь попеременно изъ профессоровъ, занятыхъ своими учеными упражненіями, не имѣютъ ни времени, ни способовъ къ порядочному исправленію этихъ возлагаемыхъ на нихъ постороннихъ обязанностей; при томъ же, подвергаясь перемѣнѣ, не пользуются ни тою властію, ни тѣмъ уваженіемъ, какія начальству приличны.—Отсюда общее невниманіе къ ихъ настояніямъ и собственная ихъ уклончивость отъ всякой строгости. Сверхъ того недостатокъ по штату въ исполнительныхъ чиновникахъ и другія разныя неудобства ставятъ университетъ почти въ невозможность хорошо управлять обширными своими заведеніями не только по существу дѣла, но и по внѣшности. Имѣя все это въ виду и при томъ получивъ съ самаго начала предписаніе вашего сіятельства войти въ ближайшее разсмотрѣніе требованныхъ прежде дополнительныхъ къ настоящему штату университета суммъ, я соединилъ то и другое въ общій проектъ о лучшемъ устройствѣ всѣхъ частей университета, который и представляю при особомъ донесеніи на благоуваженіе вашего сіятельства ¹⁾а.

Вслѣдъ за своимъ отчетомъ Е. В. Карнѣевъ отправилъ въ министерство особое предложеніе объ изданіи для студентовъ краткихъ конспектовъ профессорскихъ чтеній. Въ своемъ представленіи онъ писалъ. „Между прочими предметами, принадлежащими къ исправленію учебной части въ Харьковскомъ университетѣ, обращая вниманіе на преподаваніе въ немъ лекцій, замѣтилъ я, что студенты слишкомъ много обременяются переноскою обширныхъ профессорскихъ тетрадей или записокъ и на это употребляютъ почти все свое свободное время. Желая

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. дѣло № 22687/499.

облегчить ихъ въ этомъ излишнемъ трудѣ, я предложилъ университету изыскать средства, не могутъ ли гг. профессора и адъюнкты сочинить краткихъ энциклопедическихъ обзорѣнй наукъ, ими преподаваемыхъ, и, напечатавъ таковыя обзорѣнія, выдавать ихъ студентамъ за извѣстную умѣренную плату. Совѣтъ университета на предложеніе это согласился съ тѣмъ, что кто не имѣетъ книгъ для руководства по своей части, тѣ составили бы означенныя энциклопедическія обзорѣнія въ теченіе настоящаго годового курса и къ концу его представили бы въ совѣтъ на разсмотрѣніе; но какъ никто почти изъ нихъ не имѣетъ способовъ къ напечатанію ихъ на свой счетъ, то испросить у высшаго начальства дозволеніе напечатать ихъ отъ казны изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Полагая съ своей стороны, что таковыя краткія обзорѣнія наукъ, въ университетѣ преподаваемыхъ, во многихъ отношеніяхъ весьма полезны, ибо, во 1-хъ, облегчать труды студентовъ, и безъ того много озабоченныхъ, во 2-хъ, не составлять важныхъ для нихъ издержекъ, и особенно, въ 3-хъ, изъяты должны быть отъ всякихъ излишнихъ сужденій, коими писанныя тетради инсгда наполняемы быть могутъ, я осмѣливаюсь испрашивать начальническаго разрѣшенія вашего сіятельства на слѣдующія по этому предмету мѣры: 1) подтвердить, чтобы гг. профессора и адъюнкты, не имѣющіе книгъ для руководства по своей части, благоволили къ концу нынѣшняго годового курса непременно сочинить и представить въ университетскій совѣтъ означенныя обзорѣнія или конспекты наукъ, но не иначе какъ съ достаточнымъ объясненіемъ существа всего ученія и техническихъ терминовъ; 2) совѣтъ по разсмотрѣніи и одобреніи ихъ не преминетъ распорядиться, чтобы они немедленно были напечатаны на счетъ казны изъ хозяйственныхъ суммъ университета; 3) всѣмъ таковымъ печатнымъ обзорѣніямъ должна постановлена быть умѣренная цѣна, возвращающая только казенныя издержки съ процентами; 4) по этой цѣнѣ со взысканіемъ денегъ выдавать ихъ студентамъ; 5) каждый студентъ обязанъ оставлять ихъ у себя и пыходѣ изъ университета". (28 декабря 1823 года). Ученый комитетъ минист. народн. просв. высказалъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе: „большая часть учебныхъ предметовъ, какъ видно изъ ежегодныхъ росписаній ихъ, преподаются въ университетахъ нашихъ по избраннымъ для этого руководствамъ; малая же часть ихъ по рукописнымъ профессорскимъ запискамъ; записки эти составляютъ большею частью по самымъ труднымъ наукамъ, требующимъ по своей обширности, многоразличнымъ системамъ преподаванія и оказывающимся въ нихъ новымъ открытіямъ, какъ со стороны учащихся безпрестаннаго перечиты-

ванія книгъ и новаго соображенія, такъ и отъ учащихся глубокаго вниманія и проникательности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ для вящаго содѣйствія успѣхамъ студентовъ не только не слѣдуетъ изыскивать для нихъ какихъ-либо облегченій, а напротивъ того имъ нужно открывать способы къ усугубленію ихъ труда и поддержанію вниманія. Таковой способъ представляется въ собственноручномъ письмѣ или переписываніи, посредствомъ котораго не только всѣ идеи тверже печатлѣются въ памяти, но самый разсудокъ нашъ глубже, чѣмъ въ обыкновенномъ чтеніи, проникаетъ въ частную и общую связь соединенныхъ понятій и расположеніе ихъ, такъ что мы не только нечувствительно приучаемся къ потребнымъ во время чтенія соображеніямъ и обдуманности для достиженія вящей пользы, но и приобретаемъ навыкъ къ подобнымъ основаніямъ и расположенію въ собственныхъ сочиненіяхъ нашихъ. Что же касается до энциклопедическаго обзорѣнія наукъ, то оно признается совершенно ненужнымъ и вреднымъ, такъ какъ всякое вообще энциклопедическое преподаваніе, способствуя поверхностнымъ понятіямъ о наукахъ, не доставляетъ государству прямо образованныхъ членовъ, готовыхъ проходить возлагаемыя на нихъ должности со знаніемъ своихъ обязанностей, трудностей всякаго дѣла и способовъ и удовольствія ихъ преодоленія; напротивъ того, какъ дозволено несчастнымъ опытомъ установленнаго на таковыхъ началахъ воспитанія въ нѣкоторыхъ училищахъ, наводитъ всякія состоянія людьми не свѣдущими и самонадѣянными, служащими въ тягость каждому обществу и начальству. По этимъ причинамъ ученый комитетъ не можетъ дать согласія на предположеніе г. попечителя Харьковскаго округа касательно составленія и напечатанія для студентовъ Харьковскаго университета энциклопедическихъ обзорѣній наукъ и всякое энциклопедическое познаніе признаетъ извою умовъ, отъ которой всячески надлежитъ ограждать наши учебныя заведенія. На основаніи этого отзыва главное правленіе училищъ постановило: „возложить на гг. попечителей учебныхъ округовъ сдѣлать зависящее отъ нихъ распоряженіе, чтобы профессора каждого университета, по составленіи ими подробныхъ конспектовъ полнымъ курсамъ преподаваемыхъ ими наукъ, внесли ихъ въ установленномъ порядкѣ въ университетскій совѣтъ, который, по разсмотрѣніи, одобреніи и напечатаніи ихъ на счетъ хозяйственныхъ университетскихъ суммъ представить ихъ чрезъ кого слѣдуетъ г. министру заблаговременно такъ, чтобы присланные конспекты по одобреніи ихъ главнымъ правленіемъ училищъ могли быть возвращены для напечатанія ихъ на счетъ хозяйственныхъ университетскихъ суммъ каждому университету до начала учебныхъ курсовъ, безъ чего не можетъ быть дозволено ни од-

ному профессору и самое преподаваніе. Что же касается до составляемыхъ профессорами учебныхъ книгъ (compendia) и изданія ихъ, то въ отношеніи ихъ также постановлены въ уставахъ правила, коими университетскія начальства и должны руководствоваться" (16 мая 1824 г.).

Магницкій, которому поручено было рассмотреть конспектъ профессоровъ Виленскаго университета, заявилъ. „Дѣло это не представлявшее въ началѣ никакой значительности, кромѣ той осторожности, чтобы не пропустить чего-либо неправильнаго или вреднаго, приняло по мѣрѣ его ближайшаго рассмотрѣнія видъ весьма важный по моему мнѣнію, и это почитаю долгомъ представить на благоусмотрѣніе ваше, милостивый государь. Всѣ сдѣланные доселѣ распоряженія по Виленскому университету суть однѣ мѣры полицейскія, отсѣкающія только вредный плодъ, а не исторгнувшія самаго корня зла, которымъ является вредный духъ, въ преподаваніи разныхъ наукъ завернутый. Доколѣ корень этотъ останется живымъ, дотолѣ и новые плоды отъ него произрастать будутъ, не смотря на то, что ихъ срываютъ. Изъ конспекта богословія ваше высокопревосходительство удостовѣритесь изволите, что эта главнѣйшая изъ наукъ, вокругъ которой всѣ прочія какъ звѣзды около солнца должны имѣть свѣтъ, отъ нея заимствованный, преподается не только не согласно съ римско-католическимъ исповѣданіемъ, но и по руководству такого автора, который и въ лютеранской доброй школѣ не былъ бы терпимъ, ибо въ твореніяхъ своихъ почти не упоминаетъ объ Иисусѣ Христѣ. Чего можно ожидать въ прочихъ наукахъ, ежели таково богословіе? Баконъ говорилъ, что одна религія есть ароматъ, предохраняющій науки человѣческія отъ гніенія. И дѣйствительно, всѣ прочія преподаванія Виленскаго университета одного и весьма дурнаго духа. Ежели въ конспектахъ, кои каждый профессоръ составляетъ осторожно и совѣтъ Виленскаго университета просмотрѣлъ вѣрно, особливо послѣ бывшихъ тамъ происшествій, внимательно, ежели въ конспектахъ съ перваго взгляда видно нечестіе и начала возмутительныя, то что же въ тетрадахъ и устныхъ преподаваніяхъ? Хотя нѣкоторые изъ профессоровъ, писавшихъ конспекты, отставлены, но духъ остался, ибо конспекты ихъ присланы на утвержденіе и заключаютъ въ себѣ развязку тѣхъ печальныхъ происшествій, коими Виленскій университетъ сдѣлался извѣстнымъ, ибо отъ юношества, въ сихъ началахъ воспитаннаго и отъ высшаго учебнаго мѣста ихъ проповѣдующаго, ничего и впредь ожидать не можно, кромѣ возобновленія бывшихъ происшествій, коихъ одни примѣры строгости никакъ истребить не могутъ. Мнѣ бы казалось необходимымъ:

1. Конспекты богословія передать на разсмотрѣніе Виленскому епархіальному начальству съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ утвержденія представило оно законоучителя изъ лицъ духовныхъ и всегда конспекты и руководство его само разсматривало и утверждало, сообщая только къ свѣдѣнію университетскаго совѣта.

2. Вредное преподаваніе остановить, ибо перемѣня конспекты не можно перемѣнить духа въ преподавателяхъ однимъ приказаніемъ.

3. Отправить ревизора осмотрѣть университетъ особенно въ отношеніи учебно нравственномъ, гдѣ крѣпко утверждены весь корень зла. Ново избранный вашимъ высокопревосходительствомъ членъ главнаго правленія училищъ ген. Карбоніеръ находится по порученію своего начальства близъ Вильны и, судя по частнымъ его со мною сношеніямъ, собралъ уже о Виленскомъ университетѣ на мѣстѣ весьма основательныя и важныя свѣдѣнія, почему и могъ бы ревизію эту, по моему мнѣнію, сдѣлать весьма удобно тѣмъ болѣе, что онъ человѣкъ ученый и римско-католикъ. Въ богословскомъ классѣ у Іоанна Скиделя Канцій Шодъ богословъ (не католическій) не упоминаетъ въ твореніяхъ своихъ объ Іисусѣ Христѣ“.

Попечитель Виленскаго округа Новосильцовъ сдѣлалъ подробный разборъ замѣчаній Магницкаго. По поводу конспекта богословія выяснилось, что рѣчь идетъ о ксензѣ Іоаннѣ Скиделѣ, который ссылается на сочиненіе Іоанна Кантія Ходани (*Ioannes Cantius Chodani*), напечатанное на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ 1823 г. съ дозволенія епархіальной цензуры. Книга эта, какъ и авторъ, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Въ ней о божественности Христа говорится всюду. Но откуда Магницкій взялъ Канція Шода, это трудно объяснить. Есть богословы Шоды (*Schott* и *Chaud*), но ихъ книги не приняты въ руководство Виленскимъ университетомъ и ни одинъ изъ нихъ не именуется Канціемъ. „Послѣ сего долженъ я заключать, говоритъ Новосильцовъ, что попечитель Казанскаго университета, начавъ читать по французскому произношенію имя *Ioannes Cantius Chodani* и не дочитавъ до конца, по скорости съ какою писалъ замѣчанія на конспекты, составилъ себѣ имя автора Канція Шода, коего конечно нельзя принять въ основаніе при преподаваніи ни въ католическомъ, ниже лютеранскомъ училищѣ, ибо его вовсе не существуетъ. Не излишнимъ считаю при этомъ случаѣ замѣтить, что *Cantius* не есть имя, а прозваніе Св. Іоанна Кантійскаго, богоугодника Краковскаго, какъ напр. *Ioannes Neronianus*, и никто изъ нареченныхъ въ святомъ крещеніи именемъ сихъ святителей не употребляетъ одного прозванія безъ имени“. Заключаетъ свой отвѣтъ Новосильцовъ слѣдующими сильными строками.

„Представляя эти замѣчанія мои вмѣстѣ съ препровожденными при нихъ новыми конспектами на слѣдующій учебный годъ, я въ непремѣнную обязанность поставлю себѣ просить ваше высокопревосходительство, чтобы разсмотрѣніе этихъ конспектовъ и представленіе замѣчаній на нихъ благоволили поручить не одному, но нѣсколькимъ членамъ правленія училищъ, имѣющимъ твердыя и основательныя познанія какъ въ наукахъ, такъ и въ латинскомъ языкѣ, на коемъ тѣ конспекты писаны. Стараясь всѣми мѣрами вперить и укоренить въ чувствованіяхъ подвѣдомыхъ мнѣ чиновниковъ по ученой части должное почтеніе, уваженіе и благоговѣйное послушаніе къ высшему училищному начальству, я съ прискорбіемъ долженъ объявить, что подобныя замѣчанія, какія сдѣланы были попечителемъ Казанскаго учебнаго округа на университетскіе конспекты, не только не приближаютъ меня къ моей цѣли, но должны часъ отъ часу болѣе отъ нея отдалять. Ничто въ ученыхъ людяхъ не истребляетъ скорѣе того уваженія и довѣрія, которое они для общепользнаго въ училищныхъ заведеніяхъ порядка должны имѣть къ своему начальству, какъ неосновательныя и несправедливыя упреки со стороны этого начальства относительно преподаваемыхъ ими наукъ. Сколько съ одной стороны нужно и полезно въ глазахъ ихъ открыть зло въ преподаваніяхъ при самомъ его возрожденіи и строго за то взыскивать, столько съ другой *вредно и противно благимъ намѣреніямъ правительства находить его тамъ, гдѣ оно не существуетъ, и выводить его изъ ложныхъ и превратныхъ толкованій, которыя происходятъ или отъ незнанія науки, о которой производится сужденіе, или отъ незнанія языка, на которомъ преподаваніе тѣхъ наукъ ведется.* Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, раздражающемъ честолюбіе ученаго и притомъ благомыслящаго человѣка, нельзя, чтобы не охладѣло въ немъ его усердіе къ преподаванію со всевозможною осмотрительностью своего предмета и со внушеніемъ всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя служатъ къ общему благу, равно какъ нельзя думать, чтобы злонамѣренныя не почерпнули изъ того своей пользы къ распространенію вредныхъ своихъ началъ, служащихъ къ низверженію всеобщаго порядка, видя, что развращающій юношество наставникъ и благомыслящій безъ различія одинаковому подвергаются сужденію“.

Харьковскій попечитель писалъ, что совѣтъ университета доставилъ ему конспекты, но большая часть ихъ послѣ разсмотрѣнія оказалась чрезвычайно обширными—въ видѣ книгъ (compendia) и даже болѣе, заключая цѣлыя стопы. Поэтому они были отданы для сокращенія. Потомъ они были разсмотрѣны въ ученомъ комитетѣ и возвращены. Возникло затрудненіе, исправлять ли конспекты согласно новымъ открытіямъ въ наукахъ; въ

концѣ концовъ рѣшено было представлять ихъ только совѣтамъ университетовъ ¹⁾.

Отчетъ Е. В. Карнѣева объ осмотрѣ университета былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ и члены его высказали о немъ такое мнѣніе. Графъ Н. С. Лаваль. „Г-нъ попечитель, говоря о порядкѣ, который, какъ кажется, завелъ онъ въ библіотекѣ и кабинетахъ физическомъ и медалей, ничего не упоминаетъ о ежегодномъ приращеніи ихъ; кажется, что кабинетъ, называемый технологическимъ, то есть назначенный для машинъ, вовсе безполезенъ, ибо нѣтъ даже помѣщенія для него; но должно надѣяться, что съ устройствомъ новаго для него помѣщенія, о коемъ говоритъ попечитель, неудобство это отвратится. Гораздо большимъ неудобствомъ является совершенное отсутствіе анатомическаго кабинета при университетѣ, въ коемъ есть медицинскій факультетъ. Попечитель справедливо порицаетъ излишество учебныхъ предметовъ, коими обременяютъ студентовъ и обыкновеніе заставлятъ ихъ перебѣгать изъ класса въ классъ, такъ что они въ одинъ день слушаютъ до десяти профессорскихъ лекцій, вовсе не имѣя времени на домашнее повтореніе ни одной изъ нихъ; но нельзя полагать, чтобы годичное распредѣленіе курсовъ, которые продолжаются нынѣ три года, могло послужить къ облегченію хода ученія. Ничто не обязываетъ студентовъ слушать въ одно время лекціи всѣхъ профессоровъ: достаточно требовать отъ нихъ, чтобы они записывались въ тѣ только классы, кои они съ пользою проходить могутъ, обращая вниманіе на то, чтобы какъ учащіе, такъ и учащіеся съ точностію исполняли свои обязанности, ибо изъ самаго отчета видно, что тѣ и другіе, кажется, исполняютъ ихъ съ большимъ небреженіемъ; какихъ же успѣховъ ожидать можно отъ времени худо употребленнаго, когда оно при всемъ возможномъ прилежаніи недостаточно по множеству учебныхъ предметовъ, кои надобно проходить. Предположеніе попечителя освободить студентовъ отъ списыванія профессорскихъ тетрадей не можетъ подлежать сужденію за состоявшимся уже по этому предмету положеніемъ главнаго правленія училищъ. Средство къ облегченію ученія состоитъ не въ освобожденіи студентовъ отъ всякаго рода трудовъ, къ коимъ напротивъ того надлежитъ ихъ приучать, но въ томъ, чтобы мѣру ученія уравнивать съ мѣрою ихъ способностей, возраста и времени. Попечитель, кажется, чувствуетъ надобность, чтобы учащіе съ точностію исправляли свои должности, а учащіеся посѣщали бы классы безъ упущенія. Надобно надѣяться, что послѣдствія оправдаютъ мѣры, пред-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 22682/499.

принятые имъ по этому предмету; въ особенности заслуживаютъ одобренія тѣ изъ нихъ, кои относятся до учениковъ гимназій и которыми предписывается подвергать ихъ строгому испытанію, не смотря на ихъ аттестаты, для удостовѣренія въ ихъ способности къ прохожденію университетскихъ курсовъ. Прочія замѣчанія и мѣры, какія попечитель намѣренъ предпринять въ разсужденіи училищъ ввѣреннаго ему округа, членъ почитаетъ весьма удовлетворительными.

Н. И. Фусъ объяснилъ, что сравненіе этого отчета съ прежними показываетъ значительное улучшеніе состоянія учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. Донесенія попечителя о нынѣшнемъ состояніи большаго числа гимназій и училищъ удовлетворительны. Тамъ, гдѣ еще примѣтны недостатки по учебной или нравственной части, можно ожидать исправленія ихъ отъ благоразумныхъ мѣръ, принятыхъ попечителемъ и доказывающихъ его усердное попеченіе. Равнымъ образомъ удовлетворительна та часть отчета, гдѣ говорится о частныхъ пансіонахъ, существующихъ въ Харьковѣ, изъ которыхъ по строгому испытаніи воспитанники поступаютъ въ университетъ и считаются лучшими и примѣрными студентами. Мѣры, принятые попечителемъ къ исправленію недостатковъ въ самомъ университетѣ, также соотвѣтствуютъ предположенной цѣли, особенно въ отношеніи къ содержанію студентовъ и надзору надъ ними, равно какъ къ приведенію въ порядокъ и извѣстность учебныхъ пособій университета посредствомъ описей библіотеки, кабинетовъ физическаго, технологическаго, монетнаго, который однако долженъ быть описанъ по народамъ, а не по металламъ, и кабинета анатомическаго, коего умноженіе необходимо нужно. Распоряженія университетскаго совѣта, сдѣланныя для исправленія замѣченныхъ попечителемъ недостатковъ, заслуживаютъ одобренія господина министра; что же касается до предположенія попечителя, дабы каждый профессоръ составилъ для студентовъ энциклопедическое обзорѣніе своей науки, таковую мѣру членъ признаетъ болѣе вредною, нежели полезною. Каждый профессоръ долженъ имѣть для руководства хорошую книгу, содержащую всю систему науки и соотвѣтствующую требованіямъ университетскаго курса; если-же не находитъ для себя удовлетворительной книги, то долженъ сочинить таковую, изложивъ въ ней точное обзорѣніе всей науки съ достаточнымъ объясненіемъ существа всего ученія. Снабженные таковою книгою студенты не обременяются перепискою профессорскихъ тетрадей и должны будутъ только записывать изустныя примѣчанія, объясненія и дополненія профессора.

Опредѣлено было довести до свѣдѣнія господина министра объ успѣшномъ ходѣ ученія въ учебныхъ заведеніяхъ Харьковскаго округа: что же касается до предполагаемаго попечителемъ составленія энциклопедическихъ обзрѣній, то ученый комитетъ считаетъ излишнимъ входить о томъ въ разсужденіе, такъ какъ объ этомъ предметѣ сдѣлано уже особое постановленіе. Впрочемъ комитетъ полагаетъ, что замѣчанія, сдѣланныя членомъ графомъ И. С. Лавалемъ, слѣдуетъ препроводить въ учрежденный при главномъ правленіи училищъ временный комитетъ для начертанія общаго устава университета и учебныхъ заведеній на его соображеніе ¹⁾.

Въ засѣданіи того же ученаго комитета 21 іюня 1824 года былъ заслушанъ проектъ Е. В. Карнѣева о реформированіи Харьковскаго университета. Присутствовало здѣсь только три члена ученаго комитета—гр. Лаваль, Фусъ и Рувичъ; кромѣ того былъ приглашенъ и авторъ проекта Харьковскій попечитель. Вотъ подлинный журналъ этого засѣданія. Слушали, во-1-хъ, представленіе попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 28 декабря 1823 года о новомъ образованіи Харьковскаго университета. Въ немъ предлагаются къ преобразованію университета слѣдующія мѣры: а) ректоръ долженъ зависѣть отъ опредѣленія Верховной власти и быть непремѣннымъ, по примѣру предсѣдатель въ присутственныхъ мѣстахъ и директоровъ въ департаментахъ; б) онъ назначается по усмотрѣнію начальства изъ профессоровъ или другихъ просвѣщенныхъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ по службѣ; в) ректоръ не имѣетъ права преподавать лекцій въ университетѣ, хотя бы избранъ былъ изъ числа профессоровъ; г) въ исполненіи обязанностей своихъ руководствуется онъ Высочайше утвержденными въ 17 день генваря 1820 года инструкціями директору и ректору Казанскаго университета; е) въ случаѣ болѣзни и отсутствія попечителя исполняетъ всѣ его обязанности, исключая предметовъ, кои предоставитъ себѣ попечитель; ф) на немъ лежитъ полная отвѣтственность за упущеніе по университету, коего чиновники и профессора совершенно ему подчинены. Въ помощь ректору назначается профессоръ, избираемый изъ профессоровъ, утверждаемый министромъ и получающій прибавочное по штату жалованье. Завися отъ ректора въ разсужденіи возлагаемыхъ на него порученій, онъ исполняетъ ихъ съ одинаковою, какъ и ректоръ, властію. Профессоръ не освобождается отъ чтенія лекцій. Дабы деканы факультетовъ не были отвлекаемы отъ ученыхъ своихъ занятій, учредить на мѣсто ихъ для присутствія въ универси-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 49799/1571.

тетскомъ правленіи двухъ непрѣмѣнныхъ совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ займется письмоводствомъ и счетною частію, а другой будетъ притомъ занимать мѣсто директора педагогическаго и студенческаго института при университетѣ. Чиновники эти, избираемые изъ людей просвѣщенныхъ и утверждаемые министромъ, пользуются правами профессоровъ, но не могутъ читать лекцій. Тѣ изъ нихъ, кои не имѣютъ аттестатовъ на ученыя степени, производятся въ высшіе чины на правѣ губернскихъ директоровъ училищъ. Они могутъ засѣдать и въ совѣтѣ университета для объясненія дѣлъ и подачи голоса. Кромѣ этихъ членовъ университетское правленіе подѣляется предсѣдательствомъ ректора будетъ состоять изъ профессора и непрѣмѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ профессоровъ въ качествѣ прокурора. Канцелярія правленія составитъ по мѣрѣ надобности. — Для лучшаго устройства университета умножить число чиновниковъ при немъ по исполнительской части опредѣленіемъ экзекутора и двухъ педелей и увеличить сумму на содержаніе большаго числа инвалидовъ съ унтеръ-офицерами. Для устройства студентовъ и лучшаго за ними надзора соединить въ одинъ институтъ подѣ названіемъ педагогическаго и студенческаго состоящія при университетѣ два заведенія, а именно педагогическій институтъ съ 12 магистрами и такимъ же числомъ кандидатовъ при особомъ директорѣ — и сверхъ того заведеніе, въ коемъ содержится 60 студентовъ съ инспекторомъ. Упомянутый институтъ будетъ заключать въ себѣ 12 магистровъ и столько же кандидатовъ, 60 студентовъ по медицинскому и 40 по прочимъ факультетамъ. Приемъ въ студенты изъ духовныхъ училищъ прекратить, ограничиваясь одними гимназистами. Всѣхъ означенныхъ магистровъ, кандидатовъ и студентовъ предполагается помѣстить въ особомъ двухъ этажномъ флигелѣ. Такъ какъ директоромъ этого института имѣетъ быть одинъ изъ совѣтниковъ университетскаго правленія, то это заведеніе будетъ состоять подѣ вѣдѣніемъ правленія и ректора. Директору представляется избирать помощника изъ магистровъ съ прибавкою ему жалованья. Кандидаты займутъ должность комнатныхъ надзирателей. Магистрамъ и кандидатамъ выдается жалованье въ руки, съ вычетомъ за столъ, а студенты содержатся хозяйственнымъ образомъ; какъ тѣ, такъ и другіе пользуются общимъ столомъ. Къ нимъ присоединятся и своекоштные студенты съ платою по пяти сотъ рублей. Изъ 12 магистровъ, 4 управляютъ должность помощниковъ директора, а остальные могутъ жить и внѣ института, занимаясь частнымъ воспитаніемъ дѣтей въ родѣ или присмотромъ за приходящими въ училища и въ университетъ. По недостатку нынѣ магистровъ и кандидатовъ въ помощники

директора и надзиратели можно принимать и постороннихъ, съ назначеніемъ жалованья по усмотрѣнію высшаго начальства; они пользуются правомъ на классныя чины наравнѣ съ учителями, то есть по выслугѣ 4 лѣтъ. Всѣ вообще студенты раздѣляются на 3 разряда. Къ первому принадлежать воспитанники института, имѣющіе свой надзоръ; во второмъ заключаются студенты, отданные подъ надзоръ профессорамъ или учителямъ университетскимъ, также состоящіе подъ руководствомъ магистровъ и кандидатовъ, утверждаемыхъ для того ректоромъ. Въ третьемъ остаются студенты, живущіе по квартирамъ, кои обязаны представить университету свидѣтельство о нахожденіи ихъ подъ чьимъ либо надзоромъ въ городѣ. Вольные слушатели подвергаются тѣмъ же правиламъ. Между учащимися нужно стараться учредить литературное общество. Сверхъ того при институтѣ имѣютъ быть собранія, въ которыхъ отличные могутъ показывать свои успѣхи въ краснорѣчій, поэзіи и музыкѣ; также въ лѣтнее время студентамъ будутъ дозволены удовольствія отдыха въ полѣ или въ университетскомъ саду, для отвлеченія ихъ отъ свѣтскаго разсѣянія. Касательно медицинскихъ студентовъ попечитель представляетъ на утвержденіе слѣдующія предположенія: къ нынѣшнимъ 20 медицинскимъ студентамъ прибавить 40, съ назначеніемъ на содержаніе каждого, наравнѣ съ прочими казенными студентами, не болѣе 400 рублей въ годъ; въ повивальномъ институтѣ умножить число кроватей, но не болѣе 6-ти, клиники терапевтическую и хирургическую увеличить до 24 кроватей и болѣе, если помѣщеніе дозволить, считая въ томъ числѣ и университетскую больницу. Для содержанія всѣхъ больницъ вмѣсто отпускаемыхъ 5000 положить впредь по 10,000 рублей. На обзаведеніе ихъ и покупку инструментовъ отпустить единовременно 5000 рублей; всѣ расходы по больницамъ производить подъ надзоромъ ректора; для достаточнаго снабженія университета нужными при преподаваніи анатоміи и хирургіи трупами, поставить мѣстному гражданскому начальству въ обязанность доставлять ихъ сверхъ получаемыхъ нынѣ изъ одного города, также изъ острога и городскихъ больницъ, когда причина смерти исторією болѣзни умершаго не можетъ быть объяснена, а всего лучше постановить, чтобы трупы доставлялись изъ цѣлаго Харьковскаго уѣзда, какъ было до 1815 года; сумму, опредѣленную на анатомическій театръ, вмѣсто 800 увеличить до 1200 рублей; снабженіе книгами и инструментами медицинскихъ студентовъ можетъ отнесено быть на счетъ общей суммы 3000 рублей, подагаемой по новому штату на учебныя пособія. За рѣшенія задачъ и на умноженіе библіотеки положены общія по университету суммы. За сочиненія, переводы и другія особен-

ные труды могут дѣлаемы быть поощренія изъ экономической суммы съ разрѣшенія начальства всѣмъ вообще студентамъ. Прозекторъ зоотоміи, какъ до нынѣ, избираться долженъ изъ адъюнктовъ или магистровъ, а помощникъ изъ кандидатовъ или студентовъ безъ особаго жалованья; равнымъ образомъ и врачи въ больницы.

Для приведенія въ дѣйствіе предполагаемаго содержанія казенныхъ студентовъ съ своекоштными, поступающими въ институтъ, на первое обзаведеніе ихъ всѣмъ нужнымъ отпустить единовременно до 10000 рублей; остатки отъ суммъ, казною отпускаемыхъ и за своекоштныхъ студентовъ взимаемыхъ, считать особою статьей, употребляя часть ихъ на содержаніе института, а прочее обращая на экипировку всѣхъ вообще воспитанниковъ при выпускѣ изъ института; причемъ наблюдать, чтобы, за всѣми расходами, мало по малу составилъ изъ остатковъ особый капиталъ. Такимъ образомъ, по новому штату университета требуется въ добавокъ къ прежнему 80,000 рублей ежегодно; отпускъ этой суммы распределить такъ, чтобы въ нынѣшнемъ году отпущено было только 20,000 рублей, да единовременно 15,000 рублей, въ слѣдующемъ году выдать 40,000 рублей, въ 1826 г.—60,000, а съ 1827 года отпускать уже по 80,000 рублей. Въ случаѣ недостатковъ въ первые три года, замѣнять ихъ съ высшаго разрѣшенія остатками отъ другихъ статей.

По поводу этого проекта высказаны были слѣдующія соображенія.

Графъ И. С. Лаваль объяснилъ, что попечитель въ первомъ представленіи своемъ предлагаетъ перемѣну, которая по важности своей требуетъ зрѣлаго разсужденія: мѣра эта состоитъ въ освобожденіи профессоровъ отъ исправленія должности ректора и запрещеніи этому чиновнику преподавать лекціи. Попечитель основывается на примѣрахъ здѣшняго, Казанскаго и Московскаго университетовъ, при которыхъ назначень директоръ въ помощь ректору по экономической части. Таковой чиновникъ, по мнѣнію члена, необходимо нуженъ для завѣдыванія бухгалтеріею и счетовою частію; что же касается до учебной, то не удобно ему участвовать въ ней, какъ человѣку, совершенно чуждому для университета; напротивъ нужно, чтобы управляющій этою частію имѣлъ основательныя свѣдѣнія о ходѣ наукъ, о преподавателяхъ ихъ и о злоупотребленіяхъ, какія могутъ вкрасться между учащими и учащимися. Впрочемъ невѣроятно, чтобы два часа въ день, употребляемые профессоромъ на преподаваніе лекцій, могли препятствовать ему въ отправленіи ректорской должности, особенно когда будетъ онъ имѣть помощника, по предположенію попечителя. Поэтому данный предметъ требуетъ разсмотрѣнія его со всѣхъ сторонъ; причемъ надлежитъ имѣть

въ виду, что онъ клонится не къ измѣненію какого-либо правила, но къ уничтоженію одного изъ *коренныхъ постановленій, общихъ всемъ университетамъ*. Предположеніе попечителя объ улучшеніи содержанія казенныхъ студентовъ, помѣщеніи ихъ въ университетскихъ строеніяхъ и соединеніи съ ними *своекоштныхъ* заслуживаетъ одобренія; но назначенная на *каждаго* изъ этихъ послѣднихъ сумма 1000 рублей, кажется, превышаетъ положенную на этотъ предметъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ даже по С.-Петербургскому округу.

Мнѣніе Н. И. Фуса заключалось въ слѣдующемъ. 1) Попечитель въ представленіи своемъ для избѣжанія разныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ ежегоднымъ избираніемъ ректора изъ самихъ профессоровъ, предлагаетъ въ статьяхъ а, b, c, d, e и f упомянутаго представленія такіа мѣры, которыя хотя выгодны для попечителя, отнимая отъ него часть занятій и его отвѣтственности, но для самого университета, какъ *высшаго* ученаго и учебнаго заведенія, были бы сопряжены съ гораздо важнѣйшими неудобствами, нежели тѣ, для избѣжанія коихъ онѣ придуманы. Въ университетахъ: *Московскомъ, Дерптскомъ и Виленскомъ* годовое управленіе ректора перемѣнено безъ чувствительнаго уклоненія отъ устава на двухгодичное и трехгодичное и тѣмъ устранены важнѣйшія неудобства, произшедшія отъ годовичной перемѣны. Цвѣтущее состояніе этихъ университетовъ доказываетъ, что эта легкая перемѣна достаточна была для прекращенія неудобствъ и что для достиженія этой цѣли не нужно и не должно сдѣлать ректора *непремѣннымъ* и избирать его изъ чиновниковъ неученыхъ и не свѣдущихъ въ управленіи столь важными учебными заведеніями, совершенно отличнымъ отъ управленія гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ. Впрочемъ, перемѣнность ректора не можетъ, какъ попечитель опасается, уменьшить законной власти его, уставомъ опредѣленной и властію попечителя поддерживаемой; незаконное же вліяніе на дѣла университета, могущее произойти изъ уваженія къ *непремѣнности* мѣста, вовсе нежелательно, равно какъ и совершенное подчиненіе профессорамъ власти ректора. Власть эта опредѣлена уставами, по которымъ *профессора не суть приказные служители, но члены университетскаго совѣта, коего предсѣдатель есть ректоръ*. Въ статьѣ 6 попечитель полагаетъ возможнымъ назначеніе ректора не изъ профессоровъ, но изъ другихъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ по службѣ; но кому судить о степени свѣдѣнія такого чиновника въ наукахъ университетскихъ и опытности по ученой службѣ, столь существенно отличной отъ всякой другой службы? Въ твердомъ убѣжденіи, что благосостояніе университетовъ требуетъ, чтобы ректоръ, какъ глава первостепеннаго

ученаго и учебнаго заведенія. былъ самъ изъ ученыхъ и, слѣдовательно, изъ среды профессоровъ того же университета, коего благополучіе ему предъ прочими ближе и объ ученыхъ нуждахъ коего только ученый основательно судить можетъ, г. членъ на эту статью не согласенъ. По статьѣ с. ректоръ исключается отъ преподаванія лекцій, хотя бы онъ былъ изъ числа профессоровъ, какъ это уставомъ требуется. Можно позволить ректору не читать лекцій, когда препятствуетъ ему въ томъ занятіе его по этой должности, но не отнимать у него права исполнять и профессорскую должность, если онъ самъ того желаетъ и имѣетъ досугъ. Изъ расписанія публичныхъ лекцій университетовъ нашихъ явствуетъ, что ректорскія занятія не препятствуютъ исполнять должности профессорскія или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ. Одинъ только Виленскій университетъ дозволилъ ректору возложить часть своихъ обязанностей на викарія, но подъ его руководствомъ. Всѣ прочіе ректоры сами преподаютъ лекціи, и даже дерптскій, хотя обремененный многочисленными занятіями по комитетамъ, и особенно по училищному, преподаетъ по 10-ти часовъ въ недѣлю. Посему и эта статья представленія попечителя принята быть не можетъ. Далѣе попечитель, несмотря на уменьшеніе занятій ректора, при запрещеніи ему читать лекціи, полагаетъ еще придать ему въ помощь проректора изъ профессоровъ. Но какъ во всѣхъ прочихъ университетахъ, хотя ректоры исправляютъ также и профессорскую должность, дѣла идутъ успѣшно безъ такового помощника, то по сему и ректору Харьковскаго университета безъ него обойтись можно. *Вообще надлежитъ примѣчать, что такія частныя отступленія отъ общихъ началъ, служившихъ основою университетскимъ уставамъ, постепенно уничтожаютъ нужное однообразіе, даже въ важнейшихъ частяхъ состава сихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и притомъ то, что опытомъ дознано было полезнымъ въ прочихъ университетахъ, и что не можетъ быть вреднымъ для одного Харьковскаго.* 2) Что касается до университетскаго правленія, то поелику составъ и дѣйствія его менѣе касаются до ученой части, легче согласиться можно на помѣщеніе въ немъ вмѣсто декановъ, двухъ непремѣнныхъ совѣтниковъ; но не усматривается надобности даровать этимъ послѣднимъ права и преимущества профессорскія. Они наравнѣ съ прочими гражданскими чиновниками, къ коимъ собственно принадлежатъ, должны пользоваться правами этихъ послѣднихъ, подобно совѣтникамъ правленія академіи наукъ. 3) Въ разсужденіи умноженія чиновниковъ по исполнительной части, 4) устройства, присмотра и содержанія студентовъ, въ особенности медицинскихъ, и 5) заведеній и пособій, нужныхъ для образованія этихъ послѣднихъ, г. членъ полагаетъ, что всѣ эти статьи за-

служиваютъ уваженія и одобренія. 6) О новомъ примѣрномъ штатѣ членъ вообще замѣчаетъ, что онъ умѣренъ; объ окладахъ же ректора и непремѣнныхъ совѣтниковъ правленія не умѣренныхъ, и о прибавочномъ жалованьи профессора, который не нуженъ, равно и о нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ предоставляетъ себѣ объяснить свое мнѣніе въ послѣдствіи, когда ученый комитетъ займется разсужденіемъ о штатѣ.

Д. П. Руничъ заявилъ, что онъ полагаетъ необходимо нужнымъ пригласить въ засѣданіе ученаго комитета попечителя Харьковскаго учебнаго округа, для совокупнаго соображенія съ членами комитета перемѣнъ, которыя послѣдній предполагаетъ ввести какъ по управленію самого университета, такъ и другихъ учебныхъ заведеній. Г. членъ, находя съ своей стороны главныя предположенія объ устройствѣ университета дѣйствительно полезными, не рѣшается дѣлать на нѣкоторыя менѣе важныя своихъ замѣчаній по тѣмъ соображеніямъ, что мѣстность ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ подводить учебныя заведенія, на разныхъ пунктахъ имперіи находящіяся, подъ однѣ и тѣ же формы; почему и слѣдуетъ въ этомъ отношеніи держаться мнѣній мѣстнаго начальства. Довольно, если общія правила вездѣ будутъ одинаковы, а формы и обряды могутъ быть различны. Одни основныя начала не подлежатъ вліянію мѣстности.

По справкѣ оказалось. По Высочайше утвержденному 18 маіа 1823 года уставу Виленскаго университета положено избирать ректора на три года. Высочайше утвержденными докладами главнаго правленія училищъ 16 сентября 1809 и бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго 26 маіа 1811 года правило это распространено на университеты Московскій, Харьковскій и Казанскій. Въ Санктпетербургскомъ университетѣ избраніе ректора производится на томъ же основаніи, такъ какъ ему Высочайше повелѣно руководствоваться уставомъ Московскаго университета. По Высочайше утвержденному 4 іюня 1820 года уставу Дерптскаго университета избраніе ректора производится въ немъ ежегодно. Директоръ университета положенъ при Казанскомъ университетѣ; при С.-Петербургскомъ назначенъ инспекторъ. Всѣ же прочіе университеты управляются одними ректорами.

Опредѣлено. Представить господину министру, что комитетъ, по зрѣломъ разсужденіи совмѣстно съ попечителемъ о дѣйствительной надобности предполагаемыхъ имъ въ устройствѣ Харьковскаго университета перемѣнъ и улучшеній, полагаетъ принять всѣ прочія предположенія его, исключая статей о ректорѣ, проректорѣ и составѣ университетскаго правленія, кои находитъ нужнымъ измѣнить слѣдующимъ образомъ:

1-е) Избраніе ректора отнынѣ предоставитъ попечителю, по примѣру прочихъ университетовъ на три года, но не иначе какъ изъ числа профессоровъ, съ предоставленіемъ ему управленія университетомъ на основаніи его устава и не освобождая его отъ исполненія обязанностей, съ званіемъ профессора сопряженныхъ. По истеченіи каждаго трехлѣтія, попечитель, избравъ въ ректоры того же самаго или назначивъ новаго, представляетъ такового на утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Въ случаѣ болѣзни ректора или по другимъ обстоятельствамъ, требующимъ немедленной перемѣны этого чиновника, предоставляется попечителю право назначать на мѣсто его другого, о чемъ обязанъ онъ немедленно доносить каждый разъ министру. Такъ какъ ректоръ можетъ быть избираемъ только изъ числа профессоровъ и потому долженъ пользоваться профессорскимъ окладомъ, то вмѣсто назначаемого для него жалованья, положить ему столовыя деньги по тысячѣ двѣсти рублей ежегодно.

2-е) Званіе помощника, согласно съ мнѣніемъ члена Н. И. Фуса, признается вовсе не нужнымъ, а потому и назначаемое для него въ примѣрномъ штатѣ жалованье, изъ него исключить.

3-е) Опредѣленіе двухъ непремѣнныхъ совѣтниковъ для присутствія въ университетскомъ правленіи вмѣсто декановъ можно допустить съ тѣмъ, чтобы чиновники эти наравнѣ съ прочими гражданскими чиновниками пользовались только правами этихъ послѣднихъ, подобно совѣтникамъ правленія Императорской академіи наукъ ¹⁾.

Итакъ, Е. В. Карнѣевъ хотѣлъ исполнить то, что не удалось провести его дядюшкѣ—уничтожить въ Харьковскомъ университетѣ ректорскую должность и замѣнить ее директорской, примѣнивъ къ ней инструкцію Казанскаго университета, т. е. другими словами, ввести тѣ порядки, которые были заведены тамъ знаменитымъ Магницкимъ. Къ счастью, этотъ проектъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны двухъ членовъ ученаго комитета—гр. Лавалья и академика Фуса и потому, несмотря на поддержку, оказанную ему Руничемъ, не былъ принятъ въ самомъ существенномъ пунктѣ, хотя другія его положенія, какъ мы видѣли, были признаны полезными. Между прочимъ, ректоръ отнынѣ долженъ былъ не избираться совѣтомъ, а назначаться попечителемъ; въ составъ правленія вмѣсто декановъ допущены были посторонніе чиновники.

Впрочемъ, и въ этой новой редакціи проектъ попечителя, кажется, не получилъ утвержденія со стороны министра; по крайней мѣрѣ, о

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 36886/467.

такое утверждение мы не имеем сведений, равно как и о примечении его в Харьковском университете. Должную оценку этому разрушительному плану дали сами члены ученого комитета, особенно в подчеркнутых мною выражениях. Я же могу только прибавить к этому, что Е. В. Кариеву, очевидно, не давали спать лавры Магницкаго и Рунича и он хотел приобрести их в качестве реформатора Харьковского университета. Но ему повредила перемена министерства: составлял он свой проект в министерство А. Н. Голицына и, если можно так выразиться, для кн. А. Н. Голицына и своего друга директора департамента мистика Попова—а рассматривался он уже при Шишкове, относившемся в высшей степени враждебно, как мы знаем, и к мистицизму, и к представителям его—кн. А. Н. Голицыну и Попову. Шишков, может быть, и не был осведомлен, что переводчиком раскритикованной им книги Дютуа был Е. В. Кариев, но он должен был знать все-таки, что новый харьковский попечитель, как и его дядюшка, был мистиком.

Однако, Е. В. Кариеву удалось все таки пробить брешь в университетском самоуправлении. В 1824 году окончился трехлетний срок службы прежнего ректора Джунковскаго (он был утвержден в февраль 1821 года). Совет, по уставу, приступил к выборам новаго ректора и забаллотировал стараго, который получил ничтожное число голосов. Подвергнуться баллотировке должны были по очереди все ординарные профессора, составлявшие в то время совет университета; но четверо из них—Могилевский, Делявинь, Дудрович и Громов—отказались по разным причинам от нея и подверглись ей только 6 профессоров—Джунковский, Книгинь, Рейть, Паулович, Комлишинский и Кронебергъ. Из них большинство голосов (8 против 6) получил Книгинь, а за ним Комлишинский и Кронебергъ (5 против 4); остальные, в том числе и Джунковский, были забаллотированы. Но Книгинь отказался от ректорской должности по многочисленности своих занятий и вследствие обязанностей врача, и потому назначена была перебаллотировка между Комлишинским и Кронебергом, причем они и вторично получили по равному числу голосов. Совет о результатах баллотировки сделал представление попечителю, а тот от себя вошел с ходатайством к министру народного просвещения о том, чтобы ректором оставлен был Джунковский. Способ избрания ректора, установленный уставом 1804 года, он находил неудобным по следующим соображениям: 1) в Харьковском университете было всего 10 ординарных профессоров, и из них половина отказалась от баллотировки, на что едва ли имела

право по уставу; 2) изъ остальныхъ 5 двое получило равное число голосовъ; 3) эти два профессора самые младшіе въ совѣтъ; 4) ректоръ является и предсѣдателемъ строительной комиссіи—и, смѣнивъ въ этомъ званіи Джунковскаго, можно нанести ущербъ ея отчетности. Въ виду этого попечитель ходатайствовалъ объ оставленіи ректоромъ Джунковскаго, какъ чиновника наиболѣе способнаго къ этой должности, *„впредь до усмотрѣнія“*. Всѣ эти соображенія не настолько убѣдительны, чтобы слѣдовало на основаніи ихъ ломать уставъ 1804 года; единственнымъ серьезнымъ доводомъ являлась малочисленность избирательной коллегіи и предсѣдательство въ строительной комиссіи—всѣ же остальные доводы слабы и даже наивны. Но этой малочисленности попечитель своимъ проектомъ не устранилъ; мало того: изъ состава членовъ совѣта онъ находилъ только одного Джунковскаго достойнымъ ректорскаго званія. Слѣдовательно, вся сила была въ томъ, что ему хотѣлось *во чтобы то ни стало* провести его на эту должность вопреки мнѣнію совѣта, который послѣ трехлѣтняго опыта убѣдился, очевидно, въ его непригодности для дѣла. Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ представилъ докладъ Государю въ этомъ же смыслѣ—и получилъ Высочайшій указъ, въ силу котораго Джунковскій оставался ректоромъ *„впредь до усмотрѣнія“*. Въ своемъ представленіи кн. А. Н. Голицынъ привелъ нѣсколько указаній на прежде бывшіе аналогичные случаи: такъ, въ Московскомъ университетѣ проф. Прокоповичъ-Антонскій въ 1819 г. былъ назначенъ ректоромъ на 2½ года не по выбору совѣта, а по представленію министра Государю, по случаю выхода въ отставку раньше срока по болѣзни прежняго ректора проф. Гейма; въ Казанскомъ университетѣ были также назначены, въ видѣ опыта, для испытанія ихъ способностей, на 1 годъ профессоры Солнцевъ и Фуксъ (1-й въ 1819 г., а 2-й въ 1823 году) ¹⁾. Примѣры эти однако, какъ мы видѣли, не представляютъ полной аналогіи съ даннымъ случаемъ: Е. В. Карнѣевъ желалъ идти дальше по пути уничтоженія университетскаго самоуправленія, чѣмъ это было сдѣлано въ Москвѣ и Казани. Къ счастью, повторяемъ, его основной проектъ не былъ утвержденъ.

Итакъ, Е. В. Карнѣевъ, по характеру своей дѣятельности, является продолжателемъ Захарія Яковлевича Карнѣева. Онъ, какъ мы знаемъ уже, старался развивать и расширять, пока былъ министромъ кн. А. Н. Голицынъ, дѣятельность студенческаго библейскаго сотоварищества. Но будучи человѣкомъ практическимъ, онъ понималъ, что для проведенія въ университетъ того направленія, которое исходило изъ министерства на-

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 22132/493.

роднаго просвѣщенія, необходимо было измѣнить и самый университетскій строй, нанести ударъ выборному началу, введенному уставомъ 1804 года, и прежде всего получить возможность назначать ректора по своему усмотрѣнiю; къ этому и были направлены его усилія. Назначенный *de facto* попечителемъ ректоръ, конечно, могъ быть покорнымъ орудіемъ въ его рукахъ для проведенія всѣхъ желательныхъ ему мѣръ. А Джунковскій способенъ былъ лучше другихъ исполнять эту роль. Будучи житейски практическимъ человѣкомъ и имѣя еще достаточно силъ для дѣятельности въ роли попечителя, Е. В. Карѣевъ обратилъ свою энергію на хозяйственную сторону университетской жизни и занялся постройками и перестройками университетскихъ помѣщеній; но объ этомъ мы скажемъ во 2-й главѣ своего труда.

Теперь же перейдемъ къ управленію четвертаго попечителя округа *Алексѣя Алексѣевича Перовскаго*, занимавшаго эту должность съ 1825 по 1830-й годъ. А. А. Перовскій извѣстенъ въ исторіи русской словесности подъ псевдонимомъ *Антонія Погорѣльскаго*; ему принадлежить пользовавшійся въ свое время большою популярностью романъ—*Монастырка*; онъ былъ близокъ съ А. С. Пушкинымъ, Крыловымъ, кн. Вяземскимъ и по справедливости считается, наравнѣ съ Нарѣжнымъ, однимъ изъ предшественниковъ Н. В. Гоголи. Вотъ что говоритъ о „Монастыркѣ“ новѣйшій изслѣдователь. „Кромѣ совершенно новаго тогда, занимательнаго и естественнаго разсказа и нѣкоторыхъ отмѣченныхъ имъ частныхъ быта, мы видимъ въ трудѣ его нѣсколько характерныхъ обликовъ того далекаго времени. Въ нихъ нѣтъ, правда, достаточной жизни, они не дышутъ силою созданія, образцы которой вскорѣ далъ великій Гоголь. Но на ряду съ картинами могучей кисти зачѣмъ отворачиваться отъ скромныхъ акварелей, которые писались когда-то съ любовью и трудомъ? Въ старомодныхъ рамкахъ поблекшія и пожелтѣлыя онѣ висятъ передъ нами, напоминая прошедшее. Гдѣ этотъ исчезнувшій міръ, какъ далеки эти люди въ странныхъ нарядахъ, изображенные здѣсь цвѣтущими и молодыми! Мы всматриваемся съ любовью въ ихъ лица, родныя намъ лица, такъ какъ въ этихъ портретахъ мы узнаемъ своихъ дѣдовъ, отцовъ и матерей“. А. А. Перовскій былъ проводникомъ у насъ романтизма, но всетаки въ его „Монастыркѣ“ отразилась до нѣкоторой степени жизнь. Этимъ произведеніемъ онъ пріобрѣлъ себѣ крупную литературную извѣстность, но имъ, можно сказать, главнымъ образомъ и исчерпывается его писательская дѣятельность. На литературное поприще онъ выступилъ въ

¹⁾ В. П. Горленко. А. А. Перовскій (Кіев. стар. 1888, апрѣль, стр. 110—111).

1825 г. (тогда же какъ и занялъ постъ попечителя), а закончилъ его въ 1833. На развитіе его творческой дѣятельности повліяло пребываніе въ деревнѣ Погорѣльцахъ (отсюда и его псевдонимъ), находившейся въ Черниговской губ., въ сѣверной части Малороссіи. „Мягкая природа и проникнутая тихой поэзіей жизнь малороссійской деревни, говоритъ біографъ Перовскаго пр. А. И. Кирпичниковъ, имѣють притягательную силу не для однихъ только уроженцевъ этихъ странъ; часто сѣверянинъ, проживъ нѣкоторое время въ Украинѣ, привязывается къ ней сильнѣе, чѣмъ къ своей суровой и менѣе поэтичной родинѣ“. Такъ было и съ Перовскимъ, который прожилъ въ Погорѣльцахъ 3 года. Нужно, впрочемъ, сознаться, что Антоній Погорѣльскій слишкомъ поздно приступилъ къ литературной дѣятельности и не могъ на ней исключительно сосредоточиться. Въ характерѣ его, очевидно, не было постоянства и увлеченія однимъ какимъ либо дѣломъ; къ тому же онъ былъ нѣсколько лѣнивъ, обезпеченъ и дѣлилъ свое время между службой, хозяйствомъ и литературой. Служба его была крайне разнообразная—онъ служилъ въ различныхъ вѣдомствахъ, былъ сначала въ гражданской, потомъ въ военной, потомъ снова въ гражданской службѣ; проживалъ то заграницей, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ Харьковѣ, то въ Погорѣльцахъ. Образование онъ получилъ хорошее: сначала воспитывался дома, затѣмъ 18 лѣтъ отъ роду поступилъ въ Московскій университетъ, а черезъ два года и два мѣсяца (въ 1807 году) окончилъ его со степенью доктора философіи и словесныхъ наукъ. Для полученія этой степени онъ прочиталъ три пробныя лекціи, которыя издалъ въ 1808 году отдѣльной книжкой. Всѣ онѣ относятся къ ботаникѣ, причемъ первая написана по-нѣмецки, вторая—по-французски и третья по-русски. Конечно, научнаго значенія онѣ и въ свое время не имѣли и свидѣлствуютъ только о знакомствѣ автора съ однимъ изъ предметовъ университетскаго преподаванія, о хорошемъ знаніи имъ двухъ новыхъ языковъ и о дарѣ литературнаго изложенія. Въ послѣдующее время А. А. Перовскій научныхъ занятій своихъ не продолжалъ. Уставъ 1804 г. требовалъ еще защиты диссертациі (письменной или печатной—безразлично), но какова была его диссертациія, неизвѣстно, и едва ли, конечно, она имѣла научное значеніе. Въ то время докторскія степени людьми богатыми получались, какъ мы знаемъ, сравнительно легко. А Перовскій былъ не только богатый молодой человекъ, но принадлежалъ по рожденію къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Екатерининскаго времени—гр. Разумовскихъ: онъ былъ незаконнымъ сыномъ извѣстнаго намъ министра народнаго просвѣщенія гр. Ал. Кир. Разумовскаго и дѣвицы Соболевской (впослѣдствіи по мужу генеральши

Денисьевой); всѣмъ дѣтямъ отъ этого неоформленнаго брака Разумовскій выхлопоталъ дворянство и сдѣлалъ ихъ участниками въ своемъ колоссальномъ состояніи, унаслѣдованномъ отъ отца—последняго малороссійскаго гетмана; и братья, и сестры А. А. Перовскаго заняли болѣе или менѣе видное положеніе въ обществѣ. А. А. Перовскій до 1825 г., т. е. до назначенія на постъ харьковскаго попечителя, служилъ въ сенатѣ въ Петербургѣ, потомъ также въ сенатѣ въ Москвѣ, затѣмъ въ 1812 г. снова возвратился въ Петербургъ и поступилъ на должность секретаря министра финансовъ, но въ томъ же году совсѣмъ бросилъ гражданскую службу и перешелъ, захваченный событіями этой эпохи, въ военную: его зачислили штабъ ротмистромъ въ украинскій казачій полкъ; съ полкомъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и при Кульмѣ; въ 1813 году онъ былъ назначенъ на видный постъ старшаго адъютанта при генералъ-губернаторѣ Саксонскаго королевства, извѣстномъ кн. Ник. Гр. Репнинѣ. Въ военной службѣ онъ оставался только 3 года и въ 1816 году снова принялъ гражданскую должность чиновника особыхъ порученій по департаменту духовныхъ дѣлъ и иностранныхъ исповѣданій, каковымъ департаментомъ тогда вѣдалъ кн. А. Н. Голицынъ. Здѣсь онъ оставался 5 лѣтъ, въ 1822 году, по смерти отца, вышелъ въ отставку и проживалъ у себя въ деревнѣ Погорѣльцахъ, занимаясь хозяйствомъ и дѣлами по наслѣдству своихъ братьевъ и сестеръ. Въ 1825 г., въ министерство Шишкова, онъ получилъ назначеніе на постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа. Проф. А. И. Кирпичниковъ виновникомъ этого назначенія склоненъ считать министра народнаго просвѣщенія Шишкова, который цѣнилъ въ немъ образованнаго гуманнаго человѣка, ему, Шишкову, единомышленнаго, много учившагося и много выдаваго и къ тому же патріота, блистательно доказавшаго свой патріотизмъ въ 1812 г. Мы также не отвергаемъ того, что Шишковъ могъ имѣть въ виду эти данныя при опредѣленіи Перовскаго на новый постъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должны заявить, что добивался этой должности самъ Перовскій и при томъ не у Шишкова, а у Императора, которому сообщилъ только, что Шишковъ вполне согласенъ на это назначеніе. Въ доказательство этого приведемъ въ подлинникъ письмо А. А. Перовскаго къ Государю отъ 20-го марта 1825 года.

„Sire! Si c'est un devoir pour tout sujet fidèle de servir son Souverain, ce devoir doit être doublement sacré pour moi,—et je n'aurais pas attendu jusqu'à ce moment pour demander du service à Votre Majesté Impériale, si des motifs pressans, dont Vous daignerez sans doute approuver la justice, n'avoient mis des entraves à mes vœux les plus ardens.

Etant l'aîné de ma famille et par conséquent tuteur né des deux orphelins, auxquels la générosité de votre Majesté a donné une nouvelle existence—chargé en outre de la régie des biens de mes frères cadets et des embarras d'un procès, dont dépend notre fortune, je me trouve dans l'impossibilité de me fixer dans la capitale ou de remplir un emploi, qui m'éloignerait de l'Ukraine. Jusqu'à présent j'ai supporté cette croix avec fermeté quelque pénible qu'il m'ait été de me voir, à l'âge de trente cinq ans, nul pour le service et inutile à ma patrie. Mais il existe un poste, Sire, qui comblerait mes vœux sans me forcer de perdre de vue les intérêts de ma famille — c'est celui de curateur de l'Université de Kharkof. Le ministre de l'instruction publique n'est pas contraire à ma nomination et m'a même promis de la soumettre à la sanction de votre Majesté Imperiale. Souffrez, Sire, que de mon côté, j'ose mettre à vos pieds l'expression de mon désir ardent d'obtenir cette place—ce n'est pas l'ambition des rangs, qui me porte à la briguer, c'est celle bien plus noble d'être utile et d'avoir le bonheur de justifier un jour les bienfaits d'un maître adoré. Si l'emploi que j'ambitionne demande des connaissances étendues, il se trouvera sans doute un grand nombre de personnes plus dignes que moi de l'occuper; mais si, comme je le crois, le devoir principal d'un curateur est d'inculquer à la jeunesse le respect de la religion et un dévouement sans bornes pour le Souverain, que Dieu lui a donné j'ose soutenir hardiment, que dans cette fonction personne ne me surpassera en zèle. Que votre Majesté daigne me pardonner le parti, que je pris de Lui écrire. Votre prochain départ, Sire, et la nécessité où je me trouve de quitter sous peu Pétersbourg m'ont décidé à cette démarche importune. En Vous écrivant, j'ai osé espérer, que Votre Majesté Imperiale ne prendrait pas en mauvaise part mon impatience de rentrer au service—j'ai encore osé compter, Sire, sur cette indulgence longanime, dont j'ai eu le bonheur d'avoir des preuves multipliées.⁴⁾

Такимъ образомъ, А. А. Перовскій просилъ у Государя должности попечителя Харьковскаго учебнаго округа потому, что хотѣлъ своею службой принести пользу отечеству и могъ принять это именно назначеніе, такъ какъ оно не удаляло его изъ Украйны. Главною обязанностью попечителя онъ выставилъ воспитаніе молодежи въ духѣ вѣры и безпредѣльной преданности Государю—и въ этомъ, говоритъ онъ, едва ли кто его можетъ превзойти. Письмо было написано 20 марта 1825 г., а указъ о назначеніи попечителемъ состоялся 3 мая того же года. Новому попечителю назначено было 3600 рублей столовыхъ, и

⁴⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщ., № 22937/501.

онъ получилъ слѣдующую инструкцію отъ министра народнаго просвѣщенія.

„Вступленіе Ваше, по волѣ Государя Императора, на новое поприще служенія по министерству народнаго просвѣщенія, писалъ министръ, возлагаетъ на меня обязанность побесѣдовать съ вами, милостивый государь мой, о важности назначенія вашего и о пользѣ, которую вы можете принести отечеству неослабнымъ надзоромъ и строгимъ наблюденіемъ за всѣми частями ввѣреннаго вамъ управленія.

Попеченію вашему ввѣренъ одинъ изъ шести существующихъ въ Россійской Имперіи университетовъ и всѣ подвѣдомыя ему казенныя и частныя учебныя заведенія шестнадцати губерній. Подъ глазами вашими будетъ образовываться не малая часть ученыхъ нашихъ и болѣе тринадцати тысячъ юношей будутъ возрастать подъ руководствомъ вашимъ. Отъ успѣха распоряженій вашихъ зависитъ польза, которой вправѣ ожидать отъ нихъ правительство, родители и общество; подъ благотворнымъ вашимъ, милостивый государь мой, наитіемъ должна созрѣть надежда будущихъ поколѣній въ шестнадцати областяхъ государства. При столь ощутительной важности назначенія вашего и великости подлежащей вамъ цѣли, вы, конечно, милостивый государь мой, почтете не неумѣстнымъ, если я войду въ нѣкоторыя подробности о томъ, на что, по мнѣнію моему, слѣдуетъ обратить вамъ нынѣ по вступленіи въ управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ преимущественное вниманіе.

I. По части нравственной.

„Науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго“. Вотъ истина, которую принялъ я за основаніе всѣхъ моихъ распоряженій по части народнаго просвѣщенія и которую обязуюсь никогда не упускать изъ виду. Безъ сомнѣнія нельзя положить начала болѣе твердаго для прочнаго и полезнаго образованія юношества. А потому я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, обратить особенное вниманіе свое 1) На нравственное направленіе преподаваній, наблюдая строго, чтобы въ урокахъ профессоровъ и учителей ничего колеблющаго или ослабляющаго ученіе нашей вѣры не укрывалось, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ учили закону Божию съ тою внимательностію, какой требуетъ важность сего дѣла, *отнюдь не вдаваясь въ эжемистику и не увлекаясь безсмысленною филантропіею, поставляющею въ рядъ съ истинною христіанскою вѣрою, чтобы учащіеся не устранились отъ наблю-*

денія правилъ церковныхъ; чтобы они посѣщали въ праздничные дни храмъ Божій, а въ будни собирались бы на общественную молитву; чтобы между ними установлено было чтеніе священнаго писанія по славянскому тексту съ толкованіями святыхъ отцевъ и учителей церкви. 2) Чтобы между лицами, принадлежащими каждому учебному заведенію, при надлежащемъ повиновеніи начальству, водворялись миръ и согласіе. Для этого тщательно избѣгать слѣдуетъ всякаго повода къ порожденію между ними взаимной вражды или распри, отклоняя по возможности всѣ постороннія обстоятельства, которыя бы могли этому содѣйствовать. 3) Наблюдать, чтобы въ поведеніи и поступкахъ распорядителей и преподавателей учебныхъ заведеній не было чего либо явно соблазнительнаго; чтобы между ними не были терпимы какіе либо гласные безпорядки, лишающіе ихъ уваженія мѣстныхъ начальствъ и довѣренности родителей, ибо это можетъ имѣть пагубное наитіе на нравы образуемаго ими юношества. 4) Чтобы наблюдались всѣ нужныя мѣры осторожности къ предохраненію воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства; *чтобы въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія учениковъ, не было книгъ противныхъ вѣрѣ, правительству и нравственности, и чтобы отнюдь подобныя сочиненія не обращались въ рукахъ ихъ.*

II. По части учебной.

По этой части, милостивый государь мой, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе предметы. 1) Устройство учебного порядка, расположеніе, постепенность и полнота учебныхъ предметовъ, способность учителей, распредѣленіе преподаваній, способъ ученія и направленіе, которое даютъ разнымъ наукамъ. 2) *Наблюденіе, обучается ли юношество съ надлежащимъ тщаніемъ російскому языку и отечественной словесности? Внушается ли ему при всякомъ удобномъ случаѣ преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ? Внѣдряется ли и укрѣпляется ли въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному?* 3) Въ достаточномъ ли количествѣ при учебныхъ заведеніяхъ состоятъ учебныя пособія, какъ-то: книги, глобусы, ландкарты, атласы, библіотеки, собраніе физическихъ и другихъ орудій и проч.

III. По части хозяйственной и полицейской.

1) Надежны ли зданія, употребленныя подъ учебныя заведенія, не требуютъ ли они починокъ, исправленій и передѣлокъ; достаточная ли отпускается на содержаніе ихъ сумма? Произведенныя въ прош-

лыхъ годахъ починки выполнѣ ли удовлетворили потребностямъ зданій? Согласны ли съ утвержденными чертежами и смѣтами, и соблюдена ли при томъ возможная выгода казны? Усматривается ли удобность въ расположеніи этихъ зданій на тотъ конецъ, на какой они предназначены? 2) Въ цѣлости ли и исправности содержится собственность каждаго учебнаго заведенія, законно ли расходуются суммы, и остатки ихъ состоятъ ли въ наличности? Наблюдается ли надлежащій порядокъ въ производствѣ и храненіи дѣлъ, въ веденіи шнуровыхъ книгъ и отчетовъ? Представляются ли эти послѣдніе куда слѣдуетъ въ назначенное время? Ежели учебныя заведенія имѣютъ собственность въ капиталахъ или въ недвижимомъ имѣніи, то приносятъ ли имущества эти соразмѣрный доходъ и обезпечены ли они отъ упадка, разстройства и потери? 3) Добротны ли запасы, приобретаемые учебными заведеніями изъ частныхъ рукъ? За выгодную ли для казны цѣну они приобретаются и соблюдается ли благоразумная бережливость въ расходованіи ихъ? 4) Сохраняется ли опрятность и чистота во всемъ, что касается до помѣщенія, одежды и пищи учащихся; освѣжается ли надлежащимъ образомъ воздухъ и принимаются ли другія необходимыя предосторожности къ сохраненію ихъ здоровья? 5) Сдѣланы ли нужныя распоряженія къ предохраненію зданій отъ опасности огня и имѣются ли при нихъ пожарныя орудія и снаряды? — Говоря объ учебныхъ заведеніяхъ вообще, я не могу пройти молчаніемъ частныя заведенія этого рода, въ которыхъ по большей части приготовляются дѣти дворянъ къ поступленію или прямо на службу или въ казенныя учебныя заведенія. Мнѣ желательно, чтобы, судя по возможности этого дѣла, обращено было на пансіоны должное вниманіе по всѣмъ тѣмъ статьямъ, которыя изъ вышеизложеннаго руководства къ нимъ относиться могутъ. При чемъ въ особенности наблюсти: 1) Получили ли содержатели пансіоновъ законное на то право? 2) Пользуются ли они и избранные ими наставники добрымъ именемъ и не употребляютъ ли во зло довѣренности родителей? 3) Учителя пансіоновъ имѣютъ ли свидѣтельства, установленныя Высочайшимъ указомъ 1757 года? 4) *Не упускается ли изъ виду преподаваніе наукъ на русскомъ языкѣ?* 5) *Не употребляются ли съ качествомъ руководства въ обученіи юношества такія учебныя книги, которыя не утверждены учебнымъ начальствомъ?*

Будучи удостовѣренъ, что одно изъ надежнѣйшихъ средствъ содержать всѣ учебныя заведенія, подвѣдомыя министерству народнаго просвѣщенія, во всегдашней дѣятельности, порядокъ и устройствъ, есть неупустительные осмотры этихъ заведеній, я долгомъ почитаю сообщить вамъ, милостивый государь мой, что на основаніи 17 и 21 статей

Высочайше утвержденных правил народного просвѣщенія и § 78 Устава учебныхъ заведеній, таковые осмотры непременно должны быть производимы въ свое время назначенными для того лицами.

Обращаясь въ особенности къ Харьковскому университету, этому новому разсаднику просвѣщенія, въ которомъ для усовершенствованія въ наукахъ постоянно находится болѣе 325 юношей, посвящающихъ себя разнымъ гражданскимъ званіямъ на пользу общественную, я обязанностью почитаю изложить здѣсь къ наблюденію, что заведеніе это требуетъ со стороны вашей непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора, чтобы, достигнувъ возможнаго совершенства, могло оно прійти въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ долженствуетъ быть, чтобы оправдать Высочайшее о немъ попеченіе и показать на дѣлѣ, что не втунѣ изливались на него въ продолженіи болѣе нежели двадцати лѣтъ щедроты Монарха нашего. Безпристрастное испытаніе студентовъ и другихъ лицъ, желающихъ получить ученые степени, ровно какъ и чиновниковъ, требующихъ назначенныхъ указомъ 6 августа 1809 года аттестатовъ, есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ къ поощренію ученія. Недостатокъ справедливости въ этомъ дѣлѣ не только не доставитъ чести университетамъ, но и сдѣлаетъ бесполезными мудрыя мѣры правительства къ распространенію просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ, и потому я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, имѣть за нимъ самое строгое наблюденіе. Остается сказать мнѣ иѣчто о цензурѣ книгъ, предоставленной университету по всему Харьковскому учебному округу. *Нельзя довольно обращать вниманія на всѣ хитрыя увертки и извороты разума, подъ которыми въ наше время развратъ и нечестіе распространяютъ нечестивыя мудрованія, ко вреду религіи, правительства и гражданского общества. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя вкраившись единожды во всеобщее употребленіе могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства.* Въ заключеніе всего, въ совершенной надеждѣ, что вы, милостивый государь мой, не оставите употребить всѣ силы свои къ водворенію и распространенію просвѣщенія во ввѣренномъ вамъ округѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его вамъ предлагаю, и которое, по моему и всѣхъ благомыслящихъ людей разумнію, есть единственное и полезное, и что чрезъ то предъ лицомъ государя и отечества вполне оправдаете выборъ мой, я имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ Шишковъ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 127217/8.

Эта инструкція, какъ мы видимъ, вполне соответствуетъ, по своему духу и направленію, тѣмъ воззрѣніямъ, какія имѣлъ Шишковъ на образованіе юношества въ Россіи; особенно рельефно выразились они въ подчеркнутыхъ мною мѣстахъ его инструкціи, гдѣ мы видимъ и осужденіе направленія прежняго министерства кн. А. Н. Голицына, стремившагося къ мистицизму, сектанству и филантропіи, и указаніе на новый путь, по которому должно шествовать дѣло образованія юношества—въ духѣ *русской* народности, уваженія къ отечественному языку и строгаго православія со всѣми его обрядами.

А. А. Перовскій не проявилъ особой энергіи на своемъ новомъ посту: очевидно, и новая дѣятельность его не захватила. Объ этомъ свидѣлствуютъ простыя хронологическія даты, сообщаемыя проф. А. И. Кирпичниковымъ. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, очевидно, существовало убѣжденіе, что попечитель не обязанъ проживать постоянно на мѣстѣ своего служенія. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе и въ письмѣ Шишкова къ А. А. Перовскому. Извѣщая о назначеніи его на постъ попечителя, Шишковъ увѣдомлялъ также о сдѣланномъ имъ распоряженіи, чтобы всѣ дѣла по Харьковскому учебному округу и по гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко были препровождены бывшимъ попечителемъ *по почтѣ* въ Харьковскій университетъ, который отправить ихъ къ нему, равнымъ образомъ и впредь будетъ отправлять ихъ по указанному имъ адресу. Такимъ образомъ предполагалось, что А. А. Перовскій, подобно С. О. Потоцкому, З. Я. и Е. В. Карнѣвымъ, будетъ проживать внѣ Харькова у себя въ деревнѣ. „Перовскій, повидимому, самъ находилъ такой порядокъ на первое время возможнымъ: отвѣчая на письмо Министра 28-го іюня, онъ въ тотъ же день увѣдомляетъ о своемъ вступленіи въ должность совѣтъ Харьковскаго университета и проситъ ректора выслать ему въ Погорѣльцы канцелярію его предшественника (бумаги были ему высланы въ два пріема: одинъ разъ 22 тюка, другой—14-ть); но въ томъ же письмѣ къ ректору онъ спрашивается о попечительской квартирѣ въ Харьковѣ и о возможности меблировать ее. Проведя около мѣсяца въ Погорѣльцахъ за изученіемъ дѣлъ округа, Перовскій въ началѣ августа отправился въ Харьковъ, гдѣ и познакомился съ чинами университета и студентами; а въ концѣ того же мѣсяца онъ задумалъ предпринять объѣздъ округа. Нѣтъ сомнѣнія, что по своему образованію, жизненному опыту, положенію и по многимъ душевнымъ качествамъ, Перовскій могъ быть очень хорошимъ попечителемъ: прекрасный классикъ (не въ смыслѣ слѣпотаго поклонника латинской грамматики, а въ смыслѣ чловека, развившаго свой умъ и вкусъ на изученіи древнихъ) осно-

вательный по тогдашнему психологъ, съ большою наклонностью къ наблюдению, съ независимымъ отъ службы состояніемъ и связями въ Петербургѣ, съ искренней любовью къ молодежи, но безъ преклоненія предъ ея естественными слабостями, издавшій въ ранней молодости на примѣрѣ Кутузова, какъ *не слѣдуетъ* управлять округомъ, узнавшій потомъ лучшую въ то время въ мірѣ школу—саксонскую, онъ могъ бы принести на этомъ посту много пользы, даже не проявляя особенной служебной энергіи (которой, повидимому, не было въ его характерѣ), одною, такъ сказать, энергіей своихъ добрыхъ свойствъ, еслибъ подольше оставался на мѣстѣ и при дѣлѣ. Но обстоятельства не благопріятствовали Харьковскому округу. Прежде чѣмъ заняться осмотромъ учебныхъ заведеній, Перовскому пришлось скакать въ Таганрогъ, чтобы привести по возможности въ порядокъ Таганрогскую коммерческую гимназію къ пріѣзду Императора Александра. Едва вернувшись въ Харьковъ, онъ узнаетъ, что Государь пріѣдетъ въ Таганрогъ раньше, нежели думали прежде, и спѣшитъ его встрѣтить. Государь осмотрѣлъ гимназію только 3 октября, и Перовскому удалось ее представить Его Величеству въ довольно хорошемъ порядкѣ, какъ только по ветхости строенія и скудости училища ожидать было можно. Возвратившись 10-го октября въ Харьковъ, Перовскій пишетъ министру, что онъ считаетъ необходимымъ какъ можно больше заниматься дѣлами университета и потому въ округѣ уѣзжать будетъ ненадолго, и, осмотрѣвъ одну губернію, будетъ возвращаться снова въ Харьковъ. Въ самомъ началѣ 1826 г., когда тѣло Государя Александра I-го провозили черезъ Харьковъ, между Перовскимъ и губернскимъ предводителемъ дворянства Квиткою произошло довольно курьезное столкновеніе по поводу участія профессоръ и дворянъ въ процессіи: кому идти впереди. По словамъ современника Шенина, „положили идти рядомъ оба начальника и оба сословія попарно“. Очевидно, что Перовскій уже успѣлъ сжиться съ университетомъ и принималъ къ сердцу его интересы. Близко ознакомившись съ положеніемъ университета, Перовскій нашелъ его „столь бѣднымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ и столь мало соотвѣтствующимъ самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ, что не рѣшился даже представить офіціального отчета о его состояніи, не переговоривъ предварительно съ министромъ; вслѣдствіе чего и просилъ отпуска въ Петербургъ. Шишковъ не замедлил изъявить свое согласіе, и 9-го марта Перовскій двинулся на сѣверъ, поручивъ завідываніе своей канцеляріей экстраординарному профессору Байкову. Находясь въ Петербургѣ, Перовскій, по засвидѣтельствованію министра о его ревностной и полезной службѣ, былъ произведенъ въ

дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ Государемъ въ должности попечителя ¹⁾. Черезъ 2 недѣли послѣ повышенія Перовскій, очевидно, произведшій хорошее впечатлѣніе въ Петербургѣ, былъ назначенъ членомъ комитета по устройству учебныхъ заведеній. Петербургская жизнь въ большихъ чинахъ стоила не дешево, и, повидимому, для поправленія обстоятельствъ Перовскій прибѣгъ къ способу, конечно, далеко не Аристидовскому, но съ русской чиновничьей точки зрѣнія, очевидно, не представлявшему ничего необычнаго, тѣмъ болѣе ничего безнравственнаго. Официальнымъ письмомъ, отъ 11 іюля 1826 г., Перовскій заявляетъ министру, что ему, по дѣламъ службы, нужно ѣхать въ Харьковъ, и испрашиваетъ на путевыя издержки 3000 р.; а между тѣмъ—на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ намѣренія ѣхать дальше Москвы, какъ видно изъ его заявленія почтамту, котораго онъ проситъ всѣ письма, пакеты и пр. пересылать въ Москву, на Басманную, въ домъ генераль-маіорши Денисьевой (т. е. его матери). Служба Перовскаго и во время его отсутствія изъ Петербурга шла очень хорошо; въ августѣ 1826 г. онъ получилъ Владимира 2-й степени, а въ сентябрѣ ему повелѣно быть предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, онъ возвратился въ Петербургъ и оставался тамъ, повидимому, безвыѣздно всю зиму. Отъ октября 1826 г. до февраля 1827 г. комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, рѣшалъ судьбу грамматики Греча и споръ послѣдняго съ академіей. Перовскій, какъ предсѣдатель, внѣшнимъ образомъ руководилъ дѣломъ, но, повидимому, не былъ въ немъ заинтересованъ лично, а хлопоталъ только о томъ, чтобы ученые мужи не совсѣмъ перегрызлись. Весною 1827 г. Перовскій просится на 3 мѣсяца за границу, въ Карлсбадъ. Увѣрившись изъ письма министра, что онъ своевременно получитъ отпускъ, онъ поѣхалъ сперва въ Погорѣльцы, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ и далъ предложеніе университету о томъ, что, по Высочайшему повелѣнію, во время его отсутствія всѣ его обязанности будетъ исполнять членъ главнаго училищнаго управленія графъ М. Ю. Вьельгорскій. Во второй половинѣ іюня Перовскій поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ не 3 мѣсяца, а почти вдвое болѣе; по

¹⁾ По этому случаю Перовскій получалъ рядъ поздравительныхъ писемъ отъ подчиненныхъ, которые приложены къ дѣлу о его попечительствѣ. Приводимъ письмо ректора Джунковскаго, какъ прекрасный образецъ... служебной риторики того времени. „Пріятелишшимъ долгомъ поставлю для себя принести Вашему превосходительству усерднѣйшее поздравленіе съ Высокомонаршею милостью, которая тѣмъ болѣе обрадовала всѣхъ насъ, что милости, изливаемая отъ Высочайшаго престола на начальниковъ, ободряютъ духъ и въ самихъ подчиненныхъ, подобно какъ благополучіе родителей радуешь сердца добрыхъ дѣтей“.

возвращеніи, онъ снова поселился въ Петербургѣ и въ Харьковѣ, суди поимѣющимся у насъ подъ руками документамъ, болѣе не ѣздилъ. Чтобы покончить со служебной карьерой Перовскаго, скажемъ только, что послѣ перемѣны министерства (въ 1828 г. Шишкова замѣнилъ генералъ-князь Ливень) онъ, повидимому, больше числился на службѣ, чѣмъ служилъ, и 20 марта 1830 года былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку безъ всякой особой награды¹⁾.

Изъ приведенныхъ здѣсь фактическихъ данныхъ видно, что и новою должностію своею попечителя округа А. А. Перовскій интересовался не особенно сильно; проживалъ то въ Петербургѣ, то въ Погорѣльцахъ, то за границей и въ Харьковѣ навѣдывался изрѣдка, а съ 1828 года, послѣ выхода въ отставку Шишкова, больше числился на службѣ, чѣмъ служилъ. При такихъ условіяхъ, дѣятельность А. А. Перовскаго въ качествѣ попечителя округа не могла оставить замѣтнаго слѣда и въ исторіи Харьковскаго университета. При отсутствіи должной энергіи и самостоятельности, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, А. А. Перовскій легко поддавался постороннему вліянію. „При А. А. Перовскомъ, говоритъ современникъ проф. А. С. Венедиктовъ, управлялъ округомъ, подъ его именемъ, можно сказать, самовластно проф. математики и инспекторъ студентовъ Байковъ. Была какая-то таинственная связь между Перовскимъ и Байковымъ; говорили и о родствѣ между ними. Байковъ впоследствии поступилъ на службу къ брату Перовскаго, Льву Алексѣевичу, управлявшему удѣльными имѣніями. Байковъ сдѣланъ былъ управляющимъ земледѣльческимъ училищемъ въ Петербургѣ. Перовскій былъ болѣзненный, хромою, худенькій, низенькій человекъ²⁾. Но посмотримъ теперь, въ чемъ же все-таки проявлялась его дѣятельность, какого направленія держался новый просвѣщенный начальникъ къ отношенію къ университету и профессорской коллегіи. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы должны констатировать фактъ вполне отрицательнаго отношенія А. А. Перовскаго къ университетскому самоуправленію. Конечно, опредѣлить здѣсь долю его личныхъ убѣжденій и вліянія, оказаннаго на него системой Шишкова и инструкціей этого послѣдняго, довольно трудно, даже невозможно; можно только предполагать, что тутъ дѣйствовали оба элемента, такъ какъ

¹⁾ А. И. Кирпичникова, Антоній Погорѣльскій (А. А. Перовскій) — въ Истор. Вѣсти. 1890, октябрь, стр. 68—71; данныя о служебной дѣятельности А. А. Перовскаго позаимствованы изъ Харьковск. унив. архива и сообщены автору проф. А. С. Лебедевымъ. Ср. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя о попечителѣ Перовскомъ № 1105/62; здѣсь любопытн. поздравительн. письмо къ Перовскому извѣсти. Станевича.

²⁾ Харьк. Истор. Архивъ. Бумаги Чирикова.

инструкція Шипкова не требовала сокращенія выборнаго начала въ университетѣ, и А. А. Перовскій сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе по собственной инициативѣ. Въ 1826 году А. А. Перовскій вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ слѣдующаго содержанія. „Уставомъ Харьковскаго университета—§§ 51, 57 и 58—право избранія въ профессора и адъюнкты предоставлено университетскому совѣту, изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ состоящему. Судя по ходу дѣлъ этого университета въ прежнія времена и настоящему ихъ положенію, я нахожу, что недостатокъ въ отличныхъ профессорахъ и значительное число, особенно въ послѣдніе годы, праздныхъ кафедръ въ упомянутомъ университетѣ наиболѣе всего приписать должно таковому праву совѣта. Очевидныя выгоды въ этомъ случаѣ для состоящихъ на лицо профессоровъ какъ по присутственнымъ университетскимъ мѣстамъ, такъ и по занятію непринадлежащихъ имъ кафедръ заставляютъ ихъ слишкомъ мало заботиться о приумноженіи своихъ сочленовъ. Желая по возможности исправить таковой ощутительный недостатокъ во ввѣренномъ мнѣ университетѣ, я не нахожу другихъ къ тому средствъ, какъ только покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи у Государя Императора Всемилостивѣйшаго соизволенія, дабы мнѣ до окончательнаго составленія комитетомъ въ 14-й день этого мая Высочайше утвержденнымъ новаго устава для Харьковскаго университета впредь позволено было, по моему усмотрѣнію, приглашать и опредѣлять, съ утвержденія вашего высокопревосходительства, какъ профессоровъ, такъ и адъюнктовъ въ этотъ университетъ. Таковое предположеніе мое честь имѣю предать на лучшее благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и въ разрѣшеніи ожидать вашего, милостиваго государя, предписанія“.

Министръ 9-го іюня положилъ было такую резолюцію: внести на разсужденіе главнаго правленія училищъ, а потомъ поручилъ директору, не исполняя этой резолюціи, приготовить записку для доклада Государю Императору.

Докладъ Государю. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа представляетъ мнѣ, что уставомъ этого университета право избранія въ профессора и адъюнкты предоставлено совѣту университета, состоящему изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ. Далѣе приводятся всѣ мотивы изъ записки Перовскаго); затѣмъ идетъ текстъ параграфовъ устава и наконецъ приписано старческою рукою министра на поляхъ: „докладывалъ въ Москвѣ августа въ 1-й день. Государь Императоръ Высочайше на то соизволяетъ“⁴. Объ этомъ Высочайшемъ соизволеніи министръ извѣстилъ 18 августа 1826 г. попечителя ¹⁾.

¹⁾ Архивъ минист. народнаго проsvщенія. Дѣло № 23131/503.

Такъ нанесенъ былъ ударъ университетскому самоуправленію въ дѣлѣ избранія профессоровъ; а одновременно съ тѣмъ новый попечитель лишилъ университетъ и права избранія ректора. Въ 1826 году онъ вошелъ въ министерство съ такимъ представленіемъ, „Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1823 г., писалъ онъ министру, совѣтъ Харьковскаго университета въ полномъ засѣданіи своемъ, приступивъ къ баллотированію новаго ректора, избралъ въ эту должность проф. Кронеберга и Комлишинскаго, но причинѣ же равнаго числа полученныхъ ими голосовъ, баллотированіе ихъ въ томъ же засѣданіи было повторено. А такъ какъ и на этотъ разъ число избирательныхъ голосовъ оказалось также равнымъ, то совѣтъ, не представляя никакого съ своей стороны мнѣнія, представилъ о томъ попечителю на усмотрѣніе. Предмѣстникъ мой, находя это баллотированіе недостаточнымъ и сверхъ того предполагая представить проектъ новаго образованія университета со включеніемъ статьи и по предмету избранія ректора, входилъ съ представленіемъ къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы проф. Джунковскаго, бывшаго до того времени ректоромъ, но не избраннаго въ эту должность на предстоявшее трехлѣтіе, оставить въ ней впредь до усмотрѣнія, на что по всеподданнѣйшему докладу въ 22 день марта 1824 г. послѣдовало Высочайшее въ Божѣ почившаго Государя Императора утвержденіе. Съ того времени и по нынѣ проф. Джунковскій находится въ званіи ректора при ввѣренномъ мнѣ университетѣ. Отдавая справедливость усердію этого чиновника, я не могу однакожъ умолчать, что состояніе дѣлъ упомянутаго университета, въ какомъ я нашелъ ихъ при вступленіи моемъ въ настоящую должность и въ какомъ они теперь находятся, требуетъ отъ ректора болѣе дѣятельности, вниманія, соображеній и силы характера, нежели сколько г. Джунковскій при слабомъ здоровьѣ своемъ и излишне мягкомъ отъ природы свойствѣ показать можетъ. Посему я вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность представить вашему высокопревосходительству, не благоугодно ли будетъ, оставивъ г. Джунковскаго при прежнихъ занятіяхъ его по званію профессора, опредѣлить ректоромъ или исправляющимъ его должность до времени вышеупомянутаго проф. надворнаго совѣтника Кронеберга, какъ уже избраннаго совѣтомъ университета въ эту должность и при томъ такого, отъ дѣятельности и познаній котораго я ожидаю—по части управленія университетомъ и подвѣдомственными ему училищными мѣстами болѣе полезнаго, нежели какъ было до сего времени“. Объ этомъ было сдѣлано министромъ представленіе Императору Николаю Павловичу, который положилъ такую резолюцію: „въ виду причинъ,

въ представленіи вашемъ изъясненныхъ, повелѣваю—нынѣшняго ректора Харьковскаго университета проф. статскаго совѣтника Джунковскаго оставить при прежнихъ занятіяхъ его по званію профессора, а вмѣсто его опредѣлить исправляющимъ должность ректора до времени профессора того же университета надворнаго совѣтника Кронеберга" (2 іюля 1826 г.). Не довольствуясь этимъ, А. А. Перовскій вошелъ 19 декабря 1826 г. въ министерство съ новымъ ходатайствомъ о назначеніи Кронеберга ректоромъ и при томъ безъ срока. Вотъ его подлинный текстъ.

„Въ силу именнаго Высочайшаго указа г. Кронебергъ тогда же вступилъ въ возложенную на него должность, которую и по настоящее время исправляетъ съ неустомимою дѣятельностью, отличнымъ усердіемъ и ощутительною пользою для университета. Но такъ какъ, не имѣя званія ректора, чиновникъ этотъ не можетъ дѣйствовать съ надлежащею силою и съ желаемымъ успѣхомъ во всѣхъ частяхъ университета, ибо настоящее его званіе исправляющаго должность ректора до времени не внушаетъ членамъ его должной подчиненности и повиновенія, порождая въ нихъ мысль, что занимающій мѣсто начальника временно не есть дѣйствительный полный начальникъ, но скорѣе ихъ сотоварищъ и т. п., то для устраненія этого неудобства и затрудненія въ дѣйствіяхъ упоминаемаго г. проф. Кронеберга, ко благу университета клонящихся, а равно и во вниманіе отличной ревностной и усердной службы его въ исправляемой имъ нынѣ должности, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи ему Высочайшаго утвержденія ректоромъ Харьковскаго университета“. Министръ потребовалъ разъясненія. „Такъ какъ по уставу, писалъ онъ, ректоръ избирается совѣтомъ университета на 3 года; упомянутое же представленіе ваше сдѣлано отъ лица вашего, то слѣдуетъ заключить, что положеніе устава встрѣчаетъ въ исполненіи нѣкоторое затрудненіе; посему покорнѣйше прошу объяснить мнѣ его и увѣдомить притомъ, на какой срокъ Кронебергъ назначается ректоромъ и съ котораго времени таковой считать ему“.

Перовскій далъ на это слѣдующій отвѣтъ.

„Причины, побудившія меня обратить особенное вниманіе на этого профессора (Кронеберга) въ намѣреніи улучшить сколько возможно ввѣренный мнѣ университетъ, изложены мною въ представленіи моемъ вашему высокопревосходительству отъ 27 мая прошлаго 1826 г. Причины эти въ полной мѣрѣ уважены, и г. Кронебергъ Высочайше утвержденъ въ званіи исправляющаго должность ректора до времени. Полагая, что эти же причины, въ совокупности съ изложенными мною въ представленіи отъ 19 декабря того года, достаточны для утвержденія

нія его дѣйствительнымъ ректоромъ упомянутого университета, я осмѣлился испрашивать начальническаго вашего, милостивый государь, ходатайства. Что же касается до срока, на какой г. Кронебергъ назначается ректоромъ и съ котораго времени считать ему его, то для блага университета вообще и особенно для приведенія въ надлежащій порядокъ всѣхъ дѣлъ его и для успѣшнѣйшаго и правильнѣйшаго теченія ихъ, равно для водворенія совершенной и необходимой на службѣ подчиненности и единодушія въ чиновникахъ какъ самаго университета, такъ и подвѣдомственнаго ему округа, большею частью раздѣленныхъ нѣкоторыми частными отношеніями и предположеніями на счетъ срочнаго ректорства, я въ настоящее время считаю вреднымъ назначить таковой срокъ, и потому покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство упоминаемому профессору Кронебергу исходатайствовать всемилостивѣйшее утвержденіе въ званіи ректора на томъ же положеніи касательно срока, на какомъ онъ Высочайше утвержденъ исправляющимъ эту должность, то есть до *времени* или до *усмотрѣнія*, на что имѣю честь ожидать вашего, милостивый государь, въ разрѣшеніе предписанія¹⁾. Государь Императоръ на сдѣланное въ этомъ смыслѣ представленіе министра, положилъ 22 апрѣля 1827 г. слѣдующую резолюцію: „исправляющему должность ректора Харьковскаго университета проф. Кронебергу повелѣваю быть ректоромъ его впредь до изданія новаго устава для университетовъ“¹⁾.

Также властно держалъ себя А. А. Перовскій и въ дѣлѣ выбора почетныхъ членовъ, официально приказывая совѣту избирать желательныхъ ему лицъ. Наконецъ, ни одинъ изъ прежнихъ попечителей не дѣлалъ столь часто и рѣзко замѣчаній совѣту, какъ А. А. Перовскій; на этихъ фактахъ мы остановимся ниже въ общемъ обзорѣ дѣятельности совѣта. Теперь же, на основаніи всего сказаннаго, сдѣлаемъ только общее заключеніе, что А. А. Перовскій, не трогая устава, можно сказать, фактически упразднилъ въ Харьковскомъ университетѣ выборное начало въ его наиболѣе существенныхъ проявленіяхъ, но далеко не достигъ при этомъ той цѣли, во имя которой совершалъ столь крутую ломку — а именно полноты преподаванія, замѣщенія многихъ кафедръ, остававшихся долгое время вакантными. Избранный имъ на должность ректора проф. Кронебергъ былъ дѣйствительно выдающимся профессоромъ и администраторомъ, но характерно то, что его выдвинула первоначально сама университетская коллегія: несмотря на его молодые годы, несмотря

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 23132/503.

на его кратковременную службу, советъ избралъ его еще въ 1823 году въ ректоры, забаллотировавъ Джунковскаго, т. е. поступилъ такъ, какъ сдѣлалъ впоследствии самъ попечитель. А. А. Перовскій вообще покровительствовалъ Кронебергу и въ 1826 г. исключилъ ему командировку въ Петербургъ для осмотра казенныхъ военно-учебныхъ заведеній (инженернаго, артиллерійскаго училища и школы подпрапорщиковъ) и для изученія ихъ въ отношеніи хозяйственнаго быта, особенно полицейскаго административнаго строя¹⁾. Командировка эта вызвана была желаніемъ Кронеберга, избраннаго въ 1826 г. ректоромъ (послѣ Джунковскаго), увидѣться съ новымъ попечителемъ А. А. Перовскимъ и переговорить о дѣлахъ университета. А. А. Перовскій, прежде чѣмъ разрѣшить эту поѣздку, запросилъ Кронеберга, кто будетъ исправлять его должность, и получилъ слѣдующій отвѣтъ. „Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства отъ 8-го октября, въ которомъ изволите спрашивать относительно моей отлучки въ С.-Петербургъ: отсутствіе мое изъ университета, при настоящихъ обстоятельствахъ, не помѣшаетъ ли надлежащему теченію дѣлъ его? кто, до возвращенія моего, займетъ мое мѣсто, и какія вообще намѣренъ я сдѣлать въ семъ случаѣ распоряженія? Честь имѣю довести, что на случай таковой отлучки слѣдовало бы совету въ силу устава § 21-го избрать кого-либо изъ своей среды; но безъ всякаго сомнѣнія лучше будетъ поручить мою должность тому, кого ваше превосходительство назначить изволите. Если же угодно вашему превосходительству знать мое мнѣніе, то покорнѣйше прошу назначить для этого профессора Могилевскаго. Лекціи по части латинской словесности будутъ продолжаться по моимъ запискамъ кандидатъ Сокальскій, а лекціи нѣмецкаго языка поручаю экстраординарному профессору Куницкому. Касательно же студентовъ полагаюсь на усердіе и дѣятельность экстраординарнаго профессора Байкова. Ваше превосходительство! Я имѣю только одно желаніе: усердіемъ и неуспынною дѣятельностью заслужить ту честь, которую ваше превосходительство мнѣ оказать изволили, возлагая на меня должность ректора, и оправдать, сколько могу, ожиданія публики, имѣющей ко мнѣ нѣкоторую довѣренность. Теперешнее состояніе университета походить нѣсколько на хаосъ, изъ котораго надлежащій порядокъ вывести могу я только чрезъ личное свиданіе съ вашимъ превосходительствомъ“. Попечитель исполнилъ всѣ желанія ректора. Уѣзжая изъ Харькова, Кронебергъ въ сущности поручилъ исправленіе должности инспектора профессору Байкову, который, какъ мы знаемъ, былъ очень близокъ къ А. А. Перовскому и пользовался его безграничнымъ довѣріемъ;

¹⁾ Архивъ мин. нар. проsv. Дѣло № 127438/VI.

онъ былъ у попечителя также начальникомъ его канцеляріи ¹⁾. Бывшій инспекторъ студентовъ профессоръ Пауловичъ подалъ въ отставку, вслѣдствіе разныхъ непріятностей и огорченій, его постигавшихъ ²⁾. Кронебергъ предоставилъ временно свою квартиру въ университетѣ помощнику инспектора Байкову и на его же попеченіе (а не Пауловича) оставлялъ студентовъ. Избранный инспекторомъ профессоръ Даниловичъ отъ этой должности отказался, а Пауловичъ отставки еще не получилъ. Обиженный ролью, предоставленной Байкову, онъ написалъ въ совѣтъ слѣдующую жалобу. „На бумагу, полученную отъ исправляющаго

¹⁾ Вотъ его докладъ по этому дѣлу.

„Честь имѣю донести вашему превосходительству, что, согласно предписанію вашему отъ 9 го ноября о позволеніи мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ, полученному мною 24-го ноября, я на слѣдующій день, созвавши совѣтъ ему о томъ объявилъ, должность ректора сдать г-ну профессору Могилевскому, лекціи латинской словесности поручилъ кандидату Совадьскому, нѣмецкой словесности экстраординарному профессору Куницкому. А какъ профессоръ Пауловичъ, по слабости здоровья подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности инспектора, о чемъ совѣтъ имѣлъ честь представлять вашему превосходительству, при томъ въ самомъ университетѣ не жить, а избранный на его мѣсто профессоръ Даниловичъ отъ этой должности отказался, и мнѣ неизвѣстно, какое вашему превосходительству благоугодно будетъ по сему сдѣлать распоряженіе, то я нужнымъ почелъ до того поручить экстраординарному профессору Байкову имѣть ближайшій и неуспынный надзоръ за студентами, особливо казеннокошными, дабы и въ моемъ отсутствіи соблюденъ былъ между ними порядокъ и благочиніе, чистота и опрятность. На каковой конецъ я ему позволилъ до моего возвращенія занять верхній этажъ въ ректорской квартирѣ. При семъ имѣю честь донести вашему превосходительству, что я, не взирая на неблагопріятнѣйшую погоду, отправляюсь въ дорогу сего ноября 28-го дня“.

²⁾ Вотъ прошеніе его на имя попечителя объ отставкѣ.

„Всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство извинить меня, что я осмѣливаюсь беспокоить васъ всенижайшею моею просьбою. Причины ея крайне невыгодныя мои обстоятельства, окружающія меня теперь. Не проходитъ ни одинъ день, ваше превосходительство, чтобы мнѣ не встрѣчались по инспекторской должности разныя непріятности, которыя со дня на день умножаются. Я по сіе время переносилъ съ великимъ терпѣніемъ всѣ таковыя огорченія и никакъ не думалъ угрождать ваше превосходительство просьбою моею до пріѣзда вашего; но слышу теперь, что ваше превосходительство не скоро изволите возвратиться къ намъ, а между тѣмъ я по причинѣ тягостныхъ неудовольствій, получаемыхъ по инспекторской должности, прискорбно теряю свое здоровье и дѣлаюсь уже не въ состояніи ее такъ отправлять, какъ бы я желалъ. По сему прибѣгаю къ великой милости вашего превосходительства и всепокорнѣйше прошу васъ, позволить мнѣ подать, куда слѣдуетъ, прошеніе объ увольненіи меня отъ инспекторской должности. Отъ этой великой милости вашего превосходительства зависитъ мое спокойствіе и поправленіе моего здоровья, которое я, по счастливомъ возвращеніи вашего превосходительства, священнымъ долгомъ своимъ поставлю употребить на всѣ тѣ труды, какія вашему превосходительству заблагоразсудится возложить на меня“.

должность ректора г. Кронеберга послѣ сдачи должности своей профессору протоіерею Могилевскому, содержащую въ себѣ нѣкоторыя распоряженія относящіяся до инспекторской должности, честь имѣю довести совѣту, что я не только не нахожу, но и вообразить себѣ не могу никакой законной причины, кромѣ личности и недоброжелательства, почему исправляющій должность ректора г. Кронебергъ безъ предписанія высшаго начальства, безъ согласія совѣта и безъ всякаго моего вѣдома устранилъ меня въ своей бумагѣ отъ должности инспекторской, отъ которой я высшимъ начальствомъ еще не уволенъ, поручивъ ее другому и вовсе не давши мнѣ о томъ знать. Правда, я просилъ совѣтъ объ увольненіи меня отъ инспекторской должности, по причинѣ слабости моего здоровья, но какъ утвержденія отъ высшаго начальства на представленіе совѣта еще не послѣдовало, то я всѣми силами моими, какъ прежде, такъ и теперь отправляю эту должность, безъ малѣйшаго упущенія, что и самому исправляющему должность ректора г. Кронебергу наилучше извѣстно и ежедневно бываю раза по три и болѣе въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ и, имѣя двухъ помощниковъ и одного педеля, институтъ этотъ, ввѣренный мнѣ уставомъ, высшимъ начальствомъ и постановленіями совѣта, содержу до настоящаго времени, благодаря Бога, сколько возможно, прилично, чисто и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно; и потому я по этой должности до настоящаго времени и не имѣлъ отъ своего начальства никакого замѣчанія. А что дѣйствительно институтъ этотъ содержится и теперь въ такомъ видѣ и состояніи, то я покорнѣйше прошу совѣтъ назначить членовъ, ежели угодно, для освидѣтельствованія его, и лично въ томъ удостовѣриться, что исправляющій должность ректора г. Кронебергъ дѣйствительно не имѣлъ никакой законной причины, а по одной только личности и по недоброжелательству его ко мнѣ (какъ видно, съ намѣреніемъ очернить мою непорочную службу предъ высшимъ начальствомъ) рѣшился устроить меня самовольно отъ главнаго надзора за казенными студентами и поручилъ этотъ надзоръ, безъ опредѣленія совѣта и безъ моего вѣдома, одному изъ моихъ помощниковъ, о которыхъ въ 11-й статьѣ инструкции, данной мнѣ изъ совѣта и утвержденной высшимъ начальствомъ, сказано: „что помощникъ инспектора долженъ выполнять всѣ порученія съ точностію, инспекторомъ на него возложенныя“. Такъ какъ и исправляющій должность ректора г. Кронебергъ зналъ все это, то ему никакъ не слѣдовало нарушать порядокъ, установленный закономъ, и перенутывать самовольно должности безъ всякой надобности. Да ежели-бы я и дѣйствительно такъ заболѣлъ, чтобы не могъ посѣщать института студентовъ, то у меня есть два по-

мощника, которые въ такомъ случаѣ, по должности своей, исполнили-бы въ точности всѣ порученія мои; или, какъ обыкновенно водится, можно было исправляющему ректорскую должность г. Кронебергу благовиднымъ образомъ представить въ совѣтъ о назначеніи кого ему угодно на мое мѣсто, до утвержденія кого-нибудь высшимъ начальствомъ. Если-же исправляющій должность ректора г. Кронебергъ имѣлъ по этому дѣлу какое-нибудь порученіе или предписаніе отъ его превосходительства г. попечителя, то ему слѣдовало объявить о томъ, хотя-бы и словесно. Но напротивъ того, исправляющій ректорскую должность г. Кронебергъ въ бумагахъ своей ясно самъ изъясняетъ, что, какъ ему неизвѣстно, какое будетъ сдѣлано распоряженіе его превосходительствомъ г. попечителемъ, то онъ нужнымъ почелъ до того поручить профессору Байкову имѣть ближайшій надзоръ за студентами, о чемъ и донесъ съ тою-же почтою его превосходительству г. попечителю, чего онъ безъ показанія какихъ-нибудь выдуманныхъ причинъ въ обиду непорочной и долговременной моей службы сдѣлать не могъ, ибо ежели я какъ инспекторъ главный надзоръ за студентами и теперь отправляю наилучшимъ образомъ и безъ всякаго упущенія, то онъ не имѣлъ никакой надобности прежде времени устранять меня отъ должности, поручая главный надзоръ за студентами другому. Посему я всепокорнѣйше прошу совѣтъ выдать мнѣ копію съ бумаги исправляющаго должность ректора г. Кронеберга, дабы я могъ оправдать себя предъ высшимъ начальствомъ“

Ректоръ Кронебергъ далъ на это слѣдующее объясненіе. „Изъ меморіала дѣлъ, въ совѣтъ въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ производившихся, который съ нынѣшней почтою къ вамъ препровождается, ваше превосходительство усмотрѣть изволите отъ 3-го декабря статью, къ личной моей обидѣ клонящуюся. Дѣло слѣдующее: по полученіи предписанія вашего превосходительства отъ 9-го ноября прошлаго 1826 года о томъ, чтобы мнѣ немедленно отправиться въ С.-Петербургъ, и на другой день созвалъ совѣтъ, объявилъ ему волю вашу, сдалъ по предписанію должность Могилевскому, лекціи же поручилъ профессору Куницкому и кандидату Сокальскому. Заботясь равно и о томъ, чтобы и въ моемъ отсутствіи наблюдаема была между студентами, особливо казеннокоштными, та дисциплина, безъ которой никакое заведеніе въ порядкѣ быть не можетъ и которую я съ толикимъ трудомъ только что началъ укоренять, при существующихъ обстоятельствахъ, которыя и вашему превосходительству извѣстны, и нужнымъ почелъ поручить до моего возвращенія ближайшій надзоръ экстраординарному профессору Байкову и позволить ему на сей конецъ занять ректорскую квартиру. О такомъ моемъ распоряженіи я имѣлъ честь донести вашему

превосходительству 27-го ноября. Объ этомъ дать знать какъ словесно, такъ и письменно и заступившему мое мѣсто профессору Могилевскому. Письмо это въ копіи честь имѣю приложить, дабы ваше превосходительство усмотрѣть изволили, что въ немъ заключается тоже самое, что я имѣлъ честь донести вашему превосходительству. Нынѣ, читая меморіаль дѣль, производившихся въ совѣтъ за декабрь мѣсяць, нахожу, что 3-го декабря г. Пауловичъ подалъ въ совѣтъ донесеніе, которымъ требуетъ выдачи ему копіи съ моего письма къ профессору Могилевскому, называя распоряженіе, мною сдѣланное, незаконнымъ. Въ меморіаль же донесеніе его помѣщено не вполнѣ, почему и прилагаю здѣсь копію съ его донесенія. Въ этомъ донесеніи г. Пауловичъ 1) называетъ распоряженіе, мною сдѣланное, незаконнымъ, 2) упрекаетъ меня въ личности, недоброжелательствѣ и въ томъ, что я его предъ начальствомъ, т. е. предъ вашимъ превосходительствомъ, чернилъ. На это донесеніе г. Пауловича, въ столь оскорбительныхъ выраженіяхъ написанное, я прошу покорнѣйше ваше превосходительство обратить вниманіе и удостоить меня вашей защиты. Такое распоряженіе сдѣлать я считалъ себя въ правѣ, потому что въ § 16 устава сказано: „въ случаяхъ важныхъ, касающихся до блага всего университета и времени не терпящихъ, ректоръ самъ собою предпринимаетъ нужныя мѣры, о которыхъ однако въ первое обыкновенное или судя по важности въ чрезвычайное засѣданіе увѣдомляетъ членовъ университетскаго правленія, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій“. Да еслибъ это въ уставѣ и не было сказано, то въ силу § 13-го, по которому вся отвѣтственность за благочиніе во всѣхъ частяхъ и за внутренній порядокъ университета лежитъ на ректорѣ, какъ главѣ университета, я имѣлъ на то право. И вообще, распоряженіе дѣлаемое или прямо для блага университета, или для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ, какъ можно назвать незаконнымъ? Если ректоръ не имѣетъ никакой власти, никакого права и не можетъ дѣлать никакого распоряженія, не подвергая себя оскорбительнымъ нападеніямъ какого либо члена совѣта или правленія, то какой онъ глава университета! Я поступилъ по совѣсти, побуждаемый желаніемъ добра, поступилъ по точному смыслу § 16-го. Кромѣ того, что я имѣлъ честь донести объ этомъ вашему превосходительству, какъ высшему начальнику университета, я увѣдомилъ и заступившаго мое мѣсто. Г. профессоръ Могилевскій предъявилъ мое письмо въ совѣтъ; совѣтъ положилъ оставить все по прежнему, до полученія утвержденія отъ вашего превосходительства, слѣдовательно, не согласился на мое распоряженіе; и г. Пауловичъ, считавшій себя обиженнымъ, могъ бы остаться до-

вольнымъ. Въмѣсто того онъ 3-го декабря подаетъ донесеніе, въ которомъ считаетъ себя *устраненнымъ* отъ должности инспектора. Мнѣ и на умъ не приходило его устранять, не имѣя на то никакого права. Я поручилъ г. Байкову *ближайшій* надзоръ. Развѣ это значить устранить инспектора, имѣющаго *главный* надзоръ? Въ такомъ случаѣ г. Пауловичъ (по его мнѣнію) былъ устраненъ, когда опредѣлили недель, долженствующихъ имѣть *ближайшій* надзоръ. *Ближайшій* надзоръ необходимо нуженъ; старшій педель Рыбасовъ не имѣетъ довольно авторитета, чтобы содержать студентовъ въ должномъ порядкѣ и благочиніи; г. Пауловичъ живетъ довольно далеко отъ университета и хотя и посѣщалъ по 2 и 3 раза въ день студентовъ, но такіа краткія посѣщенія недостаточны. Силы одного человѣка недостаточны, чтобы всюду успѣвать; по сему и введены разные подчиненныя должности. Но эти должности съ опредѣленною для нихъ властію установлены не для того, чтобы упорно защищать мнимую святость границъ ихъ, а для того, чтобы содѣйствовать общими силами къ достиженію назначенной правительствомъ цѣли. Г. Пауловичъ не могъ того требовать отъ г. Байкова, что тотъ изъ чистаго усердія и уваженія ко мнѣ сдѣлалъ. И по этому г. Пауловичъ, вмѣсто того чтобы считать себя *устраненнымъ*, долженъ бы меня еще благодарить, если бы онъ дѣйствительно желалъ порядка на дѣлѣ, а не по одной формѣ, и еслибъ хотѣлъ сознаться, что *главный* надзоръ инспектора, живущаго довольно далеко отъ ввѣренныхъ ему молодыхъ людей, недостаточенъ безъ *ближайшаго* надзора. Но г. Пауловичъ, съ намѣреніемъ или безъ него, смѣшиваетъ въ своемъ донесеніи понятія *ближайшій* и *главный* надзоръ, ибо въ одномъ мѣстѣ пишетъ онъ, что я поручилъ г. Байкову *главный* надзоръ, въ другомъ—*ближайшій*. Я много обязанъ г. Байкову, что онъ тогда не отказался отъ порученнаго ему надзора, и дѣятельность его истинно заслуживаетъ отличія. Осмѣливаюсь всепокорнѣе просить ваше превосходительство изъяснить ему за то ваше благоволеніе. Въ самомъ началѣ г. Пауловичъ не только не находитъ, но и вообразить себѣ не можетъ никакой законной причины—кромѣ *личности* и *недоброжелательства*, почему я безъ предписанія высшаго начальства и т. д. его устранилъ отъ должности инспекторской. Потомъ увѣряя, что онъ до сего времени, благодаря Бога, содержитъ корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ, сколько возможно, прилично, чисто и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно (что совершенно несправедливо ибо возможное приличіе и чистота введены и наблюдаются мною при дѣятельномъ содѣйствіи г. Байкова; лучшее поведеніе, послушаніе, прилежаніе, о чемъ г. Пауловичъ не упоминаетъ, внушены мною), про-

превосходительству 27-го ноября. Объ этомъ далъ знать какъ словесно, такъ и письменно и заступившему мое мѣсто профессору Могилевскому. Письмо это въ копіи честь имѣю приложить, дабы ваше превосходительство усмотрѣть изволили, что въ немъ заключается тоже самое, что я имѣлъ честь донести вашему превосходительству. Нынѣ, читая меморіаль дѣль, производившихся въ совѣтѣ за декабрь мѣсяцъ, нахожу, что 3-го декабря г. Пауловичъ подалъ въ совѣтъ донесеніе, которымъ требуетъ выдачи ему копіи съ моего письма къ профессору Могилевскому, называя распоряженіе, мною сдѣланное, незаконнымъ. Въ меморіаль же донесеніе его помѣщено не вполнѣ, почему и прилагаю здѣсь копію съ его донесенія. Въ этомъ донесеніи г. Пауловичъ 1) называетъ распоряженіе, мною сдѣланное, незаконнымъ, 2) упрекаетъ меня въ личности, недоброжелательствѣ и въ томъ, что я его предъ начальствомъ, т. е. предъ вашимъ превосходительствомъ, чернилъ. На это донесеніе г. Пауловича, въ столь оскорбительныхъ выраженіяхъ написанное, я прошу покорнѣйше ваше превосходительство обратить вниманіе и удостоить меня вашей защиты. Такое распоряженіе сдѣлать я считалъ себя въ правѣ, потому что въ § 16 устава сказано: „въ случаяхъ важныхъ, касающихся до блага всего университета и времени не терпящихъ, ректоръ самъ собою предпринимаетъ нужныя мѣры, о которыхъ однако въ первое обыкновенное или судя по важности въ чрезвычайное засѣданіе увѣдомляетъ членовъ университетскаго правленія, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій“. Да еслибъ это въ уставѣ и не было сказано, то въ силу § 13-го, по которому вся отвѣтственность за благочиніе во всѣхъ частяхъ и за внутренний порядокъ университета лежитъ на ректорѣ, какъ главѣ университета, я имѣлъ на то право. И вообще, распоряженіе дѣлаемое или прямо для блага университета, или для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ, какъ можно назвать незаконнымъ? Если ректоръ не имѣетъ никакой власти, никакого права и не можетъ дѣлать никакого распоряженія, не подвергая себя оскорбительнымъ нападеніямъ какого либо члена совѣта или правленія, то какой онъ глава университета! Я поступилъ по совѣсти, побуждаемый желаніемъ добра, поступилъ по точному смыслу § 16-го. Кромѣ того, что я имѣлъ честь донести объ этомъ вашему превосходительству, какъ высшему начальнику университета, я увѣдомилъ и заступившаго мое мѣсто. Г. профессоръ Могилевскій предъявилъ мое письмо въ совѣтѣ; совѣтъ положилъ оставить все по прежнему, до полученія утвержденія отъ вашего превосходительства, слѣдовательно, не согласился на мое распоряженіе; и г. Пауловичъ, считавшій себя обиженнымъ, могъ бы остаться до-

вольнымъ. Въмѣсто того онъ 3-го декабря подаетъ донесеніе, въ которомъ считаетъ себя *устраненнымъ* отъ должности инспектора. Мнѣ и на умъ не приходило его устранять, не имѣя на то никакого права. Я поручилъ г. Байкову *ближайшій* надзоръ. Развѣ это значить устранить инспектора, имѣющаго *главный* надзоръ? Въ такомъ случаѣ г. Пауловичъ (по его мнѣнію) былъ устраненъ, когда опредѣлили недель, долженствующихъ имѣть *ближайшій* надзоръ. *Ближайшій* надзоръ необходимо нуженъ; старшій педель Рыбасовъ не имѣетъ довольно авторитета, чтобы содержать студентовъ въ должномъ порядкѣ и благочиніи; г. Пауловичъ живетъ довольно далеко отъ университета и хотя и посѣщалъ по 2 и 3 раза въ день студентовъ, но такіа краткія посѣщенія недостаточны. Силы одного человѣка недостаточны, чтобы всюду успѣвать; по сему и введены разные подчиненныя должности. Но эти должности съ опредѣленною для нихъ властію установлены не для того, чтобы упорно защищать мнимую святость границъ ихъ, а для того, чтобы содѣйствовать общими силами къ достиженію назначенной правительствомъ цѣли. Г. Пауловичъ не могъ того требовать отъ г. Байкова, что тотъ изъ чистаго усердія и уваженія ко мнѣ сдѣлалъ. И по этому г. Пауловичъ, вмѣсто того чтобы считать себя *устраненнымъ*, долженъ бы меня еще благодарить, еслибы онъ дѣйствительно желалъ порядка на дѣлѣ, а не по одной формѣ, и еслибъ хотѣлъ сознаться, что *главный* надзоръ инспектора, живущаго довольно далеко отъ ввѣренныхъ ему молодыхъ людей, недостаточенъ безъ *ближайшаго* надзора. Но г. Пауловичъ, съ намѣреніемъ или безъ него, смѣшиваетъ въ своемъ донесеніи понятія *ближайшій* и *главный* надзоръ, ибо въ одномъ мѣстѣ пишетъ онъ, что я поручилъ г. Байкову *главный* надзоръ, въ другомъ—*ближайшій*. Я много обязанъ г. Байкову, что онъ тогда не отказался отъ порученнаго ему надзора, и дѣятельность его истинно заслуживаетъ отличія. Осмѣливаюсь всепокорнѣе просить ваше превосходительство изъяснить ему за то ваше благоволеніе. Въ самую началѣ г. Пауловичъ не только не находитъ, но и вообразить себѣ не можетъ никакой законной причины—кромѣ *личности* и *недоброжелательства*, почему и безъ предписанія высшаго начальства и т. д. его устранилъ отъ должности инспекторской. Потомъ увѣряя, что онъ до сего времени, благодаря Бога, содержитъ корпусъ казеннокаштныхъ студентовъ, сколько возможно, прилично, чисто и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно (что совершенно несправедливо ибо возможное приличіе и чистота введены и наблюдаются мною при дѣятельномъ содѣйствіи г. Байкова; лучшее поведеніе, послушаніе, прилежаніе, о чемъ г. Пауловичъ не упоминаетъ, внушены мною), про-

силь сѣмъ освидѣтельствовать таковыя ея труды, дабы онъ могъ удостовѣриться, что я дѣйствительно не имѣлъ никакой законной причины, а по одной только личности и недоброжелательству, какъ видно, съ намѣреніемъ очернить его непорочную службу предъ высшимъ начальствомъ рѣшился устранить его самовольно и т. д. Наконецъ упоминая о томъ, что я объ этомъ распоряженіи донесъ вашему превосходительству прибавляеть, что я этого безъ показанія какихъ нибудь выдуманыхъ причинъ въ обиду непорочной и долговременной ея службы сдѣлать не могъ. На такія тажкія обвиненія честь имѣю отвѣчать, что я личности противъ г. Пауловича никогда не имѣлъ, о недоброжелательствѣ судить — дѣло весьма трудное и щекотливое; изъ чего видно это гнусное намѣреніе чернить непорочную службу и почему я не могъ донести вашему превосходительству о моемъ распоряженіи безъ показанія какихъ нибудь выдуманныхъ причинъ въ обиду непорочной службы, я понять не могу. Г. Пауловичъ выставляетъ меня клеветникомъ! Ссылаюсь на ваше превосходительство, чернилъ ли я когда либо г. Пауловича или кого нибудь другого предъ высшимъ начальствомъ, т. е. предъ вашимъ превосходительствомъ. Если бы г. Пауловичъ воздержался отъ такихъ оскорбительныхъ выраженій, я, конечно, не беспокоилъ бы ваше превосходительство жалобою. Теперь же я долженъ вступить за собственную честь мою и за честь того мѣста, которое занимаю. Посему покорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить на таковой поступокъ г. Пауловича вниманіе и удостоить меня вашей защиты. Прошу покорнѣйше меня оправдать и предписать, чтобы возвращено было г. Пауловичу его донесеніе, дабы такая для чести моей, какъ чиновника вообще и какъ предсѣдателя университетскаго совѣта въ особенности, предосудительная бумага не находилась при дѣлахъ совѣта“.

Попечитель написалъ совѣту, что признаеть распоряженія Кронеберга правильными, а Байкову выражаетъ признательность за его труды по инспекціи. Вскорѣ, по (3-го декабря 1826 года) ходатайству А. А. Перовскаго, министерство разрѣшило давать Байкову кромѣ 400 руб. штатнаго содержанія по должности инспектора казенно-коштныхъ студентовъ еще 800 руб. изъ университетскихъ суммъ за исправленіе должности инспектора своекоштныхъ студентовъ. Противъ Кронеберга была сильная оппозиція и въ правленіи, которое постановило не выдавать ему дровъ въ виду того, что онъ не жилъ въ казенной квартирѣ, а частной и получалъ квартирные деньги. Это его сильно разгнѣвало и онъ написалъ по этому поводу слѣдующее рѣзкое письмо А. А. Перовскому по адресу правленія. „Съ нынѣшнемъ

почтою члены университетскаго правленія утруждаютъ ваше превосходительство представленіемъ, касающимъ меня, въ которомъ сказано, что я желаю пользоваться казенными дровами и свѣчами, при полученіи положенныхъ квартирныхъ денегъ, о каковомъ желаніи они и представляютъ вашему превосходительству. Я долгомъ своимъ почитаю донести вашему превосходительству, что я подобнаго желанія членамъ правленія никогда не объявлялъ, а со вступленія моего въ настоящую должность пользовался и пользуюсь этими выгодами по примѣру всѣхъ моихъ предмѣстниковъ. Не говорю уже о томъ, что тутъ подъ личною соблюденія законнаго порядка укрывается одна только личность, и что если бы члены правленія дѣйствительно желали соблюсти законный порядокъ, а не управляемы были другимъ весьма непохвальнымъ чувствомъ, то гораздо приличнѣе и вѣжливѣе было бы съ ихъ стороны предоставить мнѣ самому о своихъ выгодахъ ходатайствовать вашему превосходительству. Но помѣщеніе неправды въ представленіи къ вашему превосходительству есть поступокъ дерзкій, а для меня обидный, поелику относится ко мнѣ, приписывая мнѣ то, о чемъ я и не помышлялъ. Объявлять свои желанія членамъ правленія въ тѣмъ, чтобы они объ удовлетвореніи ихъ ходатайствовали у начальника—это столь мало соотвѣтствуетъ чувству должнаго почтенія, правиламъ вѣжливости и даже здравому разсудку, что я не лишнимъ считаю еще разъ повторить, что я никакого желанія членамъ правленія не объявлялъ и ихъ не просилъ объ удовлетвореніи представлять вашему превосходительству. Этотъ поступокъ ихъ обнаруживаетъ совершенное пренебреженіе истины, порядка и начальства и ясно доказываетъ, что нѣтъ тутъ никакого чувства приличія, никакой подчиненности, и едва ли найдется по другимъ присутственнымъ мѣстамъ государственнаго правленія подобный примѣръ. Они дѣлаютъ рѣшеніе и помѣщаютъ его въ журналъ безъ согласія на то предсѣдателя.— Они помѣщаютъ въ представленіе свое къ вашему превосходительству неправду.— Они умалчиваютъ въ немъ о протестѣ, написанномъ мною въ журналѣ противъ той статьи, въ которой упоминается объ этомъ дѣлѣ.—Прошу всепокорнѣйше ваше превосходительство обратить на таковой поступокъ членовъ правленія особенное вниманіе ваше. Что же касается до вышеупомянутыхъ выгодъ, то прошу покорнѣйше ваше превосходительство мнѣ позволить пользоваться ими по примѣру всѣхъ моихъ предмѣстниковъ“. Попечитель сталъ на сторону обиженнаго ректора и написалъ въ правленіе слѣдующую бумагу. „Поступившую ко мнѣ отъ имени правленія этого университета бумагу, касательно отпуска управляющему должность ректора дровъ и свѣчей, я возвращаю при

семъ, какъ несообразную съ обыкновеннымъ порядкомъ дѣлъ и не обстоятельную потому, 1) что она г. предсѣдательствующимъ не подписана; 2) что въ ней не объяснено: когда и какимъ образомъ г. Кронебергъ изъяснилъ желаніе пользоваться упомянутыми выгодами? Также, пользовался ли онъ ими со времени утвержденія своего въ настоящей должности? и если пользовался, то почему правленіе университета находитъ нынѣ неудобноисполнимымъ то, въ чемъ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ не встрѣчалось никакого затрудненія? 3) что правленію должно быть извѣстно, въ какомъ количествѣ всѣ прежде бывшіе ректоры университета получали отъ него дрова и свѣчи; а потому и не настояло надобности спрашивать новаго назначенія тому, что издавна уже опредѣлено и исполняется безпрепятственно, или по крайней мѣрѣ надлежало показать съ точностію количество означенныхъ вещей, коими предшественники г. Кронеберга пользовались, упомянувъ притомъ, достаточно-ли ихъ или нѣтъ въ настоящее время и сколько предполагается опредѣлительно назначить на будущее; наконецъ, 4) что, представивъ мнѣніе проф. Даниловича, не подписавшаго упомянутой бумаги, какъ такой, въ которой онъ не находитъ основательной причины, правленіе совершенно умалчиваетъ о томъ, почему г. Кронебергъ, какъ предсѣдательствующій, не подписалъ ея, и было-ли съ его стороны по сему случаю какое-либо возраженіе и тому подобное“. Такое же столкновеніе, но уже по поводу свѣчей, произошло между правленіемъ и Байковымъ. Очевидно, правленіе было враждебно настроено противъ Кронеберга и Байкова. Отдавая должное выдающемуся уму Кронеберга, его характеру, настойчивости, мы въ то же время замѣчаемъ у него черты автократизма и самовластия по отношенію къ университетской коллегіи. Въ своей оправдательной запискѣ попечителю онъ ссылагся на разные параграфы устава, но не хочетъ привести того, на который самъ указывалъ въ своемъ первомъ обращеніи къ А. А. Перовскому, по которому на случай отсутствія ректора замѣстители ему избираетъ совѣтъ. Очевидно, и онъ, подобно попечителю и въ тонъ ему, хотѣлъ, какъ о томъ говорить въ своей запискѣ твердой ректорской власти, независимой отъ совѣта. Не безъ согласія его и А. А. Перовскій ходатайствовалъ передъ министромъ о назначенія его ректоромъ безъ выборовъ совѣта и безъ опредѣленія срока. Попечитель видѣлъ въ немъ энергичнаго и вполне подходящаго для новой роли ректора. Но и университетская коллегія, съ своей стороны, конечно, не хотѣла примириться съ новыми порядками, упразднившими власть и значеніе, предоставленныя ей Высочайше утвержденнымъ и не отиѣненнымъ уставомъ. На этой то почвѣ и происходила тлущая борьба и столкновенія въ родѣ описанныхъ выше, при чемъ попечитель

былъ явлю на сторонѣ своего любимца Байкова и желавшаго ладить съ нимъ ректора Кронеберга. Но по натурѣ своей Кронебергъ не могъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ Байковъ—онъ былъ все-таки настоящій университетскій дѣятель, талантливый ученый профессоръ и благородный человѣкъ, — и потому не былъ въ состояніи долго выносить своего тяжелаго положенія и въ 1829 году самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ этомъ прошеніи ясно чувствуется нота грусти, обиды и разочарованія. Вотъ его текстъ. „Трудное мое положеніе, о которомъ я имѣлъ честь представлять вашему превосходительству въ письмѣ моемъ отъ 25 февраля прошлаго 1828 года, и разныя другія обстоятельства вынуждаютъ меня утруждать ваше превосходительство покорнѣйшею просьбою исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ должности ректора, оставивъ меня по прежнему только при должности профессора. Пожертвовавъ усердному исполненію обязанностей по возложенному на меня званію ректора невозвратнымъ временемъ, здоровьемъ и благосостояніемъ своимъ, поручаю себя благосклонному начальническому вниманію вашего превосходительства“. Впрочемъ при попечителѣ Головкинѣ онъ снова занялъ ректорскій постъ и остался на немъ три года—съ 1833 по 1836-й годъ, при чемъ ему снова пришлось вынести упорную борьбу съ инспекторомъ студентовъ проф. Венедиктовымъ. Преемникомъ его въ 1829 году былъ избранъ проф. Дудровичъ, нравственная физіономія котораго намъ уже извѣстна: это былъ дѣятель, воспитавшійся въ тяжелой атмосферѣ Карнѣевыхъ и отличавшійся большою способностью приспособляться къ настроенію правящихъ сферъ, типичный представитель въ этомъ отношеніи профессоровъ славянскаго происхожденія. Выборъ Дудровича свидѣтельствуетъ о томъ, что партія противниковъ Кронеберга, во главѣ которой стоялъ Пауловичъ, одержала верхъ. Впрочемъ самъ онъ писалъ, что принимая эту должность, исполняетъ скорѣе волю начальства, чѣмъ желаніе избравшей его коллегіи. Вотъ его письмо попечителю. „Вслѣдствіе предложенія вашего превосходительства объ избраніи другого ректора на мѣсто господина Кронеберга, по большинству голосовъ, жребій палъ на меня. Рассматривая изъ послѣдовавшаго ко мнѣ, по сему случаю, отзыва Александра Васильевича, что вашему превосходительству угодно, дабы я никакъ не отклонялъ отъ себя выбора, и пріобыкнуши всегда повиноваться волѣ начальства, я охотно принимаю на себя эту новую для меня должность, ласкаясь пріятнѣйшей надеждой, что ваше превосходительство, если не буду въ состояніи, по всѣмъ отношеніямъ, соответствовать праведливому начальническому ожиданіямъ вашимъ, обстоятельства та-

кого не изволите вѣнчать мнѣ въ вину, происходящую отъ неосторожности и невнимательности моей въ сей, какъ по устройенію російскихъ университетовъ вообще, такъ и въ особенности по чрезвычайной обширности Харьковскаго учебнаго округа, многотрудной должности¹⁾. Въ 1830 г. Дудровичъ умеръ и его преемникомъ былъ избранъ проф. хирургіи Н. И. Еллинскій, исполнявшій свои обязанности при новомъ попечителѣ В. И. Филатьевѣ.

Въ ректорство Дудровича большую смуту вызвало дѣло проф. Брандейса по обвиненію его въ нарушеніи благопристойности на университетскомъ актѣ; оно имѣло мѣсто въ 1829 г., въ попечительство А. А. Перовскаго. Проф. Брандейсъ вышелъ на актѣ читать рѣчь не въ мундирѣ, а во фракѣ—и изъ-за этого его обвинили чуть ли не въ политической неблагонадежности. Пребывавшій тогда въ Харьковѣ сенаторъ Горголи обратился къ попечителю А. А. Перовскому, на актѣ не присутствовавшему, съ жалобой такого содержанія: „30-го числа минувшаго августа мѣсяца въ здѣшнемъ университетѣ происходило торжественное ученое собраніе, къ коему приглашена была и публика.—Во всемъ соблюдены были надлежащее приличіе и порядокъ; но при открытіи его, когда собрались духовенство и гражданскіе чиновники,—послѣдніе въ полныхъ мундирахъ, какъ равно и всѣ чины университета, — явился на кафедру, для произнесенія рѣчи на латинскомъ языкѣ, профессоръ Брандейсъ, въ партикулярномъ платьѣ съ распушеннымъ галстукомъ. — На сдѣланное мною объ этомъ неприличіи замѣчаніе г. ректору университета Дудровичу онъ отозвался, что г. Брандейсъ былъ имъ убѣждаемъ находиться въ мундирѣ, съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ о томъ довести до моего свѣдѣнія; но Брандейсъ, не внявъ никакимъ резонамъ, оказалъ явное ослушаніе.—Послѣ этого я, по долгу званія моего, призвалъ г. Брандейса къ себѣ, дѣлалъ ему должное внушеніе, но онъ объявилъ, что не имѣетъ мундира, ибо получаетъ жалованья только 200 руб. въ мѣсяцъ и что будто ваше превосходительство дозволили ему не имѣть его.—Не довѣряя такому отзыву г. Брандейса, и въ виду того, что многіе чиновники, менѣе его получающіе жалованья, имѣютъ надлежащіе мундиры, я призналъ необходимымъ о такомъ неуваженіи къ торжественному дню и почетному собранію, а такъ же о своевольномъ и неприличномъ поступкѣ г. Брандейса, извѣстить васъ, милостивый государь, съ тѣмъ, что г. гражданскій губернаторъ намѣренъ былъ донести о томъ шефу жандармовъ, г. генераль-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 523/27 и 350/18.

адъютанту Бенкендорфу. При этомъ не излишнимъ считаю присовокупить, что поведеніе и поступки г. Брандейса по врачебному его искусству еще болѣе предосудительны; алчность и корыстолюбіе его превосходятъ мѣру; при всякомъ случаѣ, когда, въ крайней необходимости, больные обращаются къ его помощи, онъ, не заботясь о скоромъ подачѣ ей, предварительно торгуется въ цѣнѣ за визиты, требуя по 50-ти и не менѣе 25-ти руб. за каждое посѣщеніе, а если больной находится внѣ города, то къ означенной суммѣ присовокупляется платежъ по 5 руб. на каждую версту. Недавно же, при пользованіи генераль-майора Ведраги,—уже умершаго,—за три часа до его смерти, г. Брандейсъ, увѣряя честію и головою родныхъ, что онъ будетъ живъ и здоровъ, требовалъ сумму денегъ, какая, по обыкновеннымъ его расчетамъ, слѣдовала ему за посѣщенія, т. е. 350 руб. Каковыя и подобныя имъ многіе поступки г. Брандейса, не касаясь безпокойной его нравственности, извѣстны всей здѣшней публикѣ, будучи совершенно не соотвѣтственны почетному званію, имъ носимому, дѣлаютъ совершенный разрывъ между жителями и безславятъ почетное ученое сословіе Харьковскаго университета, которое съ негодованіемъ его переноситъ“.

А. А. Перовскій "далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ, исполненный достоинства и смѣлой откровенности. „Почтеннѣйшее отношеніе вашего превосходительства отъ 5 сентября я имѣлъ честь получить и съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ изъ него, что торжественное собраніе, бывшее въ университетѣ 30 августа, не обошлось безъ неудовольствій. Принося вамъ, милостивый государь, чувствительнѣйшую благодарность за постоянное участіе, принимаемое вами во вѣренномъ мнѣ университетѣ, я долгомъ поставлю со всею откровенностью объяснить мнѣніе мое о поступкѣ профессора Брандейса, навлекшемъ на него негодованіе вашего превосходительства. Обязанность профессоровъ университета заключается въ преподаваніи наукъ, составляющихъ кругъ университетскаго ученія. Если обязанность эту исполняютъ они успѣшно, если стараніями ихъ студенты приобрѣтаютъ полезныя познанія, то профессора имѣютъ право на признательность отечества. Въ этомъ отношеніи Брандейсъ, по мнѣнію моему, удовлетворяетъ въ полной мѣрѣ ожиданіямъ правительства, и я священнымъ долгомъ поставлю во всякое время обращать на подобныя заслуги вниманіе высшаго начальства. Вашему превосходительству, конечно, не безызвѣстно, что университетская клиника, г. Брандейсомъ устроенная, есть одна изъ лучшихъ въ Россіи и, можетъ быть, во всей Европѣ. Къ этому присовокупить еще должно, что ученость этого профессора, методъ его преподаванія, усердіе и всегдашняя исправность собственною по званію наставника и директора клиники, приносятъ честь

университету. Послѣ этого, неимѣніе университетскаго мундира по бѣдности, особенно въ первый годъ службы при университетѣ, я считаю обстоятельствомъ столь маловажнымъ, что если-бы 30 августа мнѣ случилось быть въ Харьковѣ, то я ни мало-бы не усумнился позволить г. Брандейсу читать сочиненную имъ рѣчь во фракѣ. Строгое наблюденіе правилъ носить мундиры (разумѣя здѣсь учебную часть)—полезно относительно студентовъ, ибо они чрезъ то приучаются къ порядку и повиновенію, составляющимъ какъ бы основу воспитанія; но эту строгость несправедливо было-бы распространять на профессоровъ. Когда блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ въ 1825 году былъ въ Таганрогѣ и я имѣлъ счастье представлять ему учителей тамошней гимназіи, въ числѣ которыхъ два было не въ мундирахъ, то Его Величество, на объясненіе мое о недостаточномъ ихъ состояніи, изволилъ сказать мнѣ: „Vous n'avez pas besoin de les excuser; L'essentiel est qu'ils fassent leur devoir. Quant à l'uniforme, c'est une chose entièrement indifférente pour un instituteur“. Откровенность, съ какою я объясняюсь съ вашимъ превосходительствомъ, основана на личномъ моемъ къ вамъ уваженіи и на дружескомъ вашемъ расположеніи, которымъ съ давняго времени я имѣю честь пользоваться. Тѣмъ непріятнѣе для меня было, что г. Брандейсъ, вслѣдствіе сдѣланнаго ему вами, милостивый государь, выговора, подалъ прошеніе объ отставкѣ, ибо я не могу скрыть отъ васъ, что удаленіе этого профессора я считаю большою потерей для университета. Благо-расположеніе вашего превосходительства ко мнѣ подаетъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить васъ о благосклонномъ содѣйствіи вашемъ, чтобы г. Брандейсъ принялъ обратно поданное имъ въ совѣтъ Харьковского университета прошеніе. Этимъ вы изволите оказать истинную услугу университету и самого меня обяжете искреннѣйшею къ вамъ благодарностію. Что касается до высокой цѣны, г. Брандейсомъ, при лѣченіи имъ больныхъ, за визиты требуемой, то обстоятельство это, какъ совершенно частное, вовсе ко мнѣ не относится. Оно только можетъ повредить самому г. Брандейсу, лишивъ его постороннихъ доходовъ за практику, если, предположимъ, что больные не станутъ приглашать его къ себѣ по причинѣ дорогой цѣны и т. п. Но при этомъ я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ вашего превосходительства на счетъ предполагаемаго въ Брандейсѣ корыстолюбія. Мнѣ извѣстно, что онъ съ бѣдныхъ, за пользованіе ихъ, не требуетъ ничего, и студентовъ университета охотно лѣчитъ безъ всякой платы. Устройство же и содержаніе имъ въ отличномъ порядкѣ—при весьма умѣренныхъ издержкахъ, особенно въ сравненіи съ прежними годами—вѣренной ему университе-

томъ клиники, еще болѣе удостовѣряють меня въ его безкорыстіи и вмѣстѣ усердіи относительно изысканія и употребленія способовъ и средствъ къ соблюденію казеннаго интереса, а не своего частнаго“. (30 сент. 1829 г., Петербургъ). Харьковскій губернаторъ, а, можетъ быть, начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія дѣйствительно отправилъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу донесеніе на профессора Брандейса, гдѣ писалъ. „Въ 1828 году прибылъ въ Харьковскій университетъ профессоръ медицины Брандейсъ и выказалъ въ короткое время безпокойный нравъ и слишкомъ вольный образъ мыслей. Въ практикѣ онъ несчастливъ и потому всѣми оставленъ; можетъ быть, онъ имѣетъ хорошія познанія, но его правила и вольныя разсужденія могутъ сдѣлаться вредными молодымъ людямъ, ввѣреннымъ ему для обученія. 30 августа, во время торжественнаго собранія университета, куда приглашены были гг. сенаторъ Горголи, гражданскій губернаторъ, всѣ военные и гражданскіе чиновники и почетнѣйшіе помѣщики, всѣ были въ мундирахъ, одинъ только профессоръ Брандейсъ, долженствовавшій говорить рѣчь, явился во фракѣ. Ректоръ университета тиетно убѣждалъ его одѣться приличнѣе; Брандейсъ, ко всеобщему неудовольствію, явился на кафедру въ своемъ небрежномъ нарядѣ. Г. сенаторъ Горголи замѣтилъ ему это, но онъ отвѣчалъ, что г. попечитель позволилъ ему не носить мундира, и потомъ жаловался попечителю на г. сенатора Горголи“. Гр. Бенкендорфъ сообщилъ этотъ доносъ министру народнаго просвѣщенія, а тотъ затребовалъ объясненія отъ попечителя, который и на этотъ разъ далъ такой же смѣлый и благородный отвѣтъ, какъ и прежде сенатору Горголи. „На предписаніе вашей свѣтлости отъ 10 текущаго октября, писалъ онъ тамъ, съ приложеніемъ копии съ записки, сообщенной вамъ г. генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ о профессорѣ Харьковскаго университета Брандейсѣ, честь имѣю отвѣтствовать, что образъ мыслей и поведеніе этого профессора мнѣ довольно извѣстны. Это—человѣкъ, совершенно посвятившій себя занятіямъ по учебной части. Главная и единственная цѣль его желаній и дѣйствій есть точное и неуклонное исполненіе своихъ обязанностей по службѣ; и то, что другой можетъ почесть въ немъ за *безпокойный нравъ*, есть только, такъ сказать, избытокъ ревности къ достиженію упомянутой цѣли и нѣкоторая петирипливость, соединенная съ прямою и откровенностію, при встрѣчѣ какихъ-либо къ тому препятствій. Слишкомъ вольнаго образа мыслей, равно какъ и правилъ и разсужденій, которыя могли-бы сдѣлаться вредными молодымъ людямъ, его лекціи посѣщающимъ, онъ во все время служенія своего при университетѣ никогда еще и ничѣмъ не показалъ. На лекціяхъ онъ кромѣ

предметовъ, непосредственно къ преподаваемой имъ наукѣ относящихся и существенно полезныхъ для слушателей—ни о чемъ постороннемъ не разсуждаетъ; а въ сочиненіяхъ своихъ торжественно обнаруживаетъ чувства искренней преданности престолу и правительству и чистоту нравственныхъ началъ въ образѣ мыслей и сужденій своихъ. Что же касается до одежды, въ которой онъ 30 минувшаго августа, въ торжественномъ собраніи университета, читалъ рѣчь свою, то я имѣлъ уже объ этомъ предварительное свѣденіе; но осмѣливаюсь доложить вашей свѣтлости, что въ этомъ поступкѣ г. Брандейса, какъ совершенно виновномъ, никакихъ предосудительныхъ намѣреній со стороны его не предполагаю и сдѣланномъ единственно по неимѣнію (по причинѣ недостаточнаго состоянія, особенно въ началѣ службы при университетѣ) мундира, я не нахожу ничего особеннаго, что могло-бы кому-либо показаться оскорбительнымъ, или возбудить, какъ въ упомянутой запискѣ означено, неудовольствіе. Объ этомъ происшествіи писалъ ко мнѣ и г. сенаторъ Горголи, отъ 5 минувшаго сентября. Отвѣтъ мой на его письмо честь имѣю при этомъ въ копіи представить вашей свѣтлости.

А. А. Перовскаго смѣнилъ въ должности попечителя д. ст. сов. *Владиміръ Ивановичъ Филатъевъ*, назначенный на этотъ постъ 28 апрѣля 1830 г. Изъ формуляра его не видно, чтобы онъ получилъ образованіе въ какомъ нибудь училищѣ. Родился онъ въ 1782 году, а въ 1790 году, т. е. 8 лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ уже на службу вахмистромъ въ конный лейбъ-гвардейскій полкъ, въ 1799 г. произведенъ въ эскадронъ—юнкера и корнеты, въ 1801 году—въ поручики, въ 1802 году—въ штабъ-ротмистры, въ 1803 году—въ ротмистры, въ 1804 году уволенъ по прошенію отъ службы въ чинѣ полковника, въ 1806 году по выбору ростовскаго дворянства сдѣланъ былъ начальникомъ уѣздной милиціи, по сформированіи батальоновъ Ярославскаго земскаго ополченія, въ 1807 году опредѣленъ бригаднымъ командиромъ, по окончаніи службы въ земскомъ ополченіи получилъ золотую медаль и право ношенія мундира. Затѣмъ состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. съ 1812 по 1815 годъ; въ этомъ же году избранъ былъ въ губернскіе предводители дворянства и служилъ 4 трехлѣтія—до 1827 года—и въ это время получилъ ордена: Анны 2-й степени съ алмазами, Владиміра 3-й ст. и чины статскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1827 году назначенъ былъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1828 году членомъ комитета по устройству казенныхъ крестьянъ и членомъ главнаго управленія цензуры отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сверхъ жалованья по этой послѣдней должности повелѣно выдавать

ему по 3000 р., пока будетъ состоять членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ; имѣлъ знакъ безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ у него была д. Чанниково съ 294 душами крѣпостныхъ; за 2-ю женою его числилось въ Мышкинскомъ уѣздѣ Ярославской губ. въ с. Ивашовѣ 99; да за дѣтьми отъ 1-го брака 130 душъ въ Ярославской и Калужской губ. Въ моментъ назначенія попечителемъ ему было 50 лѣтъ; онъ былъ женатъ и имѣлъ 3-хъ сыновей, воспитывавшихся въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія (19, 18 и 17 лѣтъ отъ роду) и 2-хъ дочерей (12 и 8 лѣтъ)¹⁾. Жалованья ему по должности попечителя было назначено 3000 р. и 3600 р. столовыхъ. Получилъ назначеніе онъ 28 апрѣля 1830 года, но въ Харьковъ по-видимому пріѣхалъ только въ январѣ 1831 года. А. А. Перовскій, какъ мы видѣли, уничтожилъ выборное начало въ Харьковскомъ университетѣ для того, чтобы имѣть возможность самому замѣщать вакантныя кѣдры—а между тѣмъ послѣ выхода его въ отставку въ университетѣ оказалась масса вакантныхъ кѣдръ—едва ли не больше, чѣмъ при назначеніи его на должность,—и новый попечитель главное вниманіе свое обратилъ на это болѣе мѣсто университетской жизни. Къ сожалѣнію, у него не было ни должнаго образованія и развитія, ни достаточнаго житейскаго опыта и знанія людей для успѣшнаго исполненія новой должности. Къ тому же онъ впалъ въ ошибку своихъ предшественниковъ З. Я. и Е. В. Каріевыхъ—и старался замѣщать профессорскія кѣдры людьми, удовлетворявшими требованіямъ благонамѣренности, а не научнаго ценза; но притвориться благонамѣреннымъ было, конечно, не трудно, и потому теперь появились въ университетской коллегіи такіе преподаватели, которые только компрометировали университетъ. Вотъ подлинный отчетъ В. Филатѣева о его первоначальныхъ распоряженіяхъ по университету, представленный имъ министру народнаго просвѣщенія князю Ливену 10 іюля 1831 года. „По волѣ и желанію вашей свѣтлости, принявъ на себя обязанность попечителя Императорскаго Харьковского университета и зависящаго отъ него округа, я считаю себя обязаннымъ, по мѣрѣ силъ моихъ, быть полезнымъ въ этой службѣ моей, имѣя постояннымъ правиломъ: не увлекаться блескомъ и суетностію, а стремиться къ истинно полезной цѣли общаго блага, основаннаго на религіи, нравственности, любви къ отечеству, преданности законамъ государства и въ особенности къ Монарху, всѣмъ намъ благодѣющему. На этихъ-то началахъ стараюсь основывать образованіе юношества, учащагося въ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣ подвѣдомыхъ; стремись распро-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 34256/722.

странять кругъ познаній, вмѣстѣ съ тѣмъ озабочиваюсь дать истинное, прямое и полезное направленіе познаніямъ, и, развертывая понятія, образуя умы, указать истинную пользу прямого ученія, для блага собственнаго и общаго. Но для конечнаго успѣха въ этомъ необходимо начальническое вашей свѣтлости одобреніе и содѣйствіе, продолженіе той довѣренности, которою до настоящаго времени имѣю счастье пользоваться. Для большей ясности моихъ намѣреній, клонящихся къ лучшему устройству учебной части, первоначально по университету, я долженъ обременить вашу свѣтлость нѣкоторыми подробностями и начать донесеніе мое отъ начала личнаго моего присутствія въ Харьковѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, въ январѣ мѣсяцѣ этого года, я усмотрѣлъ, что въ университетѣ недостаеъ для многихъ предметовъ профессоровъ и преподавателей, а потому многіе предметы вовсе не преподавались или преподавались недостаточно, ибо, кромѣ значительнаго недостатка въ преподавателяхъ, профессоръ Даниловичъ откомандированъ въ Петербургъ, профессора Блюменталь и Венедиктовъ находились въ отсутствіи, по случаю холеры (послѣдній изъ нихъ и по настоящее время въ Петербургѣ при центральной комиссіи), адъюнктъ Золотаревъ переведенъ по Высочайшему повелѣнію въ Новочеркасскую гимназію, кандидатъ Спасскій былъ боленъ и внослѣдствіи умеръ, кафедра покойнаго ректора Дудровича не была ни кѣмъ занята, и такимъ образомъ, не только философія въ университетѣ, но даже и логика—наука столь необходимая для каждаго мыслящаго существа, одареннаго разумомъ и волею, не была никѣмъ преподаваема. Въ русскомъ университетѣ не преподавалась руссійская словесность, за откомандировкою адъюнкта Золотарева, не читали русскаго права за болѣзнію и смертію кандидата Спасскаго. Въ такомъ положеніи университета я обязанъ былъ безотлагательно заняться пополненіемъ столь существенныхъ недостатковъ и сдѣлалъ слѣдующее.

а) По этико-политическому факультету, въ которомъ я нашелъ, по пріѣздѣ моемъ, только двухъ профессоровъ на-лицо—протоіерея Могилевскаго и профессора Пауловича,—третій Даниловичъ былъ въ Петербургѣ, а кандидатъ Спасскій уже боленъ—и болѣе на этомъ факультетѣ никого не было.

1. Преподаваніе философіи въ нынѣшнее время сдѣлалось весьма затруднительнымъ отъ ложнаго, худаго направленія умовъ и особенно новыхъ писателей философіи, но преподаваніе ея въ университетѣ необходимо, а потому надобно было избрать для этого предмета человѣка, коего образъ мыслей, религіозное и нравственное направленіе было бы мнѣ извѣстно, и притомъ, имѣющаго не только достаточныя, но хо-

рошія познанія въ философіи и соприкосновенныхъ наукахъ, и наконецъ, который бы согласился и съ моимъ направлєніемъ по этому предмету, ибо преимущественно эту часть наукъ я смѣю принять на свою отвѣтственность, зная важность послѣдствій, могущихъ произойти отъ способа преподаванія этой науки. Таковаго истинно достойнаго во всѣхъ отношенія наставника нашель я въ директорѣ Слободско-Украинской гимназіи Чановѣ, давно мнѣ извѣстномъ по образу мыслей, твердости въ законѣ Божіемъ, чистой нравственности и по обширнымъ его познаніямъ. Я поручилъ ему составить конспектъ, при этомъ прилагаемый, и внимательно разсмотрѣлъ его первоначально самъ, а потомъ въ особомъ комитетѣ, въ который приглашены были мною гг. профессора—ректоръ университета Еллинскій, съ весьма хорошими познаніями и прямымъ образомъ мыслей, деканъ этико-политическаго факультета профессоръ протоіерей Могилевскій, весьма умный священникъ, этого же факультета профессоръ Пауловичъ, чистѣйшей нравственности, съ большими познаніями, ни мало не увлекаемый ни духомъ времени, ни новизнами, твердой и основательной учености чловѣкъ, профессоръ Кронбергъ, извѣстный ученостью своею и занимающійся спеціально философскими науками. Разсмотрѣвъ тщательно этотъ конспектъ, они его одобрили, и я предписалъ директору Чанову начать преподаваніе философіи по этому конспекту, перечитывая предварительно самъ главнѣйшія лекціи, мнѣ представляемыя; такимъ образомъ преподавалась философія съ 10-го марта до закрытія лекцій, по случаю экзаменовъ. При семъ случаѣ имѣю честь препроводить вашей свѣтлости вступительную лекцію директора Чанова; я напечаталъ ее, полагая, что удобнѣе будетъ вашей свѣтлости прочесть ее въ такомъ видѣ, нежели писанную.

2. Поручивъ директору Чанову преподаваніе теоретической и нравственной философіи и исторіи философіи, мнѣ нужно было избрать другаго преподавателя для приготовительныхъ къ ней наукъ, какъ-то: антропологіи и логики—преподавателя, который бы читалъ по одному и тому же направленію, подѣ руководствомъ директора Чанова и моимъ наблюденіемъ. Я нашель въ здѣшнемъ университетѣ, въ лекторѣ нѣмецкаго языка Гренбергѣ, весьма къ тому способнаго и знающаго чловѣка; онъ обучался въ Абовскомъ и Дерптскомъ университетахъ, былъ такъ же въ нѣмецкихъ университетахъ, преимущественно занимался науками богословскими и философскими, съ хорошимъ образомъ мыслей и большими познаніями, знающій достаточно и основательно русскій языкъ, коему я, съ согласія факультета, и поручилъ въ то-же время читать антропологію и логику, по конспекту Чанова, подѣ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ; и до сего времени онъ выполнялъ обя-

занность свою съ похвалою, и съ направленіемъ истиннымъ и благонамѣреннымъ и отъ гг. профессоровъ заслужилъ одобреніе. Относительно психологіи мы еще несовершенно приготовились къ ея преподаванію, но въ будущемъ году и она будетъ преподаваема, со всею осмотрительностью и сообразно тому, чему учить насъ св. Евангеліе и наша Церковь, ибо на этомъ неизбѣломъ основаніи основываю я философское ученіе, иначе оно произведетъ горькіе плоды. Самонадѣянность ума человѣческаго безъ свѣтила вѣры не что иное, какъ лжемудріе. Эстетику будетъ читать студентамъ 3-го курса политическаго и словеснаго отдѣленій профессоръ Кронебергъ; это—его специальность, которою онъ давно занимается.

3. Съ одобренія факультета, адъюнкту Бабичеву поручилъ я преподаваніе россійскаго уголовнаго права и состоящему при университетѣ кандидату Гордѣнкѣ россійское гражданское право. Сверхъ того кандидатъ Криворотовъ давалъ въ политическомъ факультетѣ нѣкоторое понятіе о естественномъ правѣ, весьма принаровленное къ видамъ правительства; мы признали нужнымъ преподаваніе естественнаго права, ибо безъ него связь ученія правъ вовсе прерывается и не имѣетъ той полноты и цѣлости, которая нужна въ системѣ наукъ. На наступающій же академическій годъ кандидатъ Криворотовъ будетъ преподавать два раза въ недѣлю студентамъ 2-го курса естественное право, по своимъ запискамъ, подъ наблюденіемъ ординарнаго профессора Пауловича, а студентамъ 1-го курса исторію римскаго права два же раза въ недѣлю. Такимъ образомъ на политическомъ факультетѣ, послѣ увеличенія числа преподавателей, самое преподаваніе предметовъ соотвѣтствовало его назначенію.

4. Въ словесномъ факультетѣ преподаваніе россійской словесности, по избранію совѣта, поручено состоящему при университетѣ кандидату Якимову, весьма образованному по этой части и знающему новѣйшіе языки, какъ-то: нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій, гишпанскій, также латинскій основательно и порядочно персидскій, коему, по своей охотѣ къ знанію языковъ, обучался у профессора восточныхъ языковъ Дорна.

5. По большому количеству студентовъ и такъ какъ россійская словесность необходима и кромѣ словеснаго для всякаго факультета и въ особенности для этико-политическаго (которые по уставу, якобы не обязаны ее слушать), я совмѣстно съ совѣтомъ университета признаю не только нужнымъ, но и полезнымъ имѣть еще другаго преподавателя ея для политическаго факультета, и таковымъ признали мы учителя здѣшней Харьковской гимназіи Кулжинскаго, человѣка, имѣющаго

весьма основательныя знанія въ російскомъ языкѣ и словесности (нѣкоторыя изъ его сочиненій напечатаны), и онъ вполне достоинъ быть преподавателемъ въ университетѣ, въ гимназій же есть двое преподавателей этого предмета. Кулжинскій еще въ 1825 г. подавалъ просьбу въ университетъ о назначеніи его адъюнктомъ по кафедрѣ російской словесности и признанъ достойнымъ этой кафедры наравнѣ съ кандидатомъ Якимовымъ, а потому положено: имѣть его въ виду. Совѣтъ преподаваніе російской словесности предоставилъ кандидату Якимову болѣе потому, что онъ не имѣлъ еще назначенія, а Кулжинскій имѣлъ и имѣетъ мѣсто старшаго учителя въ здѣшней гимназій.

6. Еще при жизни Филомафитскаго, профессора всеобщей исторіи, географіи и статистики, поручено было мною, по избранію факультета, преподаваніе политической исторіи на этико-политическомъ факультетѣ кандидату сего же университета Цыху, весьма достойному и хорошо знающему исторію, котораго всѣ члены университета мнѣ рекомендовали; выгодный для него отзывъ на опытѣ онъ подтвердилъ, преподавая послѣ смерти Филомафитскаго. На слѣдующій академическій годъ онъ будетъ читать всеобщую исторію въ обоихъ факультетахъ (въ словесномъ и политическомъ), а профессоръ Артемовскій-Гулакъ, который преподаетъ статистику російскаго государства, будетъ излагать и всеобщую статистику, ибо я отмѣнилъ польскую словесность, которая до этого времени здѣсь читалась въ университетѣ, и онъ же профессоръ Артемовскій-Гулакъ будетъ преподавать російскую исторію обоимъ факультетамъ.

7. Здѣшній университетъ не имѣетъ особаго профессора для кафедры политической экономіи, науки столь необходимой для всякаго гражданина въ благоустроенномъ государствѣ, особенно для служащихъ, и я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость объ опредѣленіи на эту кафедру экстраординарнымъ профессоромъ коллежскаго ассессора магистра Г. Степанова, находящагося нынѣ въ Петербургѣ на службѣ въ комиссіи погашенія долговъ подъ начальствомъ Меендорфа и извѣстнаго лично его превосходительству Шторху, по своимъ сочиненіямъ. Онъ изъ здѣшняго университета, но видя, что на него не обращаютъ вниманія, во время попечительства предмѣстника моего, оставилъ Харьковъ, а нынѣ я имѣю отъ него письма, въ которыхъ онъ изъявляетъ желаніе служить и быть полезнымъ университету, а я съ своей стороны, имѣвъ случай лично его узнать, въ бытность мою въ Петербургѣ, считалъ бы большимъ пріобрѣтеніемъ имѣть его здѣсь въ званіи экстраординарнаго профессора, по части политической экономіи и убѣдительно прошу вашу свѣтлость оказать этимъ истинное благодѣяніе университету.

Отзывы здѣшнихъ гг. профессоровъ о познаніяхъ и нравственности магистра Степанова самые лучшіе; я счелъ нужнымъ узнать ихъ мнѣніе о немъ и довести это до свѣдѣнія вашей свѣтлости. Изложивъ вашей свѣтлости эти распоряженія мои по учебной части, осмѣливаюсь присовокупить представленія мои о нѣкоторыхъ поименованныхъ лицахъ, испрашивая покорнѣйше принять ихъ въ ваше начальническое вниманіе, ибо руководствуюсь въ данномъ случаѣ истинною пользою университета¹⁾.

Назначеніе профессоромъ философіи Чанова вызвало, повидимому, сильное неудовольствіе въ Харьковѣ, и это неудовольствіе нашло себѣ выраженіе въ доносѣ на новаго попечителя, полученномъ знаменитымъ Бенкендорфомъ. Этотъ послѣдній сообщилъ его кн. Ливену, а князь Ливень—Филатьеву, который далъ по поводу его свои объясненія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Филатьевъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ на постъ попечителя исключительно кн. Ливену, который былъ предсѣдателемъ въ томъ самомъ цензурномъ комитетѣ, членомъ котораго состоялъ Филатьевъ. Тамъ же мы находимъ нѣсколько наивную просьбу Филатьева къ министру о сообщеніи ему подъ секретомъ имени тайнаго доносчика, дабы онъ могъ принять мѣры противъ его козней; неубѣдительнымъ намъ представляется то мѣсто объясненія Филатьева, гдѣ онъ говоритъ, что можетъ цѣнить о достоинствахъ научныхъ трудовъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ математики и медицины. Вотъ доносъ на Филатьева, присланный гр. Бенкендорфомъ кн. Ливену, и объясненія на него Филатьева. „Почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 29-го прошлаго іюня съ прискорбіемъ имѣлъ честь получить. Представленія мои, къ вашей свѣтлости этой же почтой отправляемые, изготовлены были мною до полученія письма вашего и прежде не отправлены были единственно потому, что я двукратно занемогалъ холерою, а по минованіи этой жестокой болѣзни дней десять былъ въ совершенномъ разслабленіи, отъ котораго еще не совсѣмъ оправился. Не знаю, кого долженъ благодарить за клевету и доносъ на меня, справедливость коего ваша свѣтлость изволите усмотрѣть какъ изъ бумагъ, теперь же отправляемыхъ, такъ и изъ настоящаго моего объясненія.

Подлинныя слова доноса.

Объясненіе.

Попечитель Харьковского университета Филатьевъ назначилъ профессоромъ философіи

Назначать профессоровъ не имѣю права, а я поручилъ преподаваніе философіи г. Чанову

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 40620/1166.

опредѣленнаго имъ же директоромъ Харьковскихъ училищъ г. Чанова.

Г. Чановъ, который хотя и былъ нѣкогда учителемъ въ Деидовскомъ училищѣ, поступивъ уда изъ учениковъ Педагогическаго института, но не имѣетъ никакой ученой степени и никакихъ ознаній по части философіи.

для испытанія его способностей и познаній по части философіи. Г. Чановъ опредѣленъ г. Перовскимъ, а за годъ до того я просилъ вашу свѣтлость о доставленіи мѣста директора г. Чанову въ полуденныхъ губерніяхъ, тогда я еще не думалъ быть попечителемъ, какъ извѣстно и вашей свѣтлости.

Несправедливость изъясненнаго доносчикомъ о прохожденіи службы, какъ по части учебной, такъ и гражданской г. Чановымъ, доказываетъ ясно-формулярный его списокъ, а по заключенію будто-бы г. Чановъ не имѣетъ никакихъ познаній по части философіи, ясно видно, что доносчикъ не знаетъ хорошо г. Чанова и самъ не имѣетъ никакихъ познаній. Мнѣ весьма жаль, что г. Одесскаго попечителя Покровскаго нѣтъ теперь въ С.-Петербурѣ, тогда я просилъ бы вашу свѣтлость сослаться на него относительно степени познаній г. Чанова, что совершенно извѣстно г. Покровскому, и я увѣренъ, что онъ подтвердилъ бы мое мнѣніе, что г. Чановъ можетъ быть профессоромъ философіи, профессоромъ русской словесности и латинской и профессоромъ правъ, притомъ же я имѣлъ честь представить вмѣстѣ съ этимъ вашей свѣтлости конспектъ и вступительную лекцію г. Чанова, по которымъ ваша свѣтлость благоволите сами сдѣлать ваше заключеніе.

При этомъ осмѣливаюсь замѣтить, что иностранцы, коихъ прямо принимаютъ профессорами, развѣ болѣе русскихъ имѣютъ право на то; напримѣръ, здѣсь въ Харьковѣ *проф. Брандейсъ*, о которомъ нѣтъ никакой видимости въ дѣлахъ университета, кто онъ таковъ, хотя г. Перовскій назвалъ его въ своихъ бумагахъ докторомъ; *профессоръ Мауреръ* не имѣетъ ученой степени, какъ видно изъ формулярнаго его списка, также и *проф. Паки-де-Совиньи*, не имѣя прежде никакой ученой степени, получилъ степень доктора, будучи уже экстраординарнымъ профессоромъ.

Онъ служилъ кварталнымъ надзирателемъ, частнымъ приставомъ.

Въ то время, въ Ярославлѣ былъ гражданскимъ губернаторомъ князь Голицынъ; онъ покровительствовалъ г. Чанову, и чтобы, до опредѣленія его на службу по учебной части, не терялось время служенія, князь Голицынъ опредѣлилъ его кварталнымъ надзирателемъ; въ этой должности г. Чановъ пробылъ только 3 мѣсяца и 10 дней, а частнымъ приставомъ г. Чановъ никогда не былъ, но если бы и былъ, то я не вмѣняю ему этого въ порокъ.

Наконецъ совѣтникомъ Ярославскаго и С.-Петербургскаго губернскихъ правленій. Въ первыхъ изъ этихъ мѣстъ онъ имѣлъ случай оказать нѣкоторыя услуги г. Филатьеву, бывшему во время его тамъ служенія предводителемъ дворянства. По этому по-

Формулярный списокъ показываетъ, что г. Чановъ не былъ совѣтникомъ въ Ярославлѣ, слѣдовательно, и не могъ имѣть случая оказать мнѣ, по званію своему, услугу, да и не могу представить себѣ, чтобы губернскому предводителю совѣтникъ правле-

воду г. Филатьевъ доставилъ ему мѣсто директора училищъ, а такъ какъ оно даетъ малое жалованье, то, въ прибавку къ нему, предоставилъ ему и кафедру философіи, дабы онъ могъ пользоваться принадлежащими званію этому выгодами.

ниі могъ что либо сдѣлать; я никогда не искалъ и не ищу кривыми стезями ничьего себѣ одолженія, 52 года живу на свѣтѣ, иду прямою дорогою, имѣя упованіе единственно на Бога, притомъ же смѣю надѣяться, что и ваша свѣтлость могли замѣтить откровенный и прямой характеръ мой и образъ мыслей, во время служенія моего подъ предсѣдательствомъ вашей свѣтлости по главному цензурному правленію; то имѣеть ли какое нибудь сходство съ моимъ образомъ мыслей, чтобы я по лицепріятію сталъ дѣйствовать въ такомъ важномъ предметѣ, каковой составляетъ преподаваніе философіи.

Г. Чановъ съ 10 марта текущаго года до начала экзаменовъ преподавалъ философію безъ жалованья, котораго не просить, и я не испрашиваю его у вашей свѣтлости въ моемъ представленіи, а потому въ этомъ случаѣ сочинитель довѣсь ошибся и ошибается.

Адъюнктомъ къ сему профессору Чанову г. попечитель назначилъ учителя нѣмецкаго языка Гренберга, также никогда къ этому званію не готовившагося и никакихъ знаній не имѣющаго.

Въ этомъ случаѣ доноситель выставляетъ меня совершеннымъ дуракомъ въ глазахъ вашей свѣтлости. На это я не могу отвѣчать. О Гренбергѣ ваша свѣтлость изволите усмотрѣть изъ донесенія моего и изъ формулярнаго его списка. И если бы я былъ такъ глухъ и такой невѣжда, то смѣю увѣрить васъ, что гг. профессора остановили бы меня въ порученіи Гренбергу преподаванія антропо-

логіи и логики, а первую лекцію онъ Гренбергъ читалъ въ полномъ собраніи всѣхъ профессоровъ университета и многія его лекціи также читаны профессорами, отъ которыхъ онъ заслужилъ одобреніе. Притомъ же, ваша свѣтлость, я могу судить и самъ о достоинствѣ и званіи преподавателей *по всѣмъ каведрамъ, кромѣ медицинскыхъ и математическихъ*; въ этихъ послѣднихъ наукахъ сознаюсь въ слабыхъ моихъ познаніяхъ.

Кандидатъ Криворотовъ учился отлично и готовилъ себя по части римскаго права, но г. попечитель приказалъ ему читать лекціи права естественнаго, къ коему Криворотовъ совсѣмъ и не готовился, не взирая на сдѣланныя имъ представленія. Слѣдовательно, цѣль ученія Криворотова осталась невыполненною, теперешнее занятіе его бесполезно для слушателей, а студенты ропшутъ, теряютъ уваженіе и довѣріе къ его особѣ и надежду на успѣхи въ ученіи.

Таковыя распоряженія г. Филатьева произвели величайшее неудовольствіе во всѣхъ факультетахъ Харьковскаго университета, и обозначаютъ явное пре-

Кандидатъ Криворотовъ доселѣ не былъ преподавателемъ, а поступилъ при мнѣ, на основаніи поданной имъ просьбы въ факультетъ, и по одобренію факультета, который назначилъ ему читать естественное право, а я только изъявилъ на то свое согласіе, признавая это нужнымъ, и отъ Криворотова не было никакихъ представленій противъ этого ни мнѣ, ни факультету. Заключение доносителя о цѣли ученія Криворотова, о ропотѣ студентовъ и прочее, доказываетъ только злобное намѣреніе его очернить дѣйствія мои предъ вашею свѣтлостію; первое заключеніе о цѣли ученія Криворотова—вздоръ, а второе о ропотѣ студентовъ—наглая ложь.

Не знаю, откуда доносчикъ почерпнулъ мысль о неудовольствіи всѣхъ факультетовъ на мои распоряженія, тогда какъ я ничего не дѣлаю по учебной части,

небреженіе къ существенной цѣ-
ли возложеннаго на него попе-
чительства или сомнительную
образованность.

не совѣтуюсь предварительно съ
профессорами, особенно того фа-
культета, до котораго болѣе что
либо относится. Цѣль возложен-
наго на меня попечительства, по-
лагаю, мнѣ болѣе извѣстна, не-
жели доносителю; я употребляю
все мѣры улучшить университет-
ское преподаваніе и направить
его къ истинной цѣли, а будущій
курсъ годичнаго преподаванія на
опытѣ докажетъ, исполнилъ ли я
обязанность свою или нѣтъ, и бо-
лѣе ли студенты успѣваютъ въ
наукахъ. Сомнительную мою обра-
зованность обнаружить я предо-
ставляю вполне г. доносителю и
ему подобнымъ; не этихъ людей
ищу заслужить одобреніе, но моею
совѣсти и того начальника моего,
который избралъ меня въ это
званіе.

Мнѣ весьма прискорбно, что есть столь злонамѣренные люди
которые ужасаются, если увидятъ человѣка, стремящагося исполнить
свою обязанность съ прямою и полезною цѣлью, человѣка, который на
правственности, основанной на религіи, основываетъ самое образованіе
общества. Я имѣю твердое намѣреніе возвысить Харьковскій универ-
ситетъ, а не унижить его, и пока не буду имѣть случая узнать извѣстныхъ
человѣкъ и призвать ихъ въ здѣшній университетъ, дотолѣ, при со-
дѣйствіи нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ гг. профессоровъ здѣшняго уни-
верситета и подѣ ихъ руководствомъ, буду употреблять молодыхъ пре-
подавателей, въ тому способныхъ, подѣ непосредственнымъ моимъ на-
блюденіемъ, дабы дѣйствительно преподаваемы были все предметы, въ
университетѣ положенные, приличнымъ и надлежащимъ образомъ, въ
чемъ надѣюсь успѣть, если ваша свѣтлость благоволите принять во
вѣреніе мои представленія о преподавателяхъ, ваша свѣтлость! Я, еще
не имѣя чести служить подѣ начальствомъ вашимъ, почиталъ и ува-
жалъ васъ душевно, безъ всякихъ видовъ, нынѣ, когда я вами благо-
честельствованъ избраніемъ меня въ то достопочтенное званіе, которое

я имѣю счастье носить, позвольте просить васъ покорнѣйше, какъ самой величайшей милости, каковую когда либо кто можетъ для меня сдѣлать, если имѣете малѣйшее сомнѣніе въ способностяхъ моихъ быть попечителемъ университета и его округа, то откровенно извольте сказать, и я предоставляю это мѣсто болѣе достойному меня. Если бы мнѣніе ваше обо мнѣ не измѣнилось, то позвольте просить васъ покорнѣйше, въ знакъ довѣрія вашего ко мнѣ, назовите мнѣ, ваша свѣтлость, того честнаго и благонамѣреннаго человѣка, который писалъ вамъ обо мнѣ такіа нелѣпости, я сохраняю это въ тайнѣ, даю въ томъ вашей свѣтлости честное слово мое; узнавши, по крайней мѣрѣ буду оберегаться его, успокоюсь самъ на счетъ вашего обо мнѣ заключенія, въ противномъ случаѣ я буду впредь связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ для пользы университета и невольно впаду въ бездѣйствіе, увидя, что все мое усердное стараніе превращается въ худое обо мнѣ заключеніе. Кажется, просьба моя—узнать имя этого человѣка есть просьба основательная, узнать его я считаю для себя вознагражденіемъ за тѣ горькія минуты, которыя провелъ я, читая эту клевету и даже ругательство и оправдываясь противъ нихъ. Отъ Харькова до С.-Петербурга разстояніе велико, почта ходитъ медленно, въ мѣсяцъ получается отвѣтъ, подобныя письма, каковое обо мнѣ изволили получить, безпокоятъ вашу свѣтлость и невольно разстраиваютъ довѣріе ваше ко мнѣ и вмѣстѣ охлаждають мнѣніе мое къ пользѣ университета, особенно по учебной части, тѣмъ болѣе, если не буду знать имени писавшаго, ибо могу подозрѣвать каждаго; а не имѣть довѣрія ни къ кому—самое ужасное положеніе въ жизни, вредное по роду службы моей, обширности занятій и обязанностей, на мнѣ лежащихъ. Простите мнѣ, ваша свѣтлость, что я переписать мое письмо съ этими объясненіями довѣрилъ г. Корсуну, старшему моему письмоводителю, благородному и честнѣйшему человѣку, четыре года мнѣ извѣстному, на скромность котораго вполне надѣюсь; онъ преданъ мнѣ совершенно; черновое же написалъ я самъ, не имѣя достаточныхъ силъ переписать четкою рукою, по слабости моего здоровья. На слѣдующей почтѣ буду имѣть честь представить о лекторѣ Гренбергѣ и его формулярный списокъ, изъ коего усмотрите, что онъ въ Дерптскомъ университетѣ получилъ достоинство кандидата философіи. Съ истиннымъ и усерднѣйшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью навсегда пребывать честь имѣю¹⁾.

Не даромъ Филатьевъ извинялся за то, что не самъ переписалъ министру это конфиденціальное письмо: писалъ онъ нераз-

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 130330/137.

борчиво и что самое главное — съ большимъ количествомъ ореографическихъ ошибокъ. Нельзя не призвать страннымъ и того мѣста въ его объясненіи, гдѣ онъ говоритъ, что если не будетъ знать имени доносчика, то охладѣтъ къ пользѣ университета. Очевидно, онъ не чувствовалъ себя органически связаннымъ съ этимъ послѣднимъ, если первая же препятствія могли повліять на него столь сильно. Повидимому, онъ явился въ Харьковъ съ хорошими намѣреніями, но, не имѣя достаточно образованія, развитія, природнаго ума и энергіи, не могъ вселить къ себѣ чувства уваженія въ профессорской коллегіи, хотя относился къ ней, повидимому, не такъ деспотически, какъ его предмѣстникъ. В. И. Филатьевъ былъ старъ, подверженъ болѣзнямъ и находился въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, которыя стали его въ нѣсколько ложное положеніе въ отношеніи къ министру.

2-го мая 1832 года В. И. Филатьевъ представилъ министру народного просвѣщенія ходатайство слѣдующаго содержанія. „Ваша свѣтлость, при предѣленіи моемъ въ званіе попечителя Харьковскаго учебнаго округа, назначили мнѣ для разѣздовъ по округу 4000 р. въ годъ, которые мною здѣсь и были получены. Не безызвѣстно вашей свѣтлости, что я не просилъ ничего на подъемъ отсюда, ибо эта сумма помогла мнѣ въ данномъ случаѣ. По минованіи года я не требовалъ за 2-й годъ, но при повелѣніи ѣхать въ Кіевскую, Подольскую и Волынскую губ. ваша свѣтлость назначили мнѣ 3000 р., кои и получилъ тогда же изъ Харьковской казенной палаты, по ассигновкѣ министерства финансовъ. Отправившись въ округъ для обозрѣнія училищъ, мнѣ необходимо нужно забирать съ собою довольно большое количество бумагъ, относящихся къ дѣламъ училищамъ, кои преднамѣренъ обозрѣть, брать съ собою для производства дѣлъ старшаго письмоводителя и одного писца, ибо текущіе дѣла по университету и округу также ко мнѣ пересылаются въ назначенные пункты по моему тракту: притомъ же, по обширности округа, дорожной вояжъ мой продолжается мѣсяца по три; главные учрежденія для осмотра—губернскія гимназіи; во время поѣздокъ по главнымъ трактамъ, платить долженъ по 8 коп. прогоновъ на версту на каждую лошадь, а менѣе какъ на 8 лошадяхъ, т. е. въ 2-хъ экипажахъ ѣхать мнѣ невозможно. Въ прошломъ году осенью по Подольской губ. отъ яризи я долженъ былъ брать подъ каждый экипажъ по 7-ми лошадей, всего 14 лошадей и платить по 8 коп. прогоновъ, что составляло на каждую версту 1 р. 12 к. Намѣреваюсь нынѣшнимъ годомъ осмотрѣть училища: 1) Херсонской дирекціи, 2) Таврической, 3) въ Таганрогѣ коммерческую гимназію, 4) училища Черноморскія, 5) Новочеркасскую гимназію, 6) Воронежскую и возвратиться въ Харьковъ; сверхъ того, если

обстоятельства позволять, то заѣхать въ Кавказскую область изъ Таганрога и потомъ въ настоящемъ же году осмотрѣть училища Черниговской губерніи, гимназіи: Новгородъ—Сѣверскую и Нѣжинскую и думаю, что мнѣ необходимо нужно будетъ побывать опять въ Кіевѣ по поводу перевода туда лицей. Изъ всего вышесказаннаго ваша свѣтлость усмотрѣть изволите, что 4000 р. мнѣ даже не станетъ на разъѣзды нынѣшняго года, отлагать же обозрѣніе округа до другого года или теперь уменьшить районъ объѣзда я считаю невозможнымъ, ибо и нынѣ при представленіи моемъ Государю Императору Его Императорское Величество изволилъ спрашивать: обозрѣлъ ли я свой округъ; я долженъ былъ отвѣчать, что по обширности округа не могъ еще этого сдѣлать, и назвалъ Государю тѣ губерніи, гдѣ я уже былъ. А потому прошу вашу свѣтлость объ ассигновкѣ мнѣ нужныхъ для объѣзда денегъ снестись съ г. министромъ финансовъ, дабы предписано было Харьковской казенной палатѣ по моему требованію деньги мнѣ отпустить, и какъ дѣйствительно 4000 рублей на нынѣшній годъ будетъ недостаточно, то прошу вашу свѣтлость о назначеніи на одинъ этотъ годъ не 4000, а 6000 р., ибо въ слѣдующемъ году не предвидится уже столь большой поѣздки. Сверхъ того, ваша свѣтлость, я на поѣздъ сюда съ Высочайшаго соизволенія употребилъ 1000 р., взятыхъ мною заимоборазно изъ университета и 1000 р. нужно мнѣ для возвращенія моего въ Харьковъ, поэтому прошу вашу свѣтлость снестись съ г. министромъ финансовъ объ отпускѣ мнѣ этихъ 2000 р. здѣсь въ Петербургѣ, ибо 1000 я долженъ отдать университету, а, не получивъ другой тысячи, я долженъ буду занимать на обратный путь, ибо хотя по ходатайству вашей свѣтлости и прибавлено мнѣ по 6000 р. жалованья, но его я буду получать только съ 1-го сентября, притомъ же и 4-хъ-мѣсячное мое пребываніе здѣсь повлекло меня въ необходимыя значительныя издержки“.

Министръ отвѣтилъ на это, что не назначалъ ему по 4000 р. на разъѣзды, ибо на всѣ 6 округовъ ассигнуется только 10000 руб. и попечителямъ дѣлаются назначенія изъ этой суммы не ежегодно, а по мѣрѣ дѣйствительнаго обозрѣнія округа, вмѣсто прогоновъ. „Вашему превосходительству, писалъ далѣе министръ, было отпущено 4000 р. только потому, что вы намѣрены были, пробывъ 6 недѣль въ Харьковѣ, ѣхать по округу, чего однако, сколько мнѣ извѣстно, въ 1-й годъ не дѣлали, исключая развѣ только тѣ учебныя заведенія, кои лежали на вашемъ пути въ Харьковъ, почему тѣ 4000 р. должны были бы поступить обратно въ государственное казначейство; но такъ какъ вы ихъ не возвратили, надлежало бы довольствоваться тою же суммою въ прошломъ

году при командированіи васъ въ губерніи—Кіевскую, Подольскую и Волинскую—за всѣмъ тѣмъ вы получили еще 3000 р., чего не получалъ ни одинъ попечитель. Что касается до нынѣшняго вашего пріѣзда въ Петербургъ, то на это я испросилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе по вашему прошенію, на что денегъ изъ казны нельзя было бы отпустить и тогда, когда бы не получили уже столь значительной суммы на объѣзды; а потому я весьма сожалѣю, что ваше превосходительство заимообразно взяли изъ университета 1000 р., чего начальникъ никогда ни себѣ, ни подчиненнымъ позволять не долженъ. На счетъ же предлагаемаго вашимъ превосходительствомъ въ нынѣшнемъ году обозрѣнія нѣкоторыхъ училищъ ввѣреннаго вамъ округа ничего рѣшительнаго еще сказать нельзя, доколѣ не устроятся училища въ-хъ вышепоименованныхъ западныхъ губерній“.

На это В. И. Филатьевъ далъ слѣдующее разъясненіе. „Ваша свѣтлость! На представленіе мое отъ 12 прошлаго мѣсяца объ отпускѣ мнѣ 2000 р. на проѣздъ сюда и обратно въ Харьковъ вашей свѣтлости угодно было предписать мнѣ отъ 17 того же мѣсяца, что касательно моего сюда пріѣзда ваша свѣтлость испросили Высочайшее на то соизволеніе по моему прошенію, на что денегъ изъ казны нельзя отпускать; но позвольте мнѣ на это имѣть честь объяснить, что я просилъ позволенія быть въ Петербургѣ не по собственнымъ дѣламъ, а по дѣламъ службы, относящимся до преобразованія польскихъ училищъ и дабы ускорить окончаніе этого дѣла личнымъ объясненіемъ моимъ. Нужно ли было личное мое по этому предмету присутствіе, вашей свѣтлости извѣстно, равно какъ и то, что по собственному ли желанію я нахожусь здѣсь пять мѣсяцевъ или отъ того, что не имѣю еще разрѣшенія и распоряженія объ училищахъ польскихъ; проживая здѣсь столь долгое время, я неминуемо вовлекался въ значительныя и бесполезныя относительно себя издержки, для меня весьма тягостныя, такъ что милость Монарха, по ходатайству вашей свѣтлости мнѣ оказанная прибавкою 4000 р. жалованья въ этомъ году, такъ какъ только я 1 сентября буду еще его получать, не покроетъ тѣхъ издержекъ, кои здѣсь дѣлаю, проживая не по своей волѣ или прихоти, а по службѣ и если еще и прогнаны долженъ буду употребить свои, то и изъ будущаго 1833 года одна треть на то пойдетъ. Войдите, сіятельнѣйшій князь, въ стѣсненное мое положеніе,—вамъ оно извѣстно,—и позвольте мнѣ симъ вторично просить объ отпускѣ мнѣ 2000 р. на проѣздъ сюда и обратно и если я уже столь несчастливъ, что службою только разстраиваю себя, тогда какъ другіе вознаграждаются и не угодно будетъ вашей свѣтлости оказать мнѣ ми-

лости, которую не могу не признавать справедливою, то по крайней мѣрѣ прикажите, ваша свѣтлость, изъ суммъ департамента выдать мнѣ впередъ жалованье за сентябрьскую треть по окладу моему 3000 р., каковая сумма возвратится изъ Харьковской казенной палаты при отпускѣ третнаго жалованья. За симъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью навсегда пребыть честь имѣю вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Владимиръ Филатьевъ. С.-Петербургъ. 25 іюня 1832. Вашей свѣтлости должно показаться страннымъ, что, бывъ два дня у васъ, не доложилъ о своей крайней нуждѣ, а письмомъ беру смѣлость беспокоить, но право не смѣлъ, чтобы не сѣтовали на меня; сдѣлайте милость, князь, войдите въ стѣсненное мое положеніе, право у меня теперь только 100 р.; что было, отправилъ дѣтямъ“. 2000 руб. ему были выданы ¹⁾, а еще раньше онъ получилъ прибавку къ жалованью въ 6000 р. ассигнаціями, какъ видно изъ нижеслѣдующаго ходатайства кн. Ливена.

„Попечитель Харьковскаго учебнаго округа д. ст. сов. Филатьевъ, при отлично равностномъ служеніи, исполнилъ съ совершеннымъ успѣхомъ возложенное на него въ прошедшемъ году порученіе обзрѣть училища Кіевской, Подольской и Волынской губ. и представить соображенія свои къ желаемому устройству ихъ. Въ продолженіе почти 2-хлѣтняго управленія обширнѣйшимъ учебнымъ округомъ отличается онъ дѣятельностью и стараніемъ совершать образованіе юношества на неизблемомъ основаніи вѣры, преданности къ престолу и любви къ отечеству. 12-лѣтнее служеніе его предводителемъ дворянства Ярославской губерніи и потомъ нахожденіе въ Петербургѣ сначала безъ жалованья крайне разстроило и безъ того ограниченное и обремененное долгами состояніе его и повергло его съ семействомъ въ самое затруднительное положеніе. Осмѣливаюсь всенеподаннѣйше ходатайствовать о Всемиловѣйшемъ награжденіи этого отличнаго и усерднаго чиновника пожалованіемъ аренды въ 2000 р. сер. Таковая милость усугубитъ рвеніе его къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и исторгнетъ изъ крайности, въ коей онъ нынѣ находится. Настоящимъ чиномъ награжденъ 16 сентября 1826 г.; жалованья получаетъ 3000 р., столовыхъ 3600 р.“ На это послѣдовала такая резолюція: „аренды дать нельзя, а можно дать прибавку къ жалованью по усмотрѣнію кн. Ливена“. Министръ прибавилъ 6000 р. ассигнаціями ²⁾.

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 34256/722.

²⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 34256/722.

Въ 1832 году Харьковскій университетъ посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ, и результатомъ этого посѣщенія было удаленіе отъ должности извѣстнаго намъ профессора архитектуры Васильева; попечитель вольно или невольно оказался виновникомъ несчастія, постигшаго этого стараго университетскаго дѣятеля. Вотъ какъ описывалъ это посѣщеніе попечитель въ письмѣ къ министру. „12-го сего сентября утромъ въ 6 часовъ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Харьковъ и того же дня въ 1-мъ часу пополудни осчастливилъ университетъ своимъ Высочайшимъ посѣщеніемъ. — Спѣшу доложить вашей свѣтлости, что Государь Императоръ былъ весьма милостивъ и доволенъ нами и видѣннымъ имъ. Я показывалъ Государю: 1) церковь, 2) торжественную залу. Государь хвалилъ очень и то и другое. Въ торжественной залѣ я имѣлъ счастье представлять Государю гг. профессоровъ и преподавателей, равно студентовъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Государь удостоилъ нѣкоторыхъ профессоровъ нѣсколькими вопросами и къ студентамъ былъ милостивъ, сдѣлалъ имъ истинно царскія и отеческія наставленія. Да благословить Господь Богъ благія его намѣренія для счастья его подданныхъ. Потомъ я показывалъ Государю Императору клинику; въ ней Государь сказалъ, что не только хорошо, но даже пышно и роскошно, все осмотрѣлъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно, приказывая [и бывшему съ нимъ доктору Аренду] обращать свое вниманіе на все въ клиникѣ, какъ болѣе въ семъ опытному. За симъ показывалъ я Государю кабинеты: 1) минералогическій, 2) зоологическій, 3) физическій, астрономическій и нумизматическій (они всѣ три въ одной залѣ помѣщены,) 4) технологическій; въ кабинетахъ Государь нашелъ у насъ все въ должномъ порядкѣ и устройствѣ, но замѣтилъ, что мы не богаты кабинетами и что это хорошее начало кабинетовъ для университета. Изъ кабинетовъ сихъ провелъ я Государя въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Государь весьма былъ доволенъ всѣмъ устройствомъ въ немъ и изволилъ хвалить устройство, порядокъ и чистоту и изволилъ замѣтить, что все безъ прихоти и роскоши и все хорошо и что онъ такъ изволилъ любить. Въ столовой изволилъ спрашивать меня, какую пищу они получаютъ; я отвѣчалъ: не прихотливую, а хорошую—горячее, кусокъ мяса и кашу, и Государь изволилъ сказать: это хорошо; такъ и надобно. За симъ показывалъ Государю библіотеку во временномъ ея теперешнемъ помѣщеніи и при этомъ доложилъ Государю, что она весьма недостаточна, по малости суммы на нее назначенной. Государь и самъ изволилъ признать недостатокъ, но былъ доволенъ. Потомъ чрезъ дворъ университета подлѣ устроеннаго вновь небольшого сада на дворѣ Государь изволилъ

пройти въ противоположный флигель, тотъ самый, который не конченъ строеніемъ, въ немъ изволилъ осматривать ботаническій кабинетъ и нашелъ въ порядкѣ его и залы лекціонныя; тутъ Государь спрашивалъ меня, види неудобность внутренняго расположенія, кто это все такъ настроилъ. Я отвѣчалъ, что это было при попечителяхъ Карнѣевыхъ и что при Перовскомъ постройки были вовсе приостановлены; Государь изволилъ спросить, какъ же ты хочешь теперь это устроить. Я показалъ тутъ же на мѣстѣ предполагаемыя внутреннія перестройки и Государь сказалъ: хорошо. Въ этомъ же зданіи показывалъ и химическую лабораторію и Государь остался доволенъ ея устройствомъ. Государь Императоръ былъ весьма веселъ и все время удостоивалъ меня своими разговорами и выслушивалъ весьма милостиво то, что я считалъ нужнымъ Его Императорскому Величеству докладывать и объяснять. Изъ университета Государь Императоръ изволилъ посѣтить гимназію, гдѣ такъ же былъ милостивъ и доволенъ видимымъ, хотя гимназія наша въ Харьковѣ не имѣетъ наружнаго блеска, но истинно хороша внутренностію. Я показывалъ Государю новую библіотечную залу и объяснилъ, отчего она по настоящее время не въ употребленіи (потому что стѣна отстала). Государь спросилъ, какой архитекторъ строилъ; я доложилъ, что профессоръ архитектуры Васильевъ. Государь Императоръ повелѣлъ его, Васильева, отставить отъ службы, о чемъ для исполненія воли Его Императорскаго Величества честь имѣю представить и ожидаю предписанія объ этомъ вашей свѣтлости. Государь Императоръ Высочайше мнѣ повелѣтъ соизволилъ объявить вашей свѣтлости волю Его Императорскаго Величества: 1) уничтожить преподаваніе военныхъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ повсемѣстно; 2) вольноприходящихъ учениковъ въ гимназіи, уѣздныя и прочія училища не допускать, если не представятъ свидѣтельства, что имѣли привитую оспу или должны привить оспу для допущенія приходить въ училища. 3) о дарованіи правъ студентескихъ ученикамъ Волынскаго лицея въ Кіевѣ Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ войти къ вашей свѣтлости съ представленіемъ для доклада Его Императорскому Величеству, что съ слѣдующею почтою будетъ мною исполнено; 4) о заведеніи военныхъ школъ у казаковъ вмѣсто гимназій и уѣздныхъ нашихъ училищъ; объ этомъ такъ-же съ слѣдующею почтою буду имѣть честь подробнѣе довести вашей свѣтлости; 5) Государь Императоръ изволилъ находить, что по медицинскому факультету лучше бы было, чтобы студенты раздѣлены были по предметамъ хирургіи, медицины и ветеринарнаго искусства, а не такъ какъ доселѣ они вообще всему обучаются и изволилъ мнѣ сказать: „устрой это“. Состави объ этомъ предположеніе

вмѣстѣ съ медицинскимъ факультетомъ, буду имѣть честь представить его на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости; при этомъ случаѣ я Государю доложилъ, что повсемѣстно студенты медицины обучаются предметамъ нераздѣльно и Государь изволилъ мнѣ сказать: *„и выходитъ, что будутъ знать всею покемному“*, что впрочемъ, ваша свѣтлость, весьма справедливо. Государь Императоръ съ великою похвалою изволилъ отзываться о Полтавской гимназіи и о директорѣ князѣ Цертелевѣ и спрашивалъ меня: какимъ образомъ у меня одна гимназія по новому уставу, а прочія всѣ по старому; я объяснилъ Государю, какъ все это сдѣлалось, и Государь изволилъ сказать: *„это хорошо, твоя гимназія и намъ будетъ полезна при открытіи въ Полтавѣ кадетскаго корпуса“*. Государь Императоръ въ бытность свою въ Харьковской гимназіи изволилъ мнѣ сказать: *„надобно-бы учебную часть приводить по новому уставу“*. Я докладывалъ, что новый уставъ введенъ въ Петербургскомъ кругу и на будущій годъ будетъ въ Московскомъ, а тамъ уже и у насъ, но я полагаю, что и до устава можно-бы точно преобразовывать учебную часть и тѣмъ исполнить волю Государя, на что и ожидаю разшесненія вашей свѣтлости. Государь Императоръ за Полтавскій женскій институтъ профессору нашему Артемовскому много милостиваго и летнаго для него изволилъ говорить при представленіи въ числѣ членовъ института здѣшняго и въ самомъ институтѣ. Государь Императоръ ко мнѣ особенно былъ весьма милостивъ, и я имѣлъ счастье быть приглашеннымъ къ обѣденному столу, гдѣ Государь такъ-же со мною много разговаривать изволилъ, по выходѣ изъ гимназіи благодарилъ меня за все имъ видѣнное и за столомъ такъ-же Государь изволилъ мнѣ повторить свое благоволеніе. Благодарю Господа Бога и моего Государя, не пощажу трудовъ быть достойнымъ милости Его Императорскаго Величества. Узнавъ, что Государь изволитъ быть въ Кіевѣ прежде Харькова, я ѣздилъ въ Кіевъ, и чтобы успѣть быть въ Харьковѣ прежде Государя, я проскакалъ 500 верстъ безъ остановки, не спавши 3 ночи и такъ какъ я въ Кіевѣ поѣхалъ нездоровымъ, то, простудясь еще болѣе, и совершенно утомившись, я теперь черезъ силу написалъ это донесеніе и весьма слабымъ себя чувствую. Государь Императоръ при отъѣздѣ изволилъ сказать губернатору: *„я помирился съ Харьковскимъ университетомъ“*. Смѣю увѣрить вашу свѣтлость, что Государь получилъ о насъ хорошее мнѣніе, два раза Государь изволилъ отзываться, что наши студенты имѣютъ хорошій видъ и въ гимназіи такъ-же дѣтми любовался. На другой день послѣ отъѣзда Государя мы всѣ въ полныхъ мундирахъ отслужили обѣдню въ университетской церкви и благодарственный молебень съ многолѣтіемъ о здравіи и долгоденствіи обоимъ нами нашего Государя Императора и Отца“.

Вѣроятно, директоръ департамента резюмировалъ для князя Ливена представленіе Филатьева въ 3-хъ положеніяхъ:

1. Отставить отъ службы профессора архитектуры Васильева. Г. попечитель ожидаетъ по сему предписанія вашей свѣтлости.

2. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ объявить вашей свѣтлости, чтобы преподаваніе военныхъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ было уничтожено повсемѣстно.

3. Надобно бы учебную часть приводить по новому уставу. Ожидаю приказанія вашей свѣтлости.

По поводу этого послѣдняго пункта министръ съ досадою сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „нечего приказывать, пока министръ финансовъ денегъ не даетъ“.

Во исполненіе предписанія министра, совѣтъ 11-го октября 1832 г. уволилъ отъ службы по Высочайшему повелѣнію Васильева. Вслѣдъ за тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ запросъ строительному комитету Харьковскаго университета о томъ, кто производилъ постройку библіотеки, и получилъ слѣдующій отвѣтъ.

„Во исполненіе предписанія вашей свѣтлости на имя попечителя отъ 9-го прошедшаго октября, съ требованіемъ свѣдѣнія касательно библіотечнаго зданія университета, строительный комитетъ честь имѣетъ донести вашей свѣтлости, 1-е) что планъ и смѣта на постройку корпуса, въ которомъ заключается церковь, залъ торжественныхъ собравій и библіотека, въ числѣ плановъ и смѣтъ на прочія университетскія зданія, Высочайше утвержденныхъ въ 5 день января 1819-го года, были составлены бывшимъ профессоромъ архитектуры статскимъ совѣтникомъ Васильевымъ; 2-е) постройка означеннаго корпуса, бывъ начата въ 1823-мъ году, производилась въ теченіи того же и 1824-го года подъ надзоромъ члена строительнаго комитета вышеупомянутаго профессора Васильева, а по совершенномъ окончаніи свидѣтельствовала въ 1825-мъ году; 3) составленіе плановъ и смѣтъ на постройки университетскихъ зданій происходило при попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа г. тайномъ совѣтникѣ Захаріѣ Яковлевичѣ Карябевѣ, а самая постройка упомянутаго корпуса производилась во время бытности попечителемъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Егора Васильевича Карябева“.

Ректоръ Николай Еллинскій, профессоръ Василій Комлишинскій.

Изъ дѣлъ же департамента народнаго просвѣщенія оказалось, что по представленію бывшаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа утверждены были бывшимъ г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (15 марта 1829 г.) предсѣдателемъ строительнаго

при Харьковскомъ университетѣ комитета ректоръ его *Осиновскій*, а членами комитета — ординарные профессора *Джунковскій*, *Книгинъ*, *Дрейсигъ* и *Успенскій*, экстраординарные профессора *Васильевъ*, *Комлишинскій* и *Дудровичъ*. Кто-же свидѣтельствовалъ постройку библиотечнаго зданія, о томъ свидѣнія не найдено.

Самъ Васильевъ сдѣлалъ по своему дѣлу на имя министра слѣдующее разясненіе. „12-го октября минувшаго 1832 года, во время болѣзни моей и до двесь продолжающейся, получилъ я выписку изъ журнала совѣта Императорскаго Харьковскаго университета, отъ 11-го числа того же мѣсяца, въ которой написано. „По представленію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, ваша свѣтлость въ отношеніи къ нему изъяснить изволили, что какъ Государю Императору благоудно было Высочайше повелѣть профессора архитектуры Харьковскаго университета Васильева отставить отъ службы, то сію Высочайшую волю надлежитъ немедленно привести въ исполненіе“. Не бывъ на болѣзнію моею при встрѣчѣ Государя Императора, во время посѣщенія его и осмотра Харьковскаго университета, не зная причины, по коей бы я, въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ, могъ обратиться на себя гнѣвъ Всеавгустѣйшаго и Возлюбленнѣйшаго Монарха моего и не видя изъ выданнаго мнѣ о службѣ формулярнаго списка ни малѣйшаго пятна, ни укоризны, противныхъ какъ званію моему, такъ чести и совѣсти, входилъ я въ совѣтъ университета съ прошеніемъ объ учиненіи законнаго постановленія на производство заслуженнаго мною пенсіона и на представленіе мнѣ права званія заслуженнаго профессора. По этому прошенію совѣтъ университета присланною ко мнѣ 8-го числа прошлаго ноября мѣсяца выпискою изъ журнала своего далъ знать: „такъ какъ совѣту неизвѣстны причины, по которымъ я вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго въ предложеніи г. попечителя отъ 10-го октября, отставленъ отъ службы, то онъ и не можетъ ходатайствовать о назначеніи мнѣ пенсіи и титула заслуженнаго профессора; а предоставляетъ мнѣ просить о томъ высшее начальство“.

При таковыхъ темныхъ и непонятныхъ для меня обстоятельствахъ, лишающихъ меня, послѣ долговременно-безпрерывной и безпорочной службы и въ старости лѣтъ всѣхъ способовъ къ пропитанію и содержанію себя съ большимъ семействомъ, я осмѣливаюсь принять въ соображеніе случившееся со мною и думать: не произошло ли оно отъ ошибки, ибо изъ словъ журнала совѣта видно, что Высочайшее повелѣніе объ отставкѣ меня отъ службы объявлено и доведено до свидѣнія вашей свѣтлости отъ г. попечителя Харьковскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Филатѣва, на объявленіе

кого не имѣть оныхъ права потому, что законоположеніями, изображенными въ именныхъ Высочайшихъ указахъ 1721-го іюля 10-го, 1726-го августа 10-го, 1733-го іюня 10-го, 1762-го іюля 3-го и ноября 7-го, 1763-го февраля 3-го и 1797-го годовъ января 4-го числа, предоставлено право объявлять Высочайшія повелѣнія или указы однимъ только членамъ Государственнаго совѣта, министрамъ, сенаторамъ и дежурнымъ генераль-адъютантамъ, кои объявляемыя ими Высочайшія Его Императорскаго Величества повелѣнія, въ видѣ известной формы, вносятъ въ правительствующій сенатъ, а изъ него уже дѣлается распоряженіе объ исполненіи; въ настоящемъ же со мною случаѣ Высочайшаго повелѣнія бывшій съ Государемъ Императоромъ г. генераль-адъютантъ Бенкендорфъ никому не объявлялъ, и совѣтъ университета, въ виду такового, кромѣ предложенія г. попечителя не имѣетъ. Подносъ у сего на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости выданный мнѣ формулярный списокъ и краткую записку о посѣщеніи Государемъ Императоромъ зданій Харьковскаго университета, составленную мною изъ полученныхъ мною свѣдѣній отъ г. Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора и маіора Бедриги, я поручаю себя, какъ старца, обремененнаго большимъ семействомъ, справедливому и милостивому покровительству вашей свѣтлости. Ежели же почему либо попечителю желательно отставить меня отъ службы, то прикажите, свѣтлѣйшій князь, во уваженіе 20-ти лѣтней безпорочной службы и безпрерывнаго исполненія въ теченіи 45-ти лѣтъ разныхъ должностей, сверхъ настоящей по званію обязанности, уволить меня отъ ней со слѣдующимъ мнѣ пенсіономъ и званіемъ заслуженнаго профессора“.

Къ этому прошенію была приложена нижеслѣдующая записка. „Въ проѣздѣ Государя Императора чрезъ городъ Харьковъ Его Величеству угодно было обозрѣть Харьковскій университетъ, постройкою котораго, а паче устройствомъ заа торжественныхъ собравій и церкви (каковыя всѣ постройки произведены мною) былъ Его Величество чрезвычайно доволенъ. Осматривая же библіотеку, болѣе пяти уже лѣтъ совершенно отдѣланную, Его Величество изволилъ спросить господина попечителя: зачѣмъ она пустая? тогда господинъ попечитель указалъ на небольшую и ничтожную трещину, находящуюся надъ большимъ окномъ библіотеки, сказавъ притомъ, что онъ находитъ трещину эту опасною и потому библіотеку помѣстить въ это зданіе не рѣшается: на это замѣчаніе Государь Императоръ ничего не сказалъ, а изволилъ продолжать обозрѣніе другихъ корпусовъ. Все это пересказалъ мнѣ господинъ гражданскій губернаторъ Михаилъ Ивановичъ Каховскій, который во время осмотра университета ни на минуту отъ Государя

Императора не отлучался. По обозрѣніи всѣхъ построекъ господинъ попечитель показалъ послѣдній корпусъ, называемый въ университетѣ студентскимъ; здѣсь, какъ и вездѣ, Государь Императоръ изволилъ похвалить отдѣлку; но господинъ попечитель доложилъ, что корпусъ этотъ худо построенъ; на это замѣчаніе Государь Императоръ тотчасъ спросилъ: какъ худо? на этотъ вопросъ господинъ попечитель, не умѣя отвѣчать, замолчалъ. Тогда Государь Императоръ спросилъ: кто этотъ корпусъ строилъ? господинъ попечитель отвѣчалъ, что профессоръ Васильевъ. На сей отвѣтъ Государь Императоръ изволилъ сдѣлать замѣчаніе: „профессора всегда худые практики; итакъ отставить его“. Это послѣднее происшествіе пересказалъ мнѣ майоръ Бедрыга, а такъ ли точно оно происходило, я не могу утвердительно повѣсти вашей свѣтлости, ибо я тогда былъ боленъ и по сіе время держимъ тою же жестокою болѣзнію. Вѣроятно, что точно въ такомъ видѣ все это событіе представилъ вашей свѣтлости и господинъ попечитель и прописалъ точныя слова Государя Императора. Ежели же онъ представилъ вашей свѣтлости въ превратномъ видѣ, то это есть явная несправедливость. Но въ какомъ бы онъ не представилъ видѣ слова Государя Императора вашей свѣтлости, я не могу быть обвиненъ ни въ сдѣлавшейся въ библіотекѣ трещинѣ, ни въ передѣлкѣ корпуса студентовъ, потому что корпусъ библіотеки конченъ постройкою въ 1825 году и въ 1827 году на законномъ основаніи освидѣтельствованъ сторонними чиновниками и сданъ въ вѣдѣніе правленія университета. Въ томъ же 1827 году въ зимнее время правленіе университета заготовило большое количество дровъ, такъ что всѣ стороны библіотеки и церкви были ими установлены; дрова же эти, прикасаясь къ стѣнѣ и возвышаясь на бугрѣ двора, образовали ложбину, наполнившуюся потомъ дождевою съ крышъ водою, которая, не бывъ никуда спускаема, стоя на одномъ мѣстѣ, составила лужу и, проникнувъ до фундамента, размочила его и произвела трещину. И если бы правленіе хотѣло поправить поврежденіе въ то же время, то стоило только откопать землю, что сдѣлать было очень удобно, и подлѣ стѣны набить кирпичемъ съ известкой; тогда бы это препятствовало водѣ проникать до глубины фундамента, а слѣдовательно осадка стѣны не произошла бы. Да и въ настоящее время, если бы господинъ попечитель призналъ это нужнымъ, то давно бы можно было исправить; напротивъ, онъ не только не обнаруживалъ безповойства объ этой трещинѣ, но даже не спросилъ меня, отъ чего она произошла и какъ ее можно поправить. Что же касается до корпуса казенныхъ студентовъ, то онъ сдѣланъ чрезвычайно прочно и не имѣетъ ни малѣйшаго нигдѣ поврежденія;

а что господинъ попечитель докладывалъ Государю Императору, будто онъ худо построенъ, это означаетъ, только то, что бывшій попечитель Егоръ Васильевичъ Каряевъ, желая въ немъ устроить университетскій пансіонъ, сдѣлалъ нѣкоторыя перестройки. Эти-то перестройки и не нравятся господину попечителю Филатьеву; желая ихъ передѣлать, онъ доложилъ такъ странно Государю Императору, т. е. что корпусъ худо построенъ. Въ формулярномъ моемъ спискѣ, кромѣ 29-ти лѣтней службы, числится посторонней службы, ничѣмъ отъ университета не вознагражденной: 1-е) четыре года читалъ я математику въ приготовительномъ классѣ; 2-е) съ 1803 года по 1812 годъ т. е. десять лѣтъ исполнялъ должность архитектора при университетѣ; 3-е) съ 1820-го по 1827 г. въ теченіи 7 лѣтъ исправлялъ архитектурскую должность въ строительномъ комитетѣ, и 4-е) состоялъ членомъ строительнаго комитета съ 1819-го по 1832 г., т. е. 13 лѣтъ; 5-е) съ 1820 по 1832 годъ въ теченіи 12 лѣтъ порученъ былъ мнѣ присмотрѣть за лѣсами. Въ 1820 г. строительный комитетъ входилъ съ представленіемъ къ господину попечителю о награжденіи трудовъ моихъ въ пользу университета съ 1817 по 1818 и 1819 годы при сочиненіи плана и смѣтъ Харьбвскаго университета, при осмотрѣ, покупкѣ и обмежеваніи лѣсовъ и проч. къ награждѣ орденомъ святаго Владиміра 4-й степени, а помощника моего кассира Войтенка къ награжденію орденомъ Анны 3-й степени, но онъ, Войтенковъ получилъ по этому представленію должное награжденіе, а я никакого награжденія не получилъ по сіе время. Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ Государю слѣдующій докладъ.

„Ваше Императорское Величество, во время Высочайшаго присутствія въ Харьковѣ, изволили увидѣть, что стѣна зданія університетской бібліотеки отстала и повелѣтъ соизволили строившаго это зданіе профессора архитектуры Васильева отставить отъ службы, что и приведено мною въ исполненіе. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Ваше Величество Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволили издержки, каковыя потребуются на исправленіе сказаннаго зданія, взыскать съ виновныхъ. Во исполненіе сего я собиралъ и получилъ слѣдующія свѣдѣнія. Строеніе сказаннаго зданія по плану, составленному Васильевымъ, началось въ 1823 году и производилось какъ въ этомъ, такъ и въ 1824 году подъ надзоромъ того же Васильева, и по совершенномъ окончаніи было освидѣтельствовано въ 1825 году назначенными по сношенію съ гражданскимъ губернаторомъ, чиновниками — ассесоромъ губернскаго правленія Алещенковымъ и губернскимъ архитекторомъ Чернышовымъ.

Во время постройки были въ строительномъ комитетѣ Харьковскаго университета:—предсѣдателемъ ректоръ Джунковскій, уже умершій; а членами профессора: Книгинъ, Дудровичъ, уже умершій, Пауловичъ, Комлишинскій, вышеупомянутый Васильевъ и покойный директоръ училищъ Слѣбодской-Украинской гимназій Лосевъ. Составленіе плановъ и смѣты происходило при покойномъ попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа тайномъ совѣтникѣ Каріевѣ, а самая постройка—при бывшемъ попечителѣ, нынѣ управляющемъ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, тайномъ совѣтникѣ Каріевѣ, который въ 1823 году находился въ Харьковѣ, а въ слѣдующемъ 1824 въ С.-Петербургѣ. На исправленіе зданія требуется по смѣтѣ 15,311 р. 85 коп.

Изъ вышесказаннаго оказывается, что виновными въ худомъ строеніи зданія можно считать главнымъ—производителя его, бывшего профессора архитектуры Васильева, который за это подвергся уже ставкѣ отъ службы, и послѣ него свидѣтельствовавшего строеніе бернскаго архитектора Чернышова; члены же строительнаго комитета, изъ коихъ многіе уже умерли, какъ не разумѣющіе архитектуры, занимавшіеся только хозяйственною и распорядительною частію, и прочіе не могутъ, какъ я полагаю, быть обвиненными въ этомъ дѣлѣ. Всенподданнѣйше донося объ этомъ, ожидаю Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.

„Въ это время Васильевъ умеръ и жена его вошла 2-го февраля 1833 года въ министерство съ прошеніемъ такого содержанія:“

„Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Неожиданно сраженный величайшимъ несчастіемъ мужъ мой, бывшій профессоръ архитектуры при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ статскій совѣтникъ Евгенийъ Алексѣевичъ Васильевъ, послѣ жестокой и мучительной болѣзни, переселился наконецъ въ вѣчное, блаженное жилище января 28-го дня. Онъ завѣщалъ мнѣ и двумъ малолѣтнимъ сиротамъ цѣло только въ наслѣдство: упованіе на правосудіе и милосердіе Творца, неблагаго и увѣренность, что и у престола правосуднѣйшаго Государя брѣту ихъ. И въ эти горестнѣйшіе дни я испытываю начало исполненія того послѣдняго завѣщанія: жители города Харькова принимаютъ въ насъ живѣйшее участіе; супругъ мой погребенъ, съ заслуженною имъ честію, помощію общественнаго пожертвованія; и я симъ же самымъ средствомъ имѣю еще возможность существовать съ семействомъ моимъ нѣсколько дней. Свѣтлѣйшій князь! Вы, облеченный довѣренностію правосуднѣйшаго изъ Царей, имѣете счастье, удѣленное весьма немногимъ, творить

судъ нелицепріятный, благотворить невинно страждающимъ и заставлятъ благословлять имя чадолубивѣйшаго Отца отечества. Гласъ народа, гласъ Божій, увѣряетъ меня, что Вы, свѣтлѣйшій князь, не презрите воля вдовы и сиротъ, которыхъ воздыханія и слезы никогда не остаются безъ вознагражденія у престола всевышняго. На смертномъ одрѣ дрожащею рукою супругъ мой подписалъ 12-го январи прошеніе къ вамъ, свѣтлѣйшій князь, при коемъ приложенъ послужной списокъ его и записка о злострастномъ и непоятномъ съ нимъ приключеніи. Свѣтлѣйшій князь! Могу ли умолчать о томъ, что каждое мгновеніе томительнаго ожиданія усугубляетъ невыразимую скорбь мою, что каждый взглядъ на несчастныхъ дѣтей моихъ, отецъ которыхъ 29 лѣтъ служилъ съ пользою, честію и похвалою при семъ университетѣ, терзаетъ материнское сердце“.

Новый министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ передалъ дѣло о виновныхъ въ неудовлетворительной постройкѣ библіотечнаго зала на заключеніе главнаго правленія училищъ и за тѣмъ утвердилъ его мнѣніе, о чемъ и сообщилъ попечителю въ слѣдующей бумагѣ. „Вслѣдствіе представленія вашего превосходительства отъ 6-го іюля сего года, дѣло о взысканіи, по Высочайшему повелѣнію, съ виновныхъ въ непрочной постройкѣ зданія библіотеки Харьковского университета и предлагалъ на заключеніе главнаго правленія училищъ, которое, по разсмотрѣніи этого дѣла, нашло, что ко взысканію за неисправную постройку стѣны библіотечнаго зданія Харьковского университета должна подлежать сумма, исчисленная собственно на перестройку ея 3,436 руб. 15 коп. и на забученіе пустоты подъ сводомъ 424 руб. 31¹/₄ коп., всего 3.860 руб. 46¹/₄ коп., и что виновнымъ въ такой неисправности оказывается одинъ только умершій архитекторъ университета Васильевъ, какъ производитель строенія; свидѣтельствовавшіе же зданіе, по оковчаніи его, не могли видѣть упущенія въ фундаментъ стѣны, а потому и не должны раздѣлять съ архитекторомъ ответственности за него. Члены строительнаго комитета, обязанные надзоромъ за хозяйственною только частію строенія, и бывшій попечитель, имѣвшій главный надзоръ и завѣдывавшій распорядительною частію, также не могутъ быть признаны виновными въ такомъ дѣлѣ, которое относилось собственно къ искусственной части и потому не могло обращать на себя вниманія ихъ. На этомъ основаніи, хотя сказанное взысканіе слѣдовало бы произвести съ наслѣдниковъ Васильева, но какъ по совершенной бѣдности ихъ не оказывается къ тому никакой возможности, то исчисленный на постройку стѣны, съ забученіемъ подъ

сводомъ для нея, расходъ подлежить по необходимости позаимствовать изъ общей строительной университетской суммы, и наконецъ, что прочное возведеніе этой постройки должно отнести на отвѣтственность вашего превосходительства, такъ какъ вы разрѣшили ее по соображеніи на мѣстѣ всѣхъ относившихся къ тому обстоятельствъ, и на университетаго архитектора, имѣющаго всѣ способы къ принятію для этого потребныхъ мѣръ. Согласясь съ своей стороны съ заключеніемъ главнаго правленія училищъ, я доводилъ о немъ до свѣдѣнія комитета гг. министровъ, для исходатайствованія Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія—слѣдующее съ умершаго профессора Васильева на непрочную постройку имъ зданія бібліотеки Харьковскаго университета взысканіе, составляющее по исчисленію нужной на исправленіе его суммы 3860 руб. 46¹/₄ коп., сложить съ его наслѣдниковъ, въ уваженіе совершенной ихъ бѣдности. По положенію о семъ комитета гг. министровъ Государь Императоръ въ 14 день текущаго ноября сказанное представленіе мое Высочайше утвердить соизволилъ. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, равно и о заключеніи главнаго правленія училищъ, имѣю честь сообщить вашему превосходительству, для надлежащаго съ вашей стороны исполненія и наблюденія“.

Итакъ, по Высочайшему повелѣнію, вдова и сироты Васильева были освобождены отъ уплаты 3860 руб. 46¹/₄ коп., потребныхъ на исправленіе трещины. Но они все-таки не получили пенсіи, заслуженной ихъ отцомъ и являвшейся единственнымъ возможнымъ источникомъ для ихъ существованія. И вотъ вдова подаетъ на имя Государя вѣдующую просьбу.

„Всемиловѣйшій Государь! Несчастная, въ истинномъ значеніи сего слова, вдова, подобно Евангельскому страдальцу, вопіявшему къ источнику спасенія на земли: „Господи! человекъ не имамъ“—и въ его единого получившему исцѣленіе, дерзаетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергнуть непосредственно къ подножію престола Вашего Императорскаго Величества, какъ источника милосердія, всеподданнѣйшее прошеніе.

Умершій мужъ мой, статскій совѣтникъ Васильевъ, кромѣ службы гражданской съ 1796-го по 1803 годъ, 29 лѣтъ непрерывно служилъ при Харьковскомъ университетѣ въ должности адъюнкта и потомъ экстраординарнаго профессора архитектуры, исполнялъ при томъ въ разные времена и другія, возлагавшіяся на него важныя обязанности, какъ то: лектора математическихъ наукъ, архитектора, члена строительнаго комитета, синдика и визитатора подвѣдомыхъ университету училищъ. Послужной его списокъ, при семъ въ засвидѣтельствованной

копіи подносимый, свидѣтельствуеть, что всѣ эти обязанности онъ исполнялъ усердно и безпорочно съ сохраненіемъ по части строительной значительной суммы въ пользу казны. 12-го октябріа прошедшаго 1832 года онъ, одержимый болѣзнію, получилъ отъ совѣта Харьковскаго университета извѣщеніе о предписаніи г. бывшего министра народнаго просвѣщенія, послѣдовавшемъ на представленіе попечителя университета, что „какъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть отставить его (мужа моего) отъ службы, то сію Высочайшую волю немедленно должно исполнить“. Сраженный этимъ извѣстіемъ и не зная причины, по коей въ преклонныхъ лѣтахъ могъ онъ имѣть несчастіе обратить на себя гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, онъ просилъ въ совѣтъ Харьковского университета объ исходатайствованіи ему званія заслуженнаго профессора и пенсіи, установленной Высочайше дарованною университету грамотою; на это объявлено ему: такъ какъ совѣту не извѣстны причины, по которымъ онъ отставленъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ службы, то совѣтъ не можетъ ходатайствовать о назначеніи ему пенсіи и титула заслуженнаго профессора. Послѣ чего частно освѣдомился онъ, что Высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества послѣдовала по случаю какихъ-то поврежденій или недостатковъ въ выстроенныхъ имъ зданіяхъ университета, усмотрѣнныхъ во время Высочайшаго путешествія въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1832 года чрезъ Харьковъ и при обозрѣніи университета, при коемъ мужъ мой, по своей болѣзни, не могъ имѣть счастья находиться и всеподаннѣйше представить свои оправданія. Изъ найденныхъ мною по смерти его бумагъ видно, что таковыя оправданія въ запискѣ его, при прошеніи на имя бывшего министра народнаго просвѣщенія, были имъ представлены, но прежде нежели онъ могъ получить на то разрѣшеніе, при усилившейся жесточайшей болѣзни, 28-го января сего года пораженъ смертію, завѣщавъ мнѣ предъ кончиною одно упованіе на милосердіе Вашего Величества, Отца всѣхъ несчастныхъ, и оставивъ меня съ малолѣтними дѣтьми въ совершенной бѣдности и нищетѣ, до того простирающейся, что послѣ его найдено только 4 р. 40 к., и самое погребеніе по обряду вѣры совершено подаеніемъ благотворительныхъ особъ. Къ довершенію горести моей, онъ оставилъ еще долгъ частному лицу съ залогомъ дома, по коему я вскорѣ должна лишиться и этого послѣдняго уже пріюта. Въ такомъ бѣдственномъ и въ отчаяніе меня приводящемъ положеніи я утруждала прошеніемъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи мнѣ пенсіи по службѣ мужа моего; но мнѣ объявлено чрезъ правленіе Харьковского универ-

ситета, что какъ мужъ мой уволенъ отъ службы по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію за непрочную постройку зданія бібліотеки университета, то онъ, управляющій министерствомъ, и не можетъ ходатайствовать о назначеніи мнѣ пенсіи. Въ вышеупомянутыхъ запискахъ, по смерти мужа моего оставшихся, я нахожу объясненіе его, что оказавшаяся въ зданіи университетской бібліотеки трещина произошла не отъ его вины, но отъ причины посторонней въ 1827 году, именно отъ складки близъ нея въ большомъ количествѣ дровъ, которыя, будучи приложены къ стѣнѣ и возвышаясь на бугоръ двора, образовали ложбину, наполнившуюся потомъ дождевою водою, которая, стоя на одномъ мѣстѣ, составила дугу и, постепенно проникнувъ до фундамента, размочила его и произвела трещину; но какъ женщина, не могущая и не умѣющая въ дѣлахъ подобнаго рода имѣть сужденіе, я не осмѣливаюсь утруждать Высочайшую Особу Вашего Императорскаго Величества какими-либо оправданіями за мужа моего, и взываю только къ милосердію монархему: воззрите, всемилостивѣйшій Государь, на злосчастнѣйшее положеніе бѣдной вдовы и малолѣтняго сына (другой сынъ послѣ кончины мужа моего умеръ), остающихся безъ куска насущнаго хлѣба и угрожаемыхъ лишеніемъ и послѣдняго убѣжища по залогу дома за частный долгъ; и если-бы упомянутое поврежденіе въ стѣнѣ зданія университетской бібліотеки могло быть и отъ ошибки мужа моего (чего онъ въ жизни своей не относилъ къ себѣ и къ оправданію своему свидѣтельствовался множествомъ устроенныхъ имъ публичныхъ и частныхъ зданій, за которыя всегда была изъявляема ему признательность и похвала) то умоляю Ваше Императорское Величество эту вину его, которая во всякомъ случаѣ не могла быть умыслена, покрывъ отеческою благостію, въ уваженіе всей прочей долговременной безпорочной и усердной его службы, въ томъ числѣ по одному университету 29-лѣтней, осчастливить меня всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ пенсіи, положенной по уставу университета. Всемилостивѣйшій Государь! Царь Царствующихъ, милуяй грѣшниковъ, прощаетъ и величайшихъ изъ нихъ. Ваше Величество, подражая образу сего Небеснаго Царя, творите причастниками милосердія своего и злѣйшихъ преступниковъ; осмѣливаюсь по сему вѣровать, что и я, несчастная вдова съ сыномъ иновника, большую часть жизни своей вѣрно служившаго и до гроба преданнаго Монарху, обрѣту милость у престола вашего и въ семъ то пованіи пріемлю дерзновеніе повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Величества сіе всеподданнѣйшее прошеніе, а съ нимъ вмѣстѣ часть свою и малолѣтняго сына.